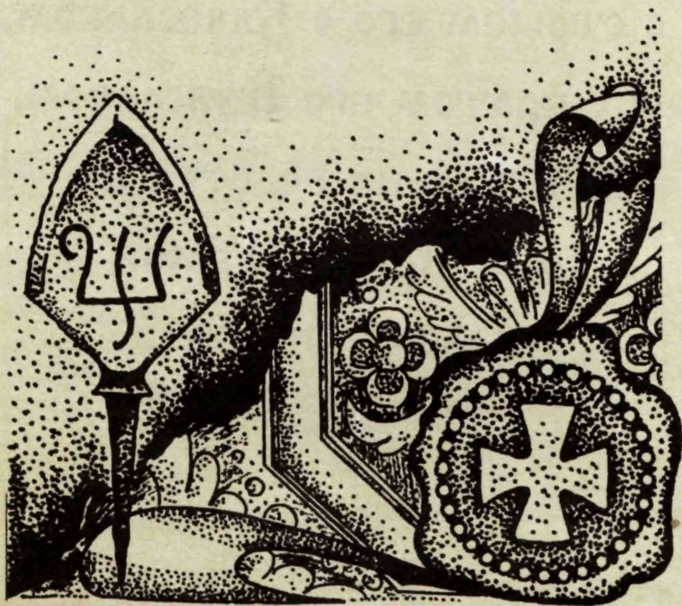
O.A. Макушников

Гомель

с древнейших времен до конца XVIII века

... И слышав оже билися
Ольговичи у Переяславля
с стрыем его с Вячеславом,
и с братом его Изяславом,
и поиде на волость их,
и взя около Гомия
волость их всю.

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

О.А. Макушников

Гомель
с древнейших времён до конца XVIII века

Историко-краеведческий очерк

Гомель

Республиканское унитарное предприятие
«Центр научно-технической и деловой информации»

2002

ББК 63.3(4Бен)
М 15
УДК 947.6

Рецензенты:

ЛАЗЬКО Григорий Григорьевич,
доктор исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Учреждения образования «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

ЛИТВИНОВ Владимир Адамович,
заместитель директора по научной работе
Гомельского областного краеведческого музея

М 15 **МАКУШНИКОВ О.А.** Гомель с древнейших времён до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк.– Гомель: Республиканское унитарное предприятие «Центр научно-технической и деловой информации», 2002.– 244 с.

Издание построено на комплексном изучении обширного краеведческого материала по истории Гомеля с древнейших времён до конца XVIII века. На основании данных археологических раскопок и письменных источников воссоздается картина расселения и жизни первобытных людей в Нижнем Посожье, раскрывается процесс зарождения и становления древнейшего на юго-востоке Беларуси города – Гомеля, рассматриваются сложные и противоречивые судьбы его развития во времена Киевской Руси, Черниговского княжества, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Публикуемое приложение документов (летописные, дипломатические, юридические и другие материалы) является наиболее полным собранием письменных источников по истории Гомеля и его окрестностей периода средневековья и нового времени (до 1772 г.).

Книга адресована студентам-историкам, будет полезна учителям, школьникам и всем, интересующимся прошлым Беларуси.

Печатается в авторской редакции.

ISBN 985-6522-23-4

ББК 63.3(4Бен)
УДК 947.6
© О.А. Макушников, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга адресована пытливому, жаждущему прикосновения к истокам Гомеля читателю. На её страницах собраны воедино разрозненные свидетельства многовековой истории (и доистории) Старого, «дорумянцевского», города. Каждый, на первый взгляд ничем не примечательный её факт, соединённый с такими же «малозначительными» штрихами, составляет яркую ткань прошлого, созданную трудами и славой известных и безымянных предков. А сама эта ткань – лишь ничтожный лоскуток истории Беларуси, утеряв который полотно прошлого было бы подобно одеянию нищенки.

Время безжалостно стирает хрупкие частицы Прошлого, но каковы бы ни были утраты – ничто не может истребить жажды их воссоздания. Сегодня уже нет ни некогда грозных башен Гомельского замка, ни скромных и величественных памятников духа, воображения и труда пращуров, а их могилы поросли седым быльём. Но цепкая память об ушедшем властно просыпается в кропотливом поиске учёного и краеведа. Подобно крупицам ценного металла, попавшим на лоток старателя, собирается информация о Прошлом, разбросанная беспечной рукой Времени по страницам средневековых летописей, «похороненная» в древних культурных напластованиях.

Краеведы разных поколений уже пытались представить «собирательный» образ старой гомельской истории. Начало поиску положил «патриарх» нашего краеведения Лев Алексеевич Виноградов. Именно он, автор книги «Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900», изданной ещё на рубеже веков, заложил первый камень в фундамент величественного здания Нашей Истории. И как бы ни судили этот труд по прошествии десятилетий, никто не сможет отказать Л.А. Виноградову в почётном звании Первопроходца, приподнявшего пелену забвения над далёким прошлым малозаметного тогда уездного городка.

Виноградов не был профессиональным историком. Тем не менее, рисуя гомельскую старину, он отдавал предпочтение подлинным

историческим свидетельствам – летописям, грамотам и прочим документам, которые уважительно именуются «источниками». Лев Алексеевич познакомил читателя не только с историческими материалами, опубликованными стараниями тогдашних учёных, но и с некоторыми документами, судьба которых сейчас неизвестна. Неплохо ориентировался Виноградов и в современной ему исторической литературе. «Лёгким пером» пробежал он по многовековой истории и сделал это столь блестяще, что на протяжении девяти десятилетий после выхода его небольшой книжки робкие попытки «переписать» её отдельные страницы оказались безуспешными.

Нельзя не отметить книгу учёного-лингвиста А.Ф. Рогалева «От Гомеюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах» (1993 г.). Она выгодно отличается новизной ряда суждений, интересными догадками, эмоциональностью изложения. Одно из достоинств этой книги – языковедческий поиск истоков гомельских топонимов, которые, как убедительно показывает её автор, несут богатейшую информацию о далёком прошлом города.

В разные годы к гомельской историко-краеведческой тематике обращались известные и малознакомые читателю исследователи. Одни искали и публиковали редкие письменные документы. другие – рассказывали о памятниках старины, третьи – с сугубо научных позиций трактовали отдельные моменты истории. Далёким городским прошлым интересовались дореволюционные белорусские ученые И.И. Григорович и Е.Р. Романов, краеведы И.А. Сербов, И.Ф. Жудро, Д.И. Довгялло, наши современники – С.М. Лебедев, Г.С. Евдокименко, Г.В. Штыхов, П.Ф. Лысенко, М.А. Ткачёв, М.Ф. Спиридонов, В.А. Литвинов и другие – авторы очерков, статей, разделов научных и научно-популярных трудов, энциклопедических заметок, посвящённых археологии и средневековой истории Гомеля.

Долгие годы наша история писалась на основании источников письменных. Но у таковой был свой «нижний» предел – 1142 год, время появления Гомеля на страницах летописи. Археологические раскопки, начатые И.Х. Ющенко, М.А. Ткачёвым и продолженные с 1986 г. гомельскими археологами, позволили прочитать удивительную «земляную летопись» города, существенно дополняющую летопись «обычную». Археологическим памятникам X–XIII столетий посвящена научно-популярная книга автора этих строк «В поисках древнего Гомия» (1994 г.).

Итак, читатель уже получил возможность прикоснуться к древней истории города над Сожем, но та стремительность, с которой исчезает с книжных полок краеведческая литература, подсказывает: голод на историческую информацию ещё далеко не

удовлетворён. С другой стороны, «образ» Старого Гомеля настолько многолик и мало изучен в отдельных своих проявлениях, что и сегодня перед исследователем открывается поистине бескрайнее поле творческого поиска. Слишком многих фрагментов нашей истории пока недостаёт. Это обстоятельство и подсказало автору необходимость продолжения краеведческих изысканий.

Задача этой книги – не просто ознакомить читателя с авторским видением «старой» истории Гомеля, но, в первую очередь, с Его Величеством Историческим Фактом – подлинными документальными свидетельствами, о которых нередко забывают краеведы. Наше повествование построено на основе исторических источников – письменных, археологических, картографических, публиковавшихся ранее и почти неизвестных. Вновь обнаруженные археологические материалы позволяют обрисовать наиболее загадочный, «туманный» пласт гомельского прошлого. Уникальные древние остатки, открытые учёными в культурных наслоениях в последние десятилетия, рассказывают о расселении на берегах Сожа людей каменного и бронзового веков, о древнейших поселениях на территории города, о зарождении здесь «племенного» града, об эпохе радимичей. Именно археология решительно «отодвигает» дату возникновения города вглубь веков, опровергая наивный тезис: «1142 год – время основания Гомеля».

В совокупности с источниками письменными данные археологических раскопок помогают воссоздать и важные моменты истории города в эпоху Киевской Руси и Черниговского княжества. За «немыми» (на первый взгляд) остатками жилых строений, крепостных рвов, черепками керамической посуды, металлическими орудиями труда и предметами средневекового вооружения встаёт картина богатого восточнославянского города Гомия, столь незаслуженно обойдённого вниманием летописцев.

История Гомея-Гомеля XV–XVIII веков оставила немало документальных свидетельств и иного рода: данных различных грамот, донесений, писем, хозяйственных инвентарей и т.п., написанных на старобелорусском, польском, русском и латинском языках. Автор стремился извлечь из них как можно больше информации, полезной для изучения прошлого города эпохи Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

Краеведы, следуя наиболее доступным источникам, отдают предпочтение политической истории Гомеля – безусловно яркой и волнующей. Именно ей посвящена и большая часть этой книги. Но история будет неполной и не всегда понятной, если мы не затронем её экономические, социальные и прочие страницы. Постараемся же по возможности восполнить и этот пробел. Читатель

познакомится с результатами новых исследований, посвящённых реконструкции первоначальной гомельской топографии, определению трасс старейших («дорумянцевских») улиц, найдёт описание средневекового замка и его строений.

Автор рассматривает историю древнейших городских храмов, выясняет места их расположения на плане Старого города. Из небытия возвращаются имена горожан и волощан XVI–XVIII столетий, приводятся расчёты численности городского населения в различные периоды истории Гомеля.

Истинному любителю старины будут небезынтересными впервые собранные воедино наиболее важные подлинные документы, освещающие историю Гомеля с древнейших времён до конца XVIII века. Большая часть этих «живых» свидетельств прошлого извлечена из давно уже ставших библиографическими редкостями изданий XIX века, другие обнаружены в архивах. Ряд документов публикуется впервые.

Изложение событий прошлого ограничено XVIII столетием отнюдь не произвольно. Именно к концу этого века завершается история Старого города, меняется его традиционный жизненный ритм и стирается формировавшийся веками внешний облик. Разрушив шагнувший из туманного средневековья замок, чуть позднее разбив на территории прежнего «места» живописный парк, дав Гомелю «регулярную» планировку, неумолимое Время руками знаменитых Румянцевых открыло совершенно новую страницу гомельской летописи, достойную отдельного повествования.

Эта книга адресована студентам и школьникам, учителям и краеведам, всем, интересующимся историей Гомеля.

Автор благодарен руководителю Гомельского военно-исторического клуба «Стяг Олега Святославича» Ю.М. Лупиненко за помощь в художественном оформлении настоящего издания.

ВО МГЛЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Доистория

Куда ни брось взгляд – бескрайняя тундростепь с серыми пятнами скудной растительности, унылые болота и голые холмы. Большая безымянная река медленно несёт вдаль тёмные холодные воды. По склонам глубоких оврагов и береговым обрывам, защищённым от ледяного дыхания ветра, ютятся небольшие островки хвойного и берёзового леса. Низко над землёй плывут свинцовые тучи, обещающие непогоду...

Наверное, такой могли увидеть незнакомую безлюдную местность, тысячелетия спустя названную Гомием, **отряды первобытных охотников.** Они продвигались с юга вслед за стадами неприхотливого обитателя сурового приледникового края – мамонта. Это случилось не позднее 27–25 тысяч лет тому назад, в эпоху позднего палеолита (древнекаменного века) [1].

Первых жителей холодной пустыни было совсем немного, и они оставили слишком мало следов на нашей земле. Именно поэтому учёным ещё не удалось обнаружить остатки их поселений в историческом центре современного Гомеля, удобном для обитания в те далёкие времена. Ближайшая известная стоянка находится возле деревень Подлужье и Бердыж Чечерского района [2].

Человека влекут холмистые, изрезанные оврагами места. Здесь можно основать поселение и поставить одно-два жилища, использовав в качестве строительного материала черепа, крупные кости и шкуры мамонтов. И не беда, что большую часть года очень холодно и дров для очага поблизости мало: в костре хорошо горят кости, а прочные шкуры

заменяют одежду. Из найденного на берегу Сожа и в меловых обнажениях-обрывах камня умелыми ударами можно сделать ножи для разделки туш животных, скребки для обработки шкур, острия и наконечники копий. Из всех пород камня более всего подходит кремень, отличающийся сочетанием большой твёрдости и способностью раскалываться на узкие пластины заданной длины. А кость животных годится для иголок, гарпунов и украшений.

Первопоселенцы полностью зависели от благосклонности природы, собирали птичьи яйца, моллюски, ягоды, съедобные коренья. Собирательство было занятием женщин и детей. Оно требовало достаточно простых приспособлений – корзинок из прутьев и коры. Коренья и мелких земляных животных добывали роговыми копалками и каменными клиньями. Но собирательство не давало человеку и десятой доли необходимого пропитания, поэтому он надеялся прежде всего на охотничьи трофеи.

Коллективная охота была главенствующей в жизни первобытного человека. Периодически ему удавалось добывать шерстистого носорога, бурого медведя, лошадь, песца. Охота на крупных животных требовала немалых усилий. Громким шумом, подожжённой травой и факелами охотники гнали мамонтов в болотные трясины, овраги, специально устроенные ловушки-ямы, караулили их у речных бродов, где кололи копьями и добивали камнями. После разделки добычи кремневыми ножами её уносили на стоянку. Мамонт весил несколько тонн, достигал трёхметровой высоты, поэтому такой трофей обеспечивал кровный род целой горой мяса.

Древнейшие поселения на берегах Сожа не были долговременными. Первобытные люди обитали лишь там, где имелось необходимое количество животных и растительной пищи. Малой группе охотников для обеспечения пропитания рода требовалась огромная промысловая территория вокруг стоянки. После истощения охотничьих угодий люди снимались с обжитого места и уходили в поисках нового жилья порой за многие десятки километров.

Первопоселенцы не оставили на нашей земле своих прямых потомков. Природа была беспощадна к людям и надолго изгнала их из вновь обретённого края арктической стужей и неумолимым наступлением ледника. Обширное его продвижение

имело место 17–18 тысяч лет назад, когда северная часть Беларуси покрылась льдами, а более южные районы превратились в тундростепь, почти лишённую леса. Климат сделался настолько суровым, что Поднепровье стало похожим на пустыню, совершенно непригодную для обитания[3]. Люди ушли на юг.

Новое потепление наметилось около 14 тысяч лет назад. Ледник окончательно отступил на север, а на место голой тундры вернулись открытые пространства с разбросанными по ним берёзово-сосновыми лесами. Позже в них появились липа, ясень, ольха, дуб, лещина. Воздействие ледника слабело, складывались условия для повторного заселения Беларуси человеком.

Быт людей, появившихся на берегах Сожа около 12–11 тысяч лет тому назад, во многом отличался от жизни их далёких предшественников. Основные изменения коснулись охоты, ибо навсегда исчез мамонт, кормивший и обогревавший первобытного человека. То ли люди полностью выбили этого представителя древней фауны, то ли не выдержал он резких колебаний климата. Как бы там ни было, место мамонта занял северный олень. А у человека оставалась прежняя цель – выжить.

Олень – животное осторожное, пугливое, передвигавшееся с большой быстротой, проводившее значительную часть жизни в миграциях-кочёвках. Для человека он представлял исключительный интерес. Это – и мясо, и жир, и шкура, и кость, и прочные сухожилия. Олень собирался в стада только в начале короткого лета и только в отведенных ему инстинктом местах. Где-то поблизости от них и должны были строиться первые охотничьи поселки.

Повадки и образ жизни оленя заставили первобытных людей искать новые, более эффективные способы охоты на него. Заметив, что олень чрезвычайно любопытен, охотники привлекали его надетыми на головы рогами (так ещё и сейчас поступают аборигены Северной Америки – эскимосы). Во время миграций животных караулили у мест их традиционных речных переправ. Плывущий по воде олень был почти беззащитен, поэтому его могли бить как с берега, так и с лодки. Этой цели служили копьё и гарпун. Зимняя охота на оленя ещё более сложна, она стала возможной лишь после изобретения лука и стрел. Кроме северного оленя, охотились на белых куропаток и зайцев, с успехом применяя изготовленные из оленьих сухожилий силки.

Охотники проводили жизнь в тяжком труде, передвигаясь вслед за мигрирующими стадами оленя. Нередко длина таких переходов составляла порядка 300 километров. Поэтому люди учились строить не только постоянные, но и лёгкие временные жилища. Эти дома были подобны шалашам, основу которых составляли разборные деревянные жерди, крытые сшитыми оленьими шкурами. Вес такого жилища составлял всего 100–200 кг, и его могла переносить даже небольшая группа охотников без применения каких-либо транспортных средств.

Стоянки охотников на оленя, возрастом около 12 тысяч лет, археологи нашли в непосредственной близости от Гомеля – в урочище Горелый Алёс, в зоне отдыха Клёнки и на песчаных дюнах близ Романовичей на правом берегу Ипути [4].

10 тысяч лет назад в геологической истории Земли произошли глобальные изменения, следствием которых стало формирование современного рельефа, климата, флоры и фауны. В это время южные языки Великого ледника были уже далеко от нашего края и таяли где-то в районе нынешних Швеции и Финляндии. Быстрое потепление вело к исчезновению остатков тундровой растительности и появлению травяного покрова современного типа. Крупные реки – Сож, Ипуть, Беседь – приобрели знакомые нам очертания долин, заливных лугов и пойменных всхолмлений. Со всех сторон к рекам подступили бескрайние березово-хвойные, а позднее – хвойно-широколиственные леса и болотные массивы. Северный олень, привычный к более суровому климату и открытым просторам, ушёл вслед за ледником. Гомельские холмы заросли вековым лесом, в котором расселились лось, зубр, бурый медведь, кабан, благородный олень, рысь, куница и косуля. Долину Сожа и его притоков облюбовали бобры. Новая среда обитания вновь изменила жизнь первобытного человека. Сама природа, казалось, сменила гнев на милость, призывая своих детей к широкому освоению благодатных просторов. И они воспользовались этим приглашением. Началась новая эпоха в истории человеческого общества – мезолит (среднекаменный век), длившаяся до V тысячелетия до н.э., период массового расселения людей в долинах рек и разработки природных ресурсов.

Благополучие человека, как и раньше, зависело от его трудового опыта и смекалки. Для добычи пищи, конечно же, были нужны подходящие орудия охоты и труда. И кремень вновь оказался незаменимым материалом для их изготовления.

Огромные запасы кремневого сырья природа создала в окрестностях Ветки и Чечерска. Геологические породы, содержащие кремень, залегают на сравнительно небольшой (в среднем 10–20 м) глубине от поверхности. Их несложно отыскать, если внимательно обследовать обрывы речных террас и оврагов, где встречаются и кремневые россыпи, и обнажения кремненесущего мела. Древние люди хорошо знали такие места и снаряжали сюда экспедиции по добыче необходимого камня.

Мезолитический человек изготавливал острые и твёрдые инструменты, оружие и даже примитивные фигурки животных. Местные мастера в совершенстве познали основные свойства камня и научились использовать их с максимальной выгодой для себя. Люди хорошо ориентировались в важнейших признаках кремня – его цвете, прочности, твёрдости и массе, по которым определялась пригодность того или иного кремневого желвака. Принесённые на стоянки кремни оббивались, получали пирамидальную или призматическую с плоской площадкой форму. Посредством костяной или деревянной палочки-отжимника от заготовки откалывали отщепы, пластины. Последние служили полуфабрикатами, которые вновь обрабатывались нанесением точных ударов и специальным зазубриванием рабочих краёв (ретушью). Так рождались достаточно совершенные по форме скребки, ножи, долота, свёрла, резцы, наконечники стрел. Осваивалось производство малоизвестных ранее орудий небольших размеров строгой геометрической формы (в виде сегментов, трапеций, треугольников и т.д.), так называемых микролитов. Они крепились в костяных, деревянных основах и, залитые смолой, составляли нож, наконечник или гарпун. Повреждённые микролиты легко заменялись, и срок службы орудий труда и оружия значительно увеличивался. Россыпи кремневых заготовок, отходов производства, сломанных и целых орудий возрастом свыше 7 тысяч лет археологи находят на местах древних поселений в урочище Клёнки, близ Романовичей и Плёсов под Гомелем [5].

Человек стал настоящим бедствием для крупных и мелких обитателей леса. Теперь в его руках было грозное, беспощадное оружие – лук и стрелы, эффективное при индивидуальной охоте на самых быстрых животных. Каменные наконечники обладали достаточной убойной силой, а точность попадания стрелы в цель измерялась многими десятками метров. История сохранила примеры поразительных боевых качеств оружия первобытных охотников. Так, испанские конкистадоры – покорители Флориды – пообещали пленному индейцу свободу, если на расстоянии 150 шагов тот пробьёт железную кольчугу. Индеец воспользовался своим луком и стрелой с каменным наконечником, которая и пробила металлическую защиту испанца. Потрясённые европейцы тут же сменили кольчуги на более совершенную защиту от индейских стрел – жилеты, подбитые слоем войлока.

Кремневый наконечник мезолитического охотника, впивавшийся в тело животного, разрезал кожу и ткани (а не рвал их подобно пуле), что вело к быстрой потере крови жертвой и её гибели. Поэтому древний лук являлся более «гуманным» оружием, нежели позднейшее ружьё.

Далёкие предки гомельчан ещё не помышляли о земледелии, поэтому охоте по-прежнему сопутствовало лесное собирательство. Люди прекрасно ориентировались в мире растений, используя многовековой опыт предшествующих поколений. Они знали грибы, ягоды, травы и плоды, съедобные и ядовитые, лечебные и почти бесполезные, бодрящие и дурманящие.

Образ тогдашней жизни соответствовал и простейшей форме организации общины. Большие коллективы кровных родственников, характерные для предшествующей эпохи, стали дробиться. Более мелкие объединения уже обладали способностью к самостоятельному выживанию. Родственные общины объединялись в племена, имевшие единый язык, верования, территорию обитания и материальную культуру.

Успешное освоение первобытным человеком гомельского историко-географического района продолжалось в неолите (новокаменном веке), в IV–III тысячелетиях до н.э. Количество поселенцев стремительно росло, следы стоянок археологи обнаружили как в черте Большого Гомеля (на дюнах в поймах Сожа и Ипути близ Якубовки, Волотовы, Давы-

довки), так и в его ближайших окрестностях (у Покалюбичей, Старого Села, Романовичей)[6].

Неолитические племена занимаются ведением хозяйства, все ещё основанного на присвоении даров природы. Человек той далёкой эпохи ловит рыбу в полноводных реках и протоках, охотится и собирает в пока ещё девственных, не тронутых рукой земледельца лесах. Почти оседлая жизнь позволяет освоить ряд новшеств, которые облегчают жизнь аборигенов Посожья. Важнейшим становится открытие глиняной посуды – керамики.

Обожжённая глина – первый искусственный материал, созданный людьми. Ещё охотники на мамонта пытались делать из глины женские статуэтки и фигурки животных, обжигая их в пламени костра. Но только в конце VI–V тысячелетий до н. э. на Ближнем Востоке начинают лепить изящную глиняную посуду со сложным орнаментом. Не исключено, что древнее население Восточной Европы (и далёкие предки гомельчан) заимствовало навыки изготовления керамики у своих южных соседей. Как бы там ни было, для неолитических племён Посожья керамика была более чем обыденным предметом. При изучении их стоянок учёные обнаружили целые груды черепков от десятков и сотен сосудов.

Древние гончары старались сделать сосуды как можно более крепкими, долговечными. Для этого добавляли в глину разнообразные примеси – песок, толчёный камень и траву. Правильно приготовленная глиняная масса позволяла лепить и небольшие, и крупные ёмкости. В соответствии с тогдашней модой и представлениями поверхность изделий украшалась оттисками деревянных и костяных палочек, гребешков, ногтей. В совокупности они образовывали обширные причудливые орнаментальные композиции. Высушенные на открытом воздухе керамические сосуды обжигались прямо в кострах при температуре 600–900 градусов. Готовые изделия использовались для горячего приготовления и употребления пищи, а также для хранения разнообразных сыпучих и жидких припасов.

Первобытного человека издавна манили к себе укрытые лесом высокие холмы на правом берегу Сожа ниже устья Ипути. Плывущему по реке наблюдателю они казались телом таинственного косматого исполина, охраняющего окрестные земли и воды. К широким песчаным отмелям у подножья

кручи приставали долблёные лодки охотников и рыболовов. Здесь, в глубоких оврагах, струились бесчисленные ручьи, к которым вели звериные тропы. Вековой лес дарил мёд, орехи, дикорастущие фрукты, смолу-живицу. Возвращавшиеся с охоты останавливались на самой высокой площадке у обрыва к Сожу, откуда старались разглядеть дым родного очага на противоположном берегу реки.

Первые долговременные поселения первобытного человека на месте будущего исторического центра Гомеля были основаны около 4–5 тысяч лет назад носителями среднеднепровской культуры бронзового века. Их следы обнаружены учёными в пределах современной городской застройки на углу пр. Ленина и ул. Крестьянской [7], а также на отроге сожской террасы близ архитектурного ансамбля Румянцевых и Паскевичей [8]. Другие поселения были основаны в III–II тысячелетиях до н.э. в урочищах Шведская Гора и Лысая Гора (окрестности микрорайона «Фестивальный»), у Якубовки, в районах Новобелицы и Волотовы, близ деревень Покалюбичи, Старое Село, Романовичи [9].

В эпоху бронзы предки гомельчан осваивают новые виды хозяйственной деятельности – земледелие и животноводство. Древние хлеборобы начинают теснить лес, стремясь отвоевать у него клочки земли, удобной для возделывания злаковых культур. И первым помощником человека выступает каменный шлифованный топор.

Когда держишь в руках массивные каменные орудия эпохи бронзы, исполненные в форме топора-молота или тесла, с трудом веришь, что некогда они использовались в качестве инструментов лесорубов и плотников. Однако научные эксперименты дали удивительные результаты – большую (с диаметром ствола 130 мм) сосну древний человек срубал всего за 45 секунд, а 100-миллиметровый дуб – за 40. Сосна с диаметром ствола 400 мм «сопротивлялась» лесорубу 21 минуту. А что же каменный топор? Даже после рубки 170-ти деревьев его лезвие не только не портилось, но становилось ещё более острым! [10]

Топоры и тёсла изготавливались как из кремня, так и из других, вязких и твёрдых пород камня. Тщательно обработанные и закреплённые на деревянной рукояти, они применялись для долбления лодок, строительства жилищ, производства деревян-

ной утвари. Экспериментально установлено, что на изготовление шлифованного топора мастер тратил до 30–35 часов.

Орудиями первых земледельцев были каменные и роговые мотыги, кремневые серпы, жатвенные ножи, зернотёрки. А следы собранного около четырёх тысяч лет назад урожая в виде отпечатков зерён и сейчас можно заметить на обломках древней глиняной посуды. Люди бронзового века были опытными животноводами. Они разводили лошадей, коров и овец, обильные корма для которых давали сожские луга. Первым помощником человека на пастбище и в лесу была собака.

В III–II тысячелетиях до н.э. в быту жителей Посожья появляются первые металлические изделия, выполненные из меди и медных сплавов (бронз). На юго-восток Беларуси они попадают путем межплеменного обмена. За продукты охоты, промыслов, животноводства можно было получить бронзовые орудия труда, предметы вооружения и украшения, отлитые из металлов северокавказского и балкано-карпатского происхождения. Однако металл ещё слишком дорог, малодоступен, поэтому основной набор орудий местные жители по-прежнему делают из кремня.

Многовековые традиции обработки камня воплощаются в появлении настоящих шедевров этого промысла – боевых сверлёных топоров, оформленных тонкой ретушью наконечников стрел, ножей и т. д. Набор керамической посуды обогащается новыми формами – банковидными и колоколовидными. Поверхность горшков и мисок тщательно заглаживается, иногда покрывается лощением, часто орнаментируется отпечатками шнура, линейного и зубчатого штампов.

Учёные предполагают, что древние посожцы сформировались в результате взаимодействия местных неолитических и пришлых (с юга и запада) племенных группировок, говоривших на диалектах индоевропейских языков.

С 1920-х гг. в научной литературе высказываются предположения о возможности заселения человеком территории Беларуси ещё в эпоху мустье (100–40 тыс. лет назад), разделяемые, однако, не всеми исследователями. См.: Калечиц Е.Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии. Мн., 1984. С. 50–59.

[2] Памятник открыт в 1926 г. известным белорусским археологом К.М. Поликарповичем, раскопки на нём проводили в разные годы С.Н.Замятнин, В.Д.Будько, Л.Н.Вознячук, Е.Г.Калечиц и др. Учёным известна только одна подобная стоянка на территории Беларуси – у д. Юревичи Калинковичского района.

[3] Левков Э.А., Матвеев А.В., Махнач Н.А. и др. Геология антропогена в 1960-х гг. И.И. Артёменко (см.: Артёменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967). Интересные Белоруссии. Мн., 1973. С. 59.

[4] Клёнковские стоянки открыл в 1970-х гг. краевед Ю.В. Ободенко. Романовичские стоянки известны с конца XIX в., неоднократно обследовались белорусскими археологами и краеведами. Основные итоги изучения памятников позднего палеолита Беларуси обобщены в следующих исследованиях: Будзько У.Д. Бердыжская верхнепалеалітычная стаянка (Падлужжа I) // Весці АН БССР, серыя грамадскіх навук. 1962. № 1; Калечиц Е.Г. Указ. соч.; Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Мн., 1988; Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Мн., 1968.

[5] Информацию о мезолитических стоянках в окрестностях Гомеля см.: Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. Мн., 1985; Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Мн., 1987.

[6] Неолитические поселения у Гомеля открыл в середине 1920-х гг. К.М. Поликарпович, впоследствии их обследовали многие учёные и краеведы. Подробнее см.: Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков...

[7] Случайные находки орудий бронзового века обнаружены при земляных работах в послевоенные годы. В древности данное место представляло собой площадку на берегу оврага.

[8] Предметы эпохи бронзы (каменные орудия и керамика) открыты раскопками М.А.Ткачёва (1975 г.) и автора (1988 г.).

[9] Гомельские местонахождения бронзового века известны с XIX в. Научная оценка их материалов выполнена в 1960-х гг. И.И. Артёменко (см.: Артёменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы М., 1967). Интересные археологические находки в черте Гомеля и его ближайших окрестностях в 1970-х и 1980-х гг. сделаны экспедициями Е.Г. Калечиц и В.И. Сычёва.

[10] Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М., 1988. С. 149–152.

Во времена геродотовых племён

Ещё в 1873 году составители первой археологической карты бывшей Могилёвской губернии, учёные Императорской Археологической комиссии, были удивлены большим количеством загадочных «городков», разбросанных по берегам Сожа, Ипути, Беседи, Ути и Узы в пределах нынешних Гомельского, Добрушского, Ветковского и Буда-Кошелёвского районов [1]. Сведения о памятниках седой старины были собраны на основании сообщений местных крестьян, именовавших «городками» остатки крошечных крепостей, построенных в давние времена неизвестным населением. Эти городища привлекали наблюдателя своим расположением в живописных местах, на господствующих над реками и поймами высотах, на островах среди малопроходимых болот. Отвесные обрывы, глубокие овраги, остатки искусственных валов и рвов вызывали появление преданий о связи «городков» со стародавними войнами, провалившимися под землю дворцами, с кладами, спрятанными здесь не то панами, не то казаками.

Известный учёный-краевед и общественный деятель Евдоким Романович Романов заинтересовался «городками» во время историко-археологической экскурсии, совершённой им на рубеже XIX–XX веков по просторам бывшего Гомельского уезда Могилёвской губернии. Составленная им карта древностей Нижнего Посожья была построена не только на сведениях крестьян, но и на материалах собственных полевых наблюдений. Учёного интересовало всё: географические координаты и местные названия памятников глубокой старины, их внешний вид и особенности, форма площадок, рвов и валов, степень сохранности. Велись им и записи преданий, которые могли бы прояснить историю «городков». Результаты поиска Е.Р. Романова были опубликованы ещё в 1910 году [2], однако они не утратили научной ценности и в наши дни. Дело в том, что многие памятники, которые описал Евдоким Романович, до наших дней не сохранились.

Романов не проводил раскопок «городков», а потому его взгляды на время их происхождения были ошибочны (учёный относил их к каменному веку). Однако исследователь точно определил городища как места древних укреплённых поселений. Дополнения в наблюдения Романова внесли археологи Белорусской Академии наук. В 1936 году талантливые исследователи белорусской старины А.Н. Лявданский и А.Д. Каваленя осуществили небывалую ранее сплошную археологическую разведку по берегам Сожа в границах Могилёвщины и Гомельщины. Они не только осмотрели городища близ Узы, Бобовичей, Присна, Скитка, Шерстина и в других местах, но и сняли их схематические планы, собрали в местах обнажений древних культурных слоёв обломки глиняных сосудов. Судя по находкам металлургического шлака и опираясь на технологические особенности найденной керамики, А.Н. Лявданский и А.Д. Каваленя отнесли время существования городищ к эпохе железа и связали земляные укрепления окрестностей Гомеля с дославянским населением края. Итоги исследований белорусских археологов не были опубликованы, в научном архиве Института истории Национальной Академии наук Беларуси сохранился лишь дневник разведки 1936 года [3].

Обоснованная оценка городищ Посожья как главных историко-археологических источников по изучению материальной культуры местного населения середины I тысячелетия до н.э. – первых столетий н.э. была выработана позднее, в 1950–70-х годах [4]. Учёные определили, что городища являются поселениями племён милоградской и сменившей её зарубинецкой культур. Их памятники распространены в Белорусском Поднепровье, на Полесье. Известны они также в соседних районах Украины и России. Городища основаны первобытными коллективами, которые объединялись в роды из нескольких десятков ближайших родственников. В окрестностях Гомеля раскопки проводились на Любенском городище, Подгорянском и Лукьяновском (близ Добруша), Уваровичском (на Буда-Кошелёвщине).

Железный век на Гомельщине начинается в VIII–VII веках до н. э. Именно к этому времени относится появление

здесь милоградских (названных так по одному из первых исследованных памятников у деревни Милограды под Речицей) племён. Начало эпохи железа связано с открытием чёрной металлургии и широким распространением в быту железных орудий труда, более совершенных, чем каменные, костяные и бронзовые.

Первобытные металлурги находят в местности, которая позднее стала окрестностями Гомия-Гомеля, обширные запасы сырья, необходимого для получения железа. Чёрный металл в качестве компонента болотно-луговой руды (лимонита) имеется по всей территории Нижнего Посожья, особенно много его в низких, влажных местах. Древние рудокопы хорошо ориентируются в приметах нужных месторождений, о наличии которых говорят ржавые пятна грунта в низинах, рыжий цвет воды в ручьях и озёрах (отсюда и названия таких водоёмов – Ржавец, Руденец и пр.), а также обнажения пластов самой руды в разрезах речных пойм. Добыча лимонита не требует разработки глубоких шахт, ибо его запасы залегают непосредственно под почвой. Для современной металлургии эти рудоносные пласты едва ли интересны: с точки зрения крупного производства их ёмкость весьма незначительна. Однако для кустарного промысла и удовлетворения более чем скромных потребностей небольших коллективов они практически неисчерпаемы [5]. На юго-востоке Беларуси болотно-луговые руды разрабатываются до XVIII столетия. Обширные их запасы, интерес к ним в древности и, особенно, в средневековье отражаются в названиях местных деревень и урочищ (например, населённые пункты Столбунская, Спониցкая, Телешовская, Прибытковская Рудни, Рудня-Маримонова и др.).

Суть стародавнего процесса получения железа сводилась к следующим операциям. Добытую руду некоторое время просушивали и дробили каменными молотами на мелкие кусочки, которые вместе с древесным углем составляли металлургическую шихту. Процесс её горячей переработки происходил в углубленных или наземных печах-домницах. Стенки домниц делались из глины или из глины и камня.

Необходимая температура (около 1100 градусов) поддерживалась при помощи соснового угля и искусственного нагнетания воздуха. Впрочем, первые металлурги не знали чёрного литья, ибо расплавить металл в примитивной домнице невозможно (для этого необходима температура около 1500 градусов). Железо, которое отделялось в печи от пустой породы (шлака), переходило только в мягкое, губчатое состояние. В таком виде оно было вполне пригодно для последующей кузнечной обработки.

Милоградские и зарубинецкие племена пользовались широким ассортиментом орудий из чёрного металла. Наиболее распространёнными были ножи изогнутой формы – универсальные орудия промыслов и домашнего быта. Железные серпы были необходимы для уборки урожая, топоры и тёсла помогали человеку расчищать лесные урочища под поля, строиться, возводить деревянные оборонительные стены, делать лодки, сани, лыжи и т. д. Железные наконечники стрел и копий выгодно отличались по боевым качествам от каменных и бронзовых. Из железа делали и принадлежности костюма, и украшения.

Большинство посожских городищ было построено на мысах коренных речных террас. Укреплённые поселения складывались из одной, реже двух-трёх площадок треугольной, прямоугольной, трапециевидной или округлой формы, размерами от нескольких сот до тысяч квадратных метров. По всей вероятности, практически все поселения, кроме валов и рвов, укреплялись по периметру деревянными оградами-стенами. Городища застраивались наземными и углублёнными в землю деревянными домами с очагами, а также хозяйственными строениями разного назначения.

Интересный памятник расположен на окраине деревни Вылево Добрушского района. Древний поселок построен на площадке коренной террасы правого берега Ипути, которая возвышается над поймой на 18 м. В плане она овально-треугольная, ширина её составляет около 60 м, длина – около 80 м. С двух сторон площадка ограничена глубокими оврагами. Некогда и с напольной стороны имелись ров и оборонительный вал, но они уже давно разрушены дорогой и усадебной застройкой. На городище сохранился культурный слой с предметами возрастом более двух тысяч лет.

Одно из наиболее полно изученных археологами городищ расположено в 3 км на север от Добруша у бывшей деревни Подгорье в живописном урочище Касабуки [6]. Оно занимает треугольную мысовую площадку коренной террасы правого берега Ипути при устье глубокого оврага. С напольной стороны – высокий подковообразный вал длиной около 80 м. При раскопках здесь найдены остатки древней постройки, глиняная посуда, пряслица и грузики, железные орудия труда, рог оленя со следами обработки, отходы металлургического производства и т.д. Наиболее любопытная находка – ритуальное захоронение двух лошадей, принесённых некогда в жертву неизвестному местному божеству.

Остатки милоградско-зарубинецкого **городища** расположены и в историческом центре Гомеля, на отроге коренной террасы Сожа у здания областного краеведческого музея в парке им. А.В. Луначарского [7]. Во время раскопок здесь открыт культурный слой с предметами VII–VI веков до н.э. – I века н.э. Древний посёлок занимал площадь менее гектара и был хорошо укреплён как самой природой, так и стараниями его создателей. С двух сторон городище обступали обрывы Сожа и оврага Гомеюка, с третьей некогда был оборонительный ров с земляным валом. На городище проживала небольшая община (30–50 человек), которая занималась земледелием, животноводством и промыслами. Самые интересные находки – стеклянная бусина, изготовленная в одном из античных городов средиземноморского региона, а также фрагмент глиняного сосуда кельтского (Центральная Европа) происхождения.

В отличие от мысовых, так называемые болотные городища располагались среди низин и речных пойм. Примером служит древний памятник в верхнем течении р. Уть, в 2,5 км на северо-восток от деревни Лукьяновка Добрушского района. Площадка городища возвышается над некогда топкой поймой всего на 1 м. Её площадь около гектара, по периметру сохранились остатки укреплений в виде земляных валов и рвов [8].

Древние кладбища располагались рядом с поселениями или на их территории. Например, на краю площадки Любенского городища археологи нашли остатки бескурганных милоградских захоронений. Обычай требовал сожжения тела

умершего соплеменника на специальном огнище. Согласно поверью, душа покойного попадала на небо вместе с дымом погребального костра. Остатки человеческих сожжений хоронили в неглубоких ямках. Горсти пережжённых костей сопровождались «на тот свет» только черепками глиняных сосудов.

Раскопки проводились и на могильнике у северо-западной окраины деревни Юрковичи Ветковского района [9]. Этот памятник оставили зарубинецкие племена. Древние захоронения занимали склон правобережной террасы Сожа в урочище Сиянская Гора. Археологи нашли здесь 19 захоронений, совершённых по обряду сожжения. Остатки кремаций помещены в грунтовые ямки, а в двух случаях – в керамические горшки. В женских погребениях найдены стеклянные бусы, изготовленные около двух тысяч лет назад в мастерских античных городов – свидетельства дальних связей населения Посожья с эллинской цивилизацией. В ряде захоронений были фибулы (металлические застёжки для одежды), проволочные височные кольца, железные ножи. В одном погребении, очевидно, принадлежавшем воину, найден наконечник копья. Древнее Юрковичское кладбище датируется I веком до н.э. – I веком н.э.

Основой экономики племён, живших на месте Гомеля и его окрестностей, было подсечно-огневое (лесное) земледелие. В лесу отыскивали делянку, которая бы соответствовала определённым ландшафтным и прочим природным условиям. Земледелец подсекал деревья, после высыхания сжигал стволы, а затем совершал сев в остывшую золу. Специального вскапывания почвы, как и её удобрения, не требовалось. После сбора одного-трёх урожаев участок, плодородие которого истощалось, забрасывался, и бывшее поле вновь зарастало лесом. Тем временем осваивались другие пригодные для земледелия лесные урочища. Милоградскому и, в большей степени, зарубинецкому населению было знакомо и земледелие пашенное, основанное на обработке почвы ралами и мотыгами, внесении в землю навоза [10]. Значительную роль в экономике древних предшественников гомельчан играли охота и животноводство.

Милоградцы и зарубинцы унаследовали мастерство литья цветных металлов от своих предков. Из медных сплавов делали самые разнообразные украшения и принадлежности одежды. Обрабатывали кость, рог, дерево, занимались прядением, ткачеством. В каждом доме лепили глиняную посуду. Горшки милоградской культуры круглодонные и яйцевидные, украшенные ямчатыми вдавлениями по шейке, зарубинецкие – плоскодонные, часто имеющие преднамеренно «подштрихованную» (т.е. обтёртую по ещё сырой глине пучком травы) поверхность. Зарубинцы подавали еду на стол в изящных мисках чёрного и коричневого лощения.

Местные племена поддерживали тесные экономические и этнические связи с соседними народами. Часть орудий труда, предметов вооружения и украшений, извлечённых учёными из гомельской земли, имеет не только кельтское и греческое, но и скифо-сарматское (Северное Причерноморье) происхождение.

Учёные пытаются выяснить, какие известные истории народы и племена оставили археологические памятники милоградской и зарубинецкой культур. Для ответа на вопрос они обращаются к трудам древнегреческих и римских писателей, историков и географов, среди которых наибольший интерес представляет знаменитая «История» Геродота, созданная в V веке до н. э.

Согласно Геродоту, прозванному современниками «отцом истории», земли Скифии (т.е. Северного Причерноморья и более северные территории) заселяли киммерийцы, тавры, разные скифские народы, будины, гелоны и прочие. Загадочным туманом окутаны сведения о племенах, затерявшихся среди болот, лесов и рек на глухих окраинах тогдашней ойкумены, – **неврах**. До греков доходили о них самые невероятные слухи. Невры жили на север от Скифии, где-то между Гипанисом (Южным Бугом) и Борисфеном (Днепром), иначе говоря, и там, где археологи находят поселения милоградцев. Невры и их страна Неврида упоминаются Геродотом в связи с описанием неудачного похода царя персов Дария Первого (около 515 года до н.э.) на Скифию.

Перед началом военных действий скифы созвали совет царей соседних народов, на который был приглашён и царь

невров. Однако этот правитель отказался помогать скифам, подозревая их в коварстве. За это он вскоре поплатился, ибо скифы ворвались в Невриду. Геродот знает и некоторые другие подробности истории невров, а также ряд их обычаев. Например, за одно поколение до похода Дария они совсем (правда, на время) покинули свою страну из-за нашествия каких-то змей (может быть, племён, отправлявших «змеиные» культы?). Историк сообщает, что невры – оборотни, поскольку скифы и греки, живущие в Скифии, утверждают, будто бы раз в год каждый невр на несколько дней превращается в волка.

И уж где-то совсем далеко на севере, согласно Геродоту, обитали ещё более таинственные племена андрофагов, о которых у «отца истории» не было никаких подробных известий. В переводе с древнегреческого имя этого племени означает «поедающий людей». В то же время современные исследователи милоградских городищ иногда находят среди древних кухонных отбросов разбитые человеческие кости, которые красноречиво указывают на периодическое употребление местными варварами человеческого мяса. Именно такой мрачный обычай отмечается у первобытных народов разных континентов, а у некоторых племён Африки и Океании он дожил до наших дней.

Так кто же, невры или андрофаги-каннибалы, основали в геродотовы времена свои поселения на берегах Сожа? Однозначного ответа на этот вопрос у учёных пока нет. Белорусский исследователь С.Е. Рассадин склоняется к мысли, что и первые, и вторые были лишь соседями милоградцев, а сами они названы Геродотом скифами-земледельцами [11].

Учёные предполагают, что милоградцы говорили на одном из неславянских языков (балтском, иранском?). Носители же зарубинецкой культуры, освоившие Посожье, частично вытеснившие, частично поглотившие аборигенов, по всей видимости, были древними славянами. Впитав особенности местной культуры, обогатив свой язык заимствованиями из наречий предшественников, испытав влияние северных соседей-балтов, зарубинецкое население выступило носителем своеобразных культуры и языка – древнеславянских в основе, но «обременённых» неславянскими элементами. Тради-

ции этого культурного симбиоза достаточно плавно развивались на землях юго-восточной Беларуси вплоть до второй половины I тысячелетия н.э., пока сюда не докатилась новая волна славянской колонизации [12].

---

[1] Сведения 1873 года о городищах и курганах // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1903. С. 56–57.

[2] Романов Е.Р. Археологический очерк Гомельского уезда // ЗСЗОРГО. Кн. 2. Вильна, 1910.

[3] Лявданский А.Н., Каваленя А.Д. Дневник разведки по Сожу 1936 г. // Архив Института истории НАНБ.

[4] Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967; Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Мн., 1974. Обследования городищ Нижнего Посожья в 1970–80-х гг. проводили С.Н.Васильева, О.Н.Левко, автор; археологические раскопки – экспедиции В.И.Сычёва, С.Е. Рассадина и А.И. Дробушевского.

[5] О древней металлургии и кузнечном деле см.: Гурин М.Ф. Древнее железо Белорусского Поднепровья. Мн., 1982.

[6] Археологические раскопки проводил в 1982 г. С.Е. Рассадин.

[7] Раскопки М.А. Ткачёва (1975 г.) и автора (1988 г.). См.: Ткачёв М.А. Работы в Белорусском Посожье // АО 1975 года. М., 1976.

[8] Раскопки С.Е. Рассадина (начало 1980-х гг.).

[9] Исследования проводились в 1985–86 гг. археологическим отрядом Гомельского областного краеведческого музея под руководством А.И. Дробушевского.

[10] Рассадин С.Е. Свидетельства о земледельцах Гомельщины в скифское время // Сельское хозяйство: История, современный опыт и перестройка. Тез. конф. Мн., 1988. С. 3–5; Дробушевский А.И. Новые данные о земледелии племён зарубинецкой культуры // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Тэз. канф. Мн., 1992. С. 42–45.

[11] Расадзін С.Я. Герадот // ЭГБ Т. 2. Мн., 1994. С. 512.

[12] Вопросы этнической истории населения юго-восточной Беларуси в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. весьма сложные, изучены недостаточно и остаются предметом оживлённых научных дискуссий. См. напр.: Белорусская археология: Достижения археологов за годы Советской власти. Мн., 1987. С. 53–77; Баран В.Д., Козак Д.Н., Терпиловський Р.В. Походження слов'ян. Київ, 1991.

«Рождение» племенного града. Гомий

Во второй половине I века н.э. жил знаменитый римский историк Корнелий Тацит. Его большой труд «Германия», завершённый в 98 году н.э., содержит ценнейшие свидетельства о древних племенах Европы. О венедах и их соседях он написал следующее: «Отнести ли венедов, певкинов и феннов к германцам или сарматам, я не знаю...» Венеды похожи на германцев, но заимствовали многие обычаи от сарматов и «ради грабежа» рыщут среди соседних народов. Они строят дома, носят щиты и передвигаются пешим строем, причем с чрезвычайной быстротой. Этим венеды отличаются от сарматов-степняков, проводящих свою жизнь на конях и в повозках. Тацит знал, что венеды живут восточнее германцев, между певкинами и феннами, рядом с сарматами [1].

В I веке н.э. германцы обитали к западу от реки Висла, певкины – близ восточных отрогов Карпат в Подунавье, а сарматы господствовали в степях Северного Причерноморья. Очевидно, венеды населяли лесную зону Восточной и отчасти Центральной Европы. Таким образом, носители зарубинецкой культуры, и древние обитатели Гомельщины в их числе, могли составлять одно из венедских племенных объединений. Можно допустить, что тацитовы венеды – это предки славянских народов, вышедших на широкий простор истории в VI–VIII веках.

Наследниками зарубинецкой культурной общности в Верхнем Поднепровье стали носители киевской (позднезарубинецкой) культуры III–V веков. Их небольшие поселения располагались на невысоких речных террасах и дюнах. Никаких укреплений эти селища не имели. Главным занятием населения было земледелие, основанное на обработке лёгких по механическому составу песчаных и супесчаных почв, и скотоводство, базировавшееся на использовании тучных заливных лугов. В черте Гомеля и его ближайших окрестностях имеются остатки целого ряда древних поселений. Так, небольшие селища существовали у поселков Ильич и Красный Маяк [2]. Здесь находится древний культур-

ный слой со следами построек, фрагментами керамической посуды и прочими остатками материальной культуры людей, живших около полутора тысяч лет назад.

Высокого уровня развития достигла у киевских племён обработка чёрного металла. Местные мастера владели сложными приёмами свободной ковки, сварки и термообработки, используя железо из добытой здесь же болотно-луговой руды. Широко распространено было прядение и ткачество. Древние посожцы поддерживали активный торговый обмен с южными соседями, в т. ч. с населением римских провинций. С юга шли стеклянные украшения, виноградное вино, цветные металлы, а в обратном направлении – продукты лесных промыслов[3].

Конец первой половины I тыс. н. э. составил бурную эпоху Великого переселения народов, эпоху смены культур, языков и обычаев в истории Европы. Карта Римской империи оказалась пронзённой маршрутами походов воинственных германцев. С востока двинулись орды свирепых азиатских кочевников, в пламени лихолетья погибали города просвещённых греков и римлян. Вторжения разноязыких варваров довершили распад Рима и потрясли могучую Византию. На сцену истории вышли доселе малоизвестные племена, и среди них – славяне.

Земли Нижнего Посожья, где позднее возник Гомель, расположенные вдали от основных направлений походов многочисленных варварских племён, не сумели, однако, избежать дыхания ветра перемен, принесённого эпохой Великого переселения народов. Точные исторические свидетельства о процессах, которые имели место в третьей четверти I тыс. н.э. в юго-восточной Беларуси, отсутствуют.

Период VI–VII веков в истории лесных и лесостепных районов Восточной Европы иногда называют «антским» – по наименованию одного из могущественных славянских объединений антов, владения которого простирались от Дуная до Днепра, от причерноморских степей до земель современной Беларуси. Анты имели своих вождей и даже королей (по терминологии тогдашних византийских историков). развитую военно-племенную организацию. Походы бесчисленных антских полчищ вглубь балканских владений Византии наводили ужас на греков.

Одно из северных племён, близкое антам по происхождению, материальной культуре и, надо думать, языку, владело землями в бассейне Нижнего Сожа. В VI–VIII веках здесь жили далёкие потомки носителей зарубинецкой культуры. Их археологические памятники после раскопок городища Колочин в Речицком районе получили наименование колочинских. Древности колочинской культуры занимают не только южную часть Белорусского Поднепровья, но и соседние районы Украины и России [4]. В окрестностях Гомеля, на берегах рек и ручьёв, располагаются места поселений колочинцев – крохотные селища с остатками 2–5 дворохозяйств на каждом, а также бескурганные могильники с захоронениями по обряду сожжения [5]. Одно из таких поселений, основанное около 1400 лет назад, находится на живописном всхолмлении Аврамов Бугор на берегу Беседи, на окраине деревни Новые Громыки Ветковского района. Во время раскопок здесь найдена нижняя часть древнего жилища и множество фрагментов лепных сосудов [6].

Большинство колочинских поселений располагалось близ наиболее плодородных почв у речных пойм. Местные земледельцы выращивали просо, пшеницу, рожь. Разводили крупный рогатый скот, свиней, овец, коз и лошадей. Дальнейшее развитие получили традиционные промыслы – ювелирно-литейное дело, прядение, ткачество, изготовление керамики. Лес давал людям мех, воск, мёд.

Развитие общественно-экономических отношений привело к появлению в VII–VIII веках новой территориальной организации населения. Приблизительно в VII веке возникают укреплённые общинно-племенные центры, откуда исходила власть над округой. Письменные документы называют их «градами». При благоприятных исторических условиях грады могли перерастать в настоящие раннесредневековые города. Один из таких градов вырос в третьей четверти I тысячелетия н.э. в исторической части Гомеля.

Ядром общинно-племенного центра было **городище** в устье Гомеюка на участке коренного речного плато, господствующем над местностью. Здесь, под защитой деревянных крепостных стен, находилась резиденция главы племени, ко-

торый вместе с «мужами лучшими и нарочитыми» решал вопросы войны и мира, выслушивал мнение народного собрания-веча, устанавливал дани и вершил суд. Обширное поселение, значительно превосходившее по площади рядовые посёлки, раскинулось вдоль Сожа и Гомеюка на площади несколько гектаров. Здесь стояли десятки деревянных наземных домов, хозяйственных построек и ремесленных мастерских. Поселение специализировалось на чёрной металлургии и кузнечном деле, снабжая князя и его дружину оружием и воинским снаряжением, а население обширной округи – орудиями труда и предметами быта [7]. Со всех сторон к граду подступали вековые леса, отделённые от обжитого места хлебными полями и узкой полосой свежей вырубки...

Так начиналась история древнейшего в Посожье города, известного современникам под названием «Гомий» [8].

Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии. Т. I. М., 1970.

[2] Памятники открыты автором в конце 1970-х – начале 1980-х гг. К сожалению, они сильно разрушены современной дачной застройкой и карьерами, а потому недоступны для раскопок.

[3] О культуре киевских племён см.: Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев, 1984; Поболь Л.Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Мн., 1983.

[4] Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М., 1982.

[5] Макушников О.А. Разведки в Гомельском Посожье // АО 1980 года. М., 1981. С. 342–343; Он же. Исследования в бассейне Сожа // АО 1983 года. М., 1985. С. 401–402.

[6] Раскопки белорусских ученых, руководитель экспедиции – Е.Г. Калечиц. См.: Калечиц Е.Г. Исследования в Посожье // АО 1980 года. М., 1981. С. 338.

[7] Археологические находки VI–VIII веков сделаны во время раскопок автора (1986–88, 1994 гг.) на территории парка им. А.В. Луначарского в Гомеле (у зданий областного краеведческого музея и бывшего кинотеатра им. А. Исаченко, на усадьбе Петропавловского собора).

[8] Историко-лингвистическое содержание названия будущего города специально изучено А.Ф. Рогалевым (см.: Рогалев А.Ф. От Гомеюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах. Гомель, 1993. С. 14-21). Интересно, что исследователь полагает следующее: наименование «Гомий» оформилось не позднее конца VI – начала VII веков и связано с расселением носителей славянского языка (Там же. С. 16). Существует мнение, что название «Гомель» столь же древнее, как и «летописное имя» города – «Гомий» (Там же. С. 14–15). Письменные же источники свидетельствуют, что до XIII-XIV веков город называли преимущественно «Гомий» (форма «Гомель» историческим документам того времени неизвестна), до XVI века – «Гомей» и только со второй половины XVI–XVII столетий – «Гомель». В настоящей книге автор придерживается тех наименований города, которые были наиболее употребительными в соответствующие периоды его истории.

Радимичский центр. Песчана-Песошенька

Не один десяток лет ведётся спор о том, когда на землях юго-восточной Беларуси появилась (сформировалась) восточнославянская этническая группировка, именовавшаяся в VIII–XI и, вероятно, XII столетиях **радимичами.** Полагают, что предки радимичей поселились на берегах Сожа и его притоков ещё во времена Древнеримской империи, примерно две тысячи лет назад. Другие учёные относят формирование радимичей к кануну сложения государства Киевская Русь – концу I тысячелетия н.э.[1] Как бы в дальнейшем ни решался этот вопрос, материалы археологических изысканий в Гомеле и его окрестностях позволяют утверждать: в VIII–X веках поселения в местности Гомий принадлежали именно радимичам.

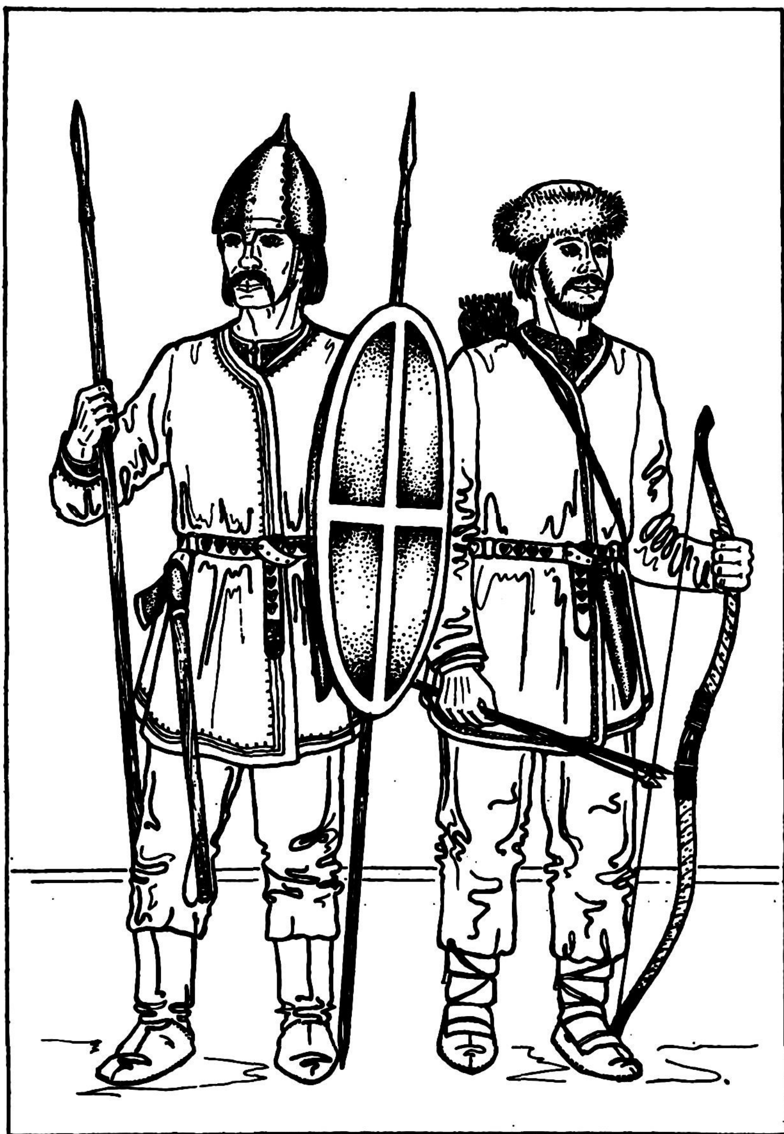
Согласно древней легенде, записанной в «Повести временных лет», радимичи – племя пришлое. Когда-то их предки обитали вдали от Посожья – «у ляхов», т.е. в польских землях. Причины, побудившие покинуть родину предводителей двух родов, – Радима и его брата Вятко – летописцу неизвестны. Во главе переселенцев братья двинулись на восток, преодолевая тысячекилометровые просторы и сталкиваясь с многочисленными недругами. Опасное путешествие заняло годы, многих жертв оно стоило. В конце концов Радим привел своих людей на берега Сожа. Благодатная местность

приглянулась им обилием вековых лесов и богатых лугов. Вскоре она стала их второй родиной. Здесь можно было найти и защиту от врагов, и пропитание. Осевший в Посожье род по имени вождя стал зваться радимичами. Вятко же дошёл до берегов Оки, где положил начало племени вятичей. И жили радимичи в согласии с вятичами и другими соседями-славянами [2].

Быт, образ жизни радимичей настолько отличался от порядков, заведённых в столице Руси Киеве, что просвещённые киевские монахи даже спустя несколько веков после переселения радимичей продолжали считать последних дикарями. Киевлянам был не по душе свободный нрав этого лесного народа, хранившего обычаи прадедов и не желавшего принятия новой веры. Христианам были чужды языческие обряды радимичей, их праздники-«игрища» и «бесовские» песни. Особенное неприятие вызывал погребальный ритуал язычников, предусматривавший сожжение умерших, помещение останков в глиняные сосуды на деревянных помостах-«столпах».

Во второй половине IX века радимичи находились в политической зависимости от сильного юго-восточного соседа и соперника восточных славян – Хазарского каганата. Хазарам на некоторое время удалось наложить дань на ряд славянских племён, в числе которых были и радимичи. Освобождение от иноземных поборов принёс им в 885 году русско-варяжский князь Олег Вещий – основатель Киевской Руси. Олег, конечно же, не был бескорыстен и наложил на радимичей свою собственную, киевскую дань [3]. Из летописей известно, что радимичи на правах союзников принимали участие в далёких военных походах киевских дружин на столицу Византии – Константинополь, бывали в Болгарии, Греции, совершали морские путешествия вдоль черноморского побережья.

Одно из таких военных предприятий состоялось в 907 году (иногда историки оспаривают достоверность его летописной версии). Князь Олег Вещий собрал огромное 80-тысячное войско, в рядах которого были не только киево-полянские и варяжские дружины, но и отряды радимичей, северян, кривичей, тиверцев и других племенных объединений, подвластных или союзных Киеву. Армия Руси выступила «на конех и на кораблех». Подойдя к Константинополю, она «много убийства сотвори» грекам, «разбиша многы полаты, пожгоша

Радимичские воины X–XI веков.
Рисунок-реконструкция Ю.М. Лупиненко

церкви», взяла множество пленных. Основным итогом похода 907 года стал русско-византийский мирный договор, весьма выгодный для Киевской державы. Византия выплатила контрибуцию «по 12 гривен на человек», восточнославянским купцам гарантировала беспрепятственную торговлю в византийских пределах, разрешила им жить в предместье Константинополя. Более того, греки обязывались выплачивать ежегодную дань, давать «уклады на рускыа грады».

Дань получали Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и «прочаа городы», среди которых, надо полагать, были и древнейшие центры радимичей – Гомий и Чичерск (исторический предшественник Чечерска) [4].

Отношения радимичей с Киевом оказались нестабильными: после смерти великого князя они надолго выходят из-под прямого контроля Руси. Так, в документе середины X века – труде византийского кесаря Константина Багрянородного – они уже не значатся среди подвластных Киеву объединений [5].

Широкое расселение восточных славян в окрестностях Гомия относится к IX–X столетиям. На берегах Сожа славяне-пришельцы (пришедшие сюда со второй волной колонизации) сталкиваются и смешиваются с местным населением, обмениваясь с ним обычаями, традициями и языковыми особенностями. Формируется яркая и достаточно самобытная радимичская культура. Крестьяне-земледельцы, животноводы и охотники основывают небольшие селища в окрестностях современных Носовичей на реке Уть, близ Хизов на Беседи, у Шерстина на Соже, на берегу Любенского озера под Гомелем и в других местах.

Главным занятием радимичей было земледелие. Они выращивали рожь, просо, ячмень, репу, горох, чечевицу. У сельчан был и свой скот – традиционные для жителей лесной полосы быки, свиньи, козы, овцы, лошади. Патриархальные семьи, которые уже не были связаны прямым кровным родством, объединялись в сельские территориальные общины-«верви». Отдельные семьи вели самостоятельное хозяйство, являлись собственниками закреплённых за ними пахотных полей, принадлежавших им орудий труда, произведённых продуктов земледелия, животноводства и промыслов. В коллективном

пользовании общины находились значительная часть пахотной земли и сеножатей, традиционные места рыбной ловли («ловы рыбные»), промысла бобра («гоны бобровые»), а также обширные леса, где добывали лося, зубра, кабана, медведя, мёд диких пчёл, воск.

В недрах сельской общины шёл процесс экономического и социального расслоения, укреплялась частная собственность на землю и угодья. Группа общин объединялась в «племя». Особым положением и правами обладала «племенная» верхушка – князья-вожди, старейшины, жрецы, дружинники – которая получала значительную долю военной добычи и существовала за счёт рядового населения. Постепенно в её руках концентрируется лучшая часть «племенного» богатства, самые продуктивные в сельскохозяйственном и промысловом отношениях земли. Простые общинники («люди») попадают в прямую зависимость от неё. Князья опираются на дружинников, которые получают со временем право сбора дани с подвластного населения. Впоследствии князья наделяют дружинников и землёй. Оседая на земле, вчерашние воины становятся боярами-землевладельцами.

Центром обширной радимичской округи, охватывавшей значительную часть Нижнего Посожья, выступает многолюдный и приспособленный для обороны Гомий.

Гомийское городище, вновь усиленное мощной деревянной стеной и быстро обросшее значительным поселением, играло важнейшую роль в обороне южных рубежей радимичских земель от набегов варяжских дружин, которые не брезговали грабежами по Днепру и притокам, а также от экспансии великокняжеской киевской власти, давно устремившей свои взоры на север. В крепости проживала местная знать, богатевшая на торговле ценнейшими мехами, отличным мёдом и воском, которые получала в виде дани-полюдья с подвластного населения. О богатстве некоторых жителей края свидетельствуют клады серебряных арабских монет-дирхемов IX–X веков. Эти монеты выполняли функцию денежной единицы не только в славянских землях, но и в Хазарии, Поволжье, Прибалтике. Находки монетного серебра в самом Гомеле [6] подтверждают предположение о том, что в X веке в числе его жителей были весьма состоятельные люди, владевшие немалыми по тем временам средствами.

В X веке крепость Гомий растёт, приобретает черты крупнейшего в Посожье города. К этому времени она уже имеет два пояса укреплений, свидетельствующих о развитой социально-экономической структуре поселения. Гомий состоит из детинца (на месте современного здания музея) и обнесённого рвом окольного града (на месте центральной части современного парка между оврагами Гомеюк и Киевский спуск). Площадь города составляет не менее 4–5 га. Здесь обитают не только земледельцы и животноводы, но и опытные мастера, торговцы, воины-дружинники [7].

Конец радимичской автономии был положен великим киевским князем **Владимиром Святославичем** в 984 г., пославшим на радимичей войско под предводительством Волчьего Хвоста. Встретив радимичей **на реке Песчане**, киевские дружины нанесли им сокрушительное поражение [8].

А где именно произошла эта битва, где расположена речка Песчана? Сейчас, пожалуй, сложно ответить на вопрос, кто впервые предложил отождествить Песчану «Повести вре-менных лет» с небольшой речкой в бассейне Среднего Сожа. Во всяком случае, уже в начале XIX века А. Щекатов соотнёс её с Писчанью – малым правым притоком Сожа в 6-ти верстах от местечка Пропойска (летописного Прупоя, нынешнего Славгорода Могилёвской области) [9]. С лёгкой руки ведущих российских историков XIX столетия [10] практика отождествления летописной Песчаны с пропойской Пищаной-Песчанкой стала традиционной [11].

Однако есть все основания усомниться в правомерности этой давней гипотезы. Ведь она основывается лишь на созвучии летописного и современного наименований водных объектов. В таком случае мы можем отождествить Песчану 984 года с любой другой речкой радимичского Посожья, имеющей похожее название (а таковых на современной карте найдём несколько).

«Повесть временных лет» не даёт ориентиров в поиске судьбоносной для истории радимичей речки. Логично предположить, что встреча радимичей и Волчьего Хвоста произошла не в центре земель «племенного» объединения (у Прупоя-Пропойска), а близ границы с Киевским государством. Скорее всего, Песчана пересекала древнюю дорогу из

Руси в Землю радимичей. Именно поэтому она была использована радимичскими отрядами для встречи неприятеля («стояние» противоборствующих сторон на двух берегах приграничных рек – явление, обычное для древнерусской истории).

Наше пристальное внимание к Песчане не случайно, ибо эта речка имеет прямое отношение к Гомию и его непосредственным окрестностям. Ближайшей к столице Киевской державы радимичской территорией в конце X века был именно Гомий с прилегающей к нему сельской округой. Сюда и должен был быть направлен военный удар Владимира Святославича. Именно Гомий, контролировавший всё Нижнее Посожье, являлся форпостом Земли радимичей. Иными словами, тот, кто владел этой крепостью, тот и повелевал судьбами всей «племенной» территории. Миновать Гомий, оставить его вооружённый гарнизон у себя в тылу киевский воевода Волчий Хвост просто не мог.

Рубеж радимичских и киевских владений проходил примерно по современной границе Гомельской и Черниговской областей к югу от реки Терюхи [12]. Он совпадал с обширным заболоченным массивом в верхнем течении Терюхи (бассейн Сожа) и Тетивы (бассейн Снова). Длина болота от Добрянки (Черниговщина) до Кургана Дружбы (на стыке современной белорусско-украинско-российской границы) составляет около 40 км, а ширина его на отдельных участках достигает 2 км. Ранее эти места были практически непроходимы, единственный «сухой» коридор имелся в районе Добрянки, Ильмовки и Глыбоцкого. По-видимому, как раз здесь и проходил древний путь «в радимичи», упомянутый летописью под 1159 годом.

Самой старой дорогой, соединявшей ранее Гомель с Киевом и Черниговом, считается так называемый «киевский тракт». До сооружения шоссе Гомель – Чернигов он был самой удобной сухопутной дорогой, по которой из Киева можно было попасть через Гомель в Могилёв, Полоцк и Санкт-Петербург. От Киева эта дорога вела к Чернигову, а затем – между болотами Северный и Южный Замглай у селения Звеничев в направлении гомельских Глыбоцкого и Марковичей. Далее тракт следовал через Грабовку, Рудню Прибытковскую, Контакузовку, Коренёвку. Общая его про-

тяжённость между Черниговом и Гомелем составляла около 130–150 км. Учитывая расположение болот и ручьёв, следует предполагать, что и в X веке сухопутная дорога Чернигов – Гомель шла именно по этому маршруту.

Итак, в 984 году киевская дружина, пополненная в Чернигове профессиональными варяжскими, полянскими и северянскими воинами, выступила на радимичскую область Гомий. Успешно преодолев севернее Чернигова топкие Замглайские болота (пройдя их по сухому Звеничевскому перешейку), войско вступило в Землю радимичей в районе современного села Глыбоцкого. По бродам армия прошла верховья ручья Немыльня и форсировала Терюху. Ещё не встречая организованного сопротивления, Волчий Хвост устремился к Гомию. На его пути лежала никому не известная Песчана...

Анализ старых карт и документов XIX столетия выявляет только один водоток, пересекающий старую черниговогомельскую дорогу, наименование которого удивительно созвучно наименованию Песчаны. Речь идёт о крохотном правом притоке Терюхи – Песошеньке. Общая протяжённость ручья, впадающего в Терюху у посёлка Шутовка Гомельского района, составляет всего 15 км. Его верховья – три малых и ныне безымянных ручейка – находятся у деревень Хуторянка и Песочная Буда.

Около 200 лет назад Песошенька именовалась Песочанкой. Такую форму названия, например, даёт военно-географическое описание Могилёвской губернии 1840-х годов. Древность этого имени неожиданно подтверждает «Реестр ревизии господарской Гомельской волости» 1560 года, где наш ручей назван Песочной.

Итак, битва 984 года состоялась где-то между современными селениями Хуторянка и Песочная Буда или же на месте Песочной Буды, где ещё несколько десятков лет назад крестьяне показывали огромный курган – по преданию, могилу неких завоевателей, павших в окрестностях деревни в незапамятные времена.

Древняя Песчана расположена на полпути от южного рубежа Земли радимичей к Гомию, всего в 30 км пути к юго-

востоку от города-крепости. Сокрушительный разгром радимичей на подступах к Гомию определил судьбы их потомков на многие столетия вперёд.

---

[1] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С.30–31; Соловьёва Г.Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь // Славяне и Русь. М., 1968. С.352–356; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С.142–144.

[2] ПВЛ. Ч.1. М.-Л., 1950. С.14.

[3] Там же. С.20.

[4] Там же. С.23–25.

[5] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. М.-Л., 1934. С.10.

[6] Клад арабских монет (82 экз.) найден в 1822 г. на берегу Сожа в исторической части Гомеля. См.: Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С.10.

[7] Макушников О.А. В поисках древнего Гомия. Гомель, 1994.

[8] ПВЛ. Ч.1. С.59.

[9] Щекатов А. Словарь географический Российского государства. Т.V. М., 1807. С.1065; Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913. С.122.

[10] См. напр.: Соловьёв С.М. Сочинения. Кн.1. История России с древнейших времён. Т. 1–2 . М., 1988. С. 179. Прим. 262.

[11] Рыбакоў Б.А. Радзімічы // Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай АН. Т.3. Мн., 1932. С.113–114; Штыхов Г.В. Поднепровские и посожские города восточной Белоруссии. // Очерки по археологии Белоруссии. Ч.2. Мн.,1979. С.131. Сомнения в правомерности поисков летописной Песчаны в окрестностях Славгорода высказал А.Ф.Рогалев (Рогалев А.Ф. От Гомеюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах. Гомель, 1993. С. 48–51). Нельзя, однако, согласиться с утверждением этого автора, что река Песчань и «образ» Волчьего Хвоста - это не более, чем вымысел летописца. Волчий Хвост – реальный исторический персонаж, в 1016 году он служил князю Святополку Владимировичу и принимал непосредственное участие в знаменитой Любечской битве (см.: Куза А.В. Повесть о князе Ярославе и мужах Новгородских // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.233–239).

[12] Макушнікаў А.А. Рубяжы Гомійскай воласці ў XII–XIV стст. (спроба рэканструкцыі) // Гістарычна-архсалагічны зборнік. Ч. 2. Мн., 1993.С.54–55.

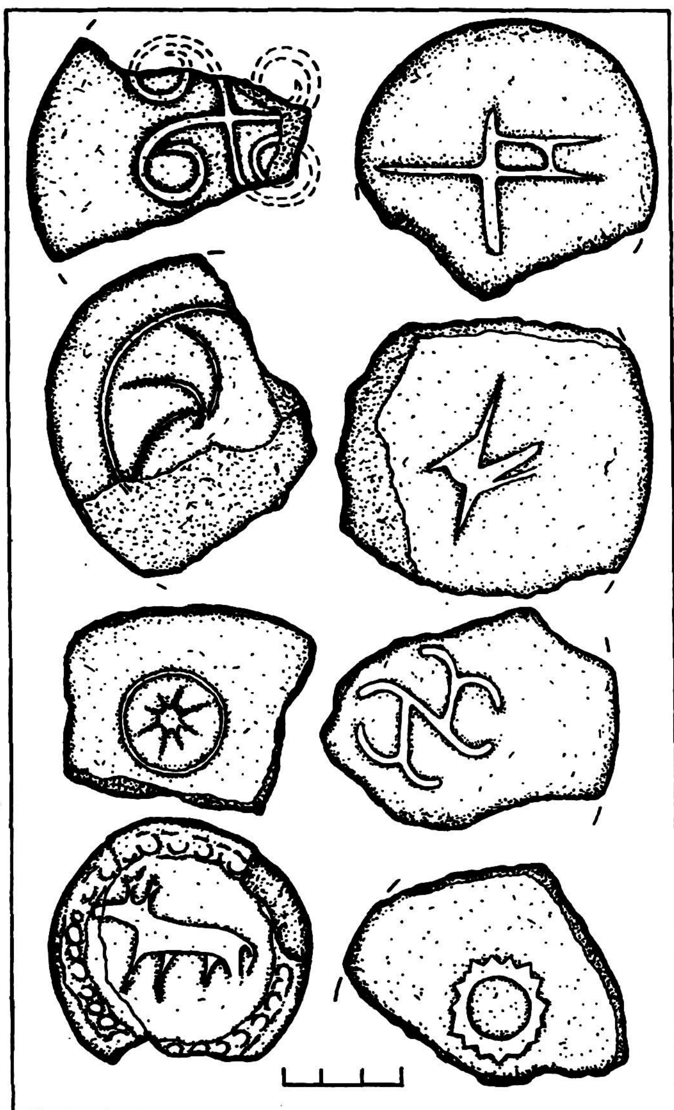
В СОСТАВЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Эпоха потомков Владимира Святославича

Присоединение Земли радимичей к державе Владимира Святославича даёт заметный толчок экономическому развитию Гомия и его округи. В 80–90-х годах X столетия старый радимичский центр, очевидно, получает статус **великокняжеского города** с присущей ему государственной администрацией, аппаратом суда и сбора налогов, военной организацией. Управление Гомием осуществляется назначаемыми Киевом посадниками, наместничающими от имени великого князя.

С 1026 года исторические судьбы тесно связывают Гомий с Черниговом и Чернигово-Северской землёй. Именно тогда происходит формальный раздел государства Владимира Святославича (умершего в 1015 году) между его сыновьями. Согласно Городецкому договору вся Левобережная Русь (т.е. земли к востоку от Днепра) отходит **Мстиславу**, а Правобережная – остаётся под скипетром **Ярослава Владимировича** (впоследствии получившего прозвище **Мудрого**). Ранее враждовавшие братья признают, что мир – самая достойная участь для вверенной им волей истории Руси. Мстислав, уступая Ярославу, соглашается с его старшинством. «И начаста жити мирно и в братолюбьстве, и уста (прекратилась.– О.М.) усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли» [1]. Вся Земля радимичей с Гомием и городками Прупоем, Чичерском переходит под временное управление мстиславовых наместников. Впрочем, это политическое разобщение Руси оказывается неглубоким: после смерти Мстислава в 1036 году Ярослав восстанавливает свою верховную власть над всей территорией страны.

Клейма на гомельской гончарной керамике конца X – XIII веков. Раскопки автора 1980-х гг.

В XI веке Гомий растёт, богатеет, расширяет свои границы за счёт расчищенных от леса окрестных земель. Площадь поселения составляет уже не менее 15 га. Сожские высоты покрываются обширными посадами, застроенными усадьбами рядовых и богатых горожан.

Усадьба гомиянина представляла собой группу деревянных построек различного назначения, в состав которой входили срубный жилой дом в один-два этажа, сараи, амбары, погреба, ремесленные мастерские. Горожане занимались гончарным делом, обработкой черного металла, ювелирным литьём, резьбой по кости и другими ремёслами. Вместе с тем почти все они оставались и земледельцами, и животноводами [2].

Гомий XI столетия был административно-политическим, экономическим и военным центром обширной округи-волости, населённой радимичами. К городу «тянули» малые деревушки и многолюдные села, разбросанные по берегам Сожа и его притоков. Крупнейшие поселения располагались у деревень Шерстин, Юрковичи, Хальч, Старые Громыки в нынешнем Ветковском, Демьянки и Гордуны в Добрушском, Марковичи, Глыбоцкое, Старая Белица – в Гомельском районах. Здесь проживали свободные и феодальнозависимые крестьяне, кормившие не только себя и своих непосредственных хозяев в лице князя и его окружения, но и население Гомия. Деревня занималась хлебопашеством, лесными промыслами, выработкой всех необходимых продуктов питания, одежды и обуви, добычей болотной руды. Некоторые деревни специализировались на гончарном и кузнечном деле. Поселения застраивались деревянными домами с каменными и каменно-глинобитными печами. Большая часть селений вытягивалась одной улицей вдоль реки или поймы.

Во времена Киевской Руси активно функционировали древние сухопутные и водные торговые дороги. Особенно значимой была дорога по Сожу, соединявшая Среднее Поднепровье (Киевская и Переяславская земли) с районами Верхнего Посожья (Смоленская земля). Сож служил ответвлением великого восточноевропейского пути «из грек в варяги», который был жизненно важен не только для Руси, но и Византии, стран восточной Балтии. Существенные для

поддержания внутреннего единства Земли радимичей дороги проходили по крупным сожским притокам – Ипути и Беседи. Они соединяли северо-восточные области радимичей с городскими центрами Посожья – Гомием и Чичерском. Торговые сухопутные дороги местного значения шли в разных направлениях, преимущественно вдоль основных водных артерий. Так, один из них вёл из Стародуба через окрестности Демьянок, Вылева, Добруша на Гомий. Древняя дорога, известная по документам XVI столетия как «гомельский шлях», соединяла Гомий и Чичерск. Она шла по плотно заселённому правому берегу Сожа через современные Покалюбичи, Старое Село, Хальч, Новосёлки, Юрковичи, Ширстин, Присно, Шепотовичи.

В XI столетии в Гомии и окрестностях развернулась упорная борьба за души людей между жрецами старой языческой веры – волхвами – и христианскими миссионерами, опиравшимися на поддержку великокняжеской власти. Эта борьба была долгой и растянулась на столетия. Особенно неохотно новую веру принимали гомийские сёла, где языческие традиции и мировоззрение безраздельно господствовали вплоть до начала – первой половины XII века. Основания для таких выводов дали материалы археологических исследований в Гомеле и его окрестностях.

Ещё и сегодня курганные могильники (погребальные памятники X – начала XII веков, которые насчитывают десятки земляных насыпей-могил полусферической в плане формы, диаметром 4–15 м и высотой до 2–3 м) можно встретить в Гомельском, Добрушском и Ветковском районах, иначе говоря, на территории средневековой Гомийской волости. Гомельчане до сих пор хранят предания о происхождении курганов. Приходилось слышать, что они были насыпаны в годы российско-шведской войны начала XVIII века или во времена нашествия Наполеона. Говорят, что в курганах похоронены солдаты Карла XII или французы – отсюда и их названия – «шведские» или «французские» могилы. Некоторые даже утверждают, что в курганах зарыто золото. Научные исследования, однако, опровергают эти представления. Под курганными насыпями учёные находят захоронения

древних жителей гомийских сёл, совершённые по канонам языческого погребального ритуала[3].

Обычаи местного населения довольно резко отличались от обычаев христианских. Уже само возведение кургана шло в разрез с требованиями церкви. Когда кто-либо умирал, родственники и свояки выбирали место погребения на общинном кладбище. Площадка старательно обжигалась, чтобы «отогнать» враждебных духов (согласно поверьям, огонь обладал священной очистительной силой). На это место ложили покойника, а вместе с ним – те предметы, которые могли «пригодиться» в загробном мире. Мужчин сопровождали нож, кресало, глиняный сосуд для пищи, иногда – коса и другие орудия труда, женщин – веретена с пряслицами, ожерелья из стеклянных, каменных бус и металлических подвесок, височные кольца, шейные обручи-гривны, прочие скромные предметы убора и принадлежности одежды. Золота и драгоценностей в курганах нет, что характерно для всех могильников восточных славян X XII веков. Покойника засыпали землёй из ровиков вокруг места захоронения, а после достижения насыпью определенной высоты разводили на ней и в ровиках ритуальные кострища, устраивали поминки[4].

Несколько курганных могильников располагалось в непосредственной близости от Гомия, на местах пригородных селений XI века. Много курганов было вблизи Любенского озера, а также по старой полевой дороге на Давыдовку, в других местах.

Радимичи отправляли религиозные культы не в церквях, а у рек и ручьёв, почитали не святых, но криницы, колодцы, большие камни и дубравы. Они приносили жертвы своим старым богам – Сварогу (владыке неба), Велесу (покровителю скота и всякого богатства), Перуну (повелителю грома и молнии), Дажьбогу (солнечному божеству) и прочим. Ещё во второй половине I тысячелетия н. э. в Посожье воздвигли специальные языческие святилища – культово-религиозные центры общин и малых «племён». Остатки нескольких памятников такого рода сохранились в гомельских окрестностях до наших дней.

В живописном урочище Каменная Гора на север от посёлка Чемерня Ветковского района расположены остатки древнего культового городища, площадка которого занимает господствующую в этих местах высоту над Беседью. С вершины горы, где сейчас устроено сельское кладбище, хорошо видны окрестности Светиловичей и Больших Немков. Центром святилища является почти круглая в плане площадка диаметром около 20 м. Она возвышается над рекой на 15 м и ограничивается крутым обрывом к Беседи. С напольной стороны площадку окружает земляной вал, который охватывает её подобно подкове. За валом идёт ныне малозаметный ров, объединяющий в одно целое два глубоких оврага. На небольшом расстоянии от рва прослеживаются следы ещё одного вала и рва.

Одно из названий, которое этому месту дали жители Чемерни, – Чёртова Гора. Согласно преданиям, услышанным от крестьян, в незапамятные времена на этой горе жил волот-великан. Он будто бы бросал отсюда громадные каменные молоты, которые волшебным образом долетали до окрестностей Больших Немков...

Так сохранилась память о языческих временах, когда на горе существовало святилище одного из богов, вероятно, Перуна-громовержца. С приходом сюда христианства, крещением радимичей (а это произошло не ранее XII века) святилище было заброшено, а его место продолжало жить в памяти потомков как пристанище таинственной дьявольской силы. Отсюда и пошло название – Чёртова Гора.

Когда-то на площадке стояли изваяния местных божеств, рядом с которыми волхвы зажигали священный огонь и совершали древние обряды. По праздникам и в дни поминовения предков вокруг площадки собирались жители соседних деревень. А рядом со священной горой размещалось обширное языческое кладбище – погребальные курганы. Ещё в конце XIX века их насчитывалось 212, а при распашке и кладоискательских раскопках находили человеческие скелеты, бусы, монеты, другие старинные вещи [5]. Ныне среди пашни и близ святилища уцелели лишь 22 полуразрушенных кургана.

Аналогичные памятники языческой культуры X–XII столетий сохранились около деревни Хальч на правом берегу

Сожа. Круглое святилище расположилось в 700 м от села на высокой террасе над озером-старицей Шаманский Заружак в урочище Зибень. Местные жители назвали этот памятник Красной Горой, а его окрестности до сих пор кое-кто считает обиталищем разной нечистой силы – русалок и волшебных коней, которые якобы ночью выходят из мрачного оврага Гецев Ров погулять по воде. Здесь же располагались и курганы...

В 1054 году великий киевский князь Ярослав Мудрый, оставив после себя мощную, процветающую державу, умирает. Титул великого князя, власть в Киевской земле и патронат надо всей Русью наследует его старший сын Изяслав. Черниговская же земля, окончательно оформившаяся в княжество, переходит его другому сыну – Святославу. Именно потомки **Святослава Ярославича** сохраняют власть в Черниговской земле вплоть до начала монголо-татарской агрессии середины XIII века. Все радимичские земли вместе с Гомием и Чичерском, а также соседние Речица и Рогачёв отходят к черниговским князьям.

---

[1] ПВЛ. Ч.1. М.-Л., 1950. С. 100.

[2] История Гомия XI – начала XII столетий в письменных документах не освещена и воссоздаётся на основании материалов археологических раскопок. См.: Макушников О.А. В поисках древнего Гомия. Гомель, 1994.

[3] Исследования курганов в окрестностях Гомеля в разные годы проводили В.Б. Антонович, Е.Р. Романов, И.Х. Ющенко, Г.Ф. Соловьёва, В.В. Богомольников и другие учёные.

[4] Богомольников В.В., Макушников О.А. Археологические памятники Гомельщины (по материалам раскопок близ д. Нисимковичи). Мн., 1988. С.7-8.

[5] Сведения 1873 года о городищах и курганах // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.,1903. С.56. Часть материалов из кладоискательских раскопок 1952 г. хранится в Гомельском областном краеведческом музее – железные топор и нож, бронзовые украшения и пр.; их передал работник бывшего Светиловичского детдома В.Д.Сиваков.

«Черниговский» период истории

Князь Святослав Ярославич, успешно отражая половецкие набеги из Великой Степи, управлял огромным, богатым княжеством, включавшим бывшие территории северян, вятичей и радимичей. Чернигову принадлежали Новгород-Северский, Брянск, Любеч, Курск, Путивль, прочие средние и малые города, среди которых был и ещё не привлекавший внимания современников, затерявшийся в дремучих посожских лесах Гомий.

События 1068–69 годов (неудачи великого князя Изяслава в отражении вторжений кочевников, восстание против него киевлян и возведение на стол полоцкого князя Всеслава, непопулярный в народе союз Изяслава с польским королём Болеславом II Смелым, жестокая расправа с недовольными киевлянами) показали, что верховная киевская власть Изяслава Ярославича непрочна, а его авторитет падает. К тому же из-за владельческих споров Изяслав ссорится со своим черниговским братом. Вступив в сговор с третьим Ярославичем – Всеволодом, Святослав изгоняет Изяслава из Киева (1073 год) [1] и, фактически, становится единовластным правителем Руси. Только в Полоцке продолжает сидеть мятежный духом Всеслав, по-прежнему не желающий подчиняться киевскому диктату. Великое княжение Святослава Ярославича продолжалось всего три года (он умер в 1076 году) [2], однако оно было весьма полезным для Киевского государства: устанавливаются тесные связи с другими странами, развивается экономика, закладываются великолепные архитектурные памятники. Мудростью и образованностью Святослав напоминал отца. О князе говорили, что он наполнял книгами свои клети и проливал в кругу соратников «мёд писаний». Не исключено, что именно в память о Святославе построили в Гомии соборную Николаевскую церковь (Николай – крестильное имя Святослава).

Когда Святослав переходит в Киев (1073 год), он оставляет Чернигов с владениями своему брату **Всеволоду.** Из деяний последнего известно, в частности, что он не один раз участвовал в военных предприятиях против независимого Полоцка, вовлекая в эти акции и сына Владимира.

В 1077 году, воспользовавшись борьбой Всеволода с Изяславом и отсутствием первого в Чернигове, сын смоленского князя Борис Вячеславич пытается завладеть черниговским столом, но держится в городе всего восемь дней. Опасаясь возвращения дяди – «законного» князя черниговского – Борис бежит в далёкую Тмутаракань.

Здесь он вступает в союз с давним претендентом на Чернигов – племянником Всеволода Олегом Святославичем. В следующем году князья-изгнанники приводят на Русь огромную половецкую армию и наносят сокрушительное поражение выступившему им навстречу Всеволоду на реке Сожице. Много воевод и бояр пало в той битве. Всеволод бежит в Киев к Изяславу, а Олег и Борис вступают в Чернигов. Фактическим правителем Черниговской земли (и Гомия) на какое-то время становится **Олег Святославич** [3].

Тем временем Изяслав и Всеволод с сыновьями собирают большое войско для решительной схватки с Олегом и Борисом. Армия русичей подходит к Чернигову и осаждает его; вчерашние же изгнанники ведут к городу свежие половецкие силы. «Сеча злая» происходит на Нежатиной Ниве (1078 год): Изяслав и Борис погибают, а Олег, потеряв свою армию, вновь бежит в Тмутаракань [4]. Единственным победителем остаётся Всеволод. Он переходит на великое княжение в Киев. Черниговский же стол, по распоряжению князя, достаётся его сыну Владимиру, отличившемуся в борьбе с Олегом [5]. Таким образом, гомияне попадают под непосредственное управление знаменитого **Мономаха**, пробывшего князем черниговским 16 лет (до 1094 года).

Владимир родился в Киеве в 1053 году [6]. Его матерью была дочь византийского кесаря Константина IX Мария. Князь получил прекрасное образование, владел несколькими языками, а его писательский талант воплотился в известнейшем «Поучении». Всю свою политическую карьеру Мономах проповедовал и претворял в жизнь идею единства Руси, во главе которой он видел, конечно же, самого себя и своих наследников. И действовал Мономах не только словом, но и мечом.

Немало потрудился Владимир Всеволодович на благо земли Чернигово-Северской. Особое уважение снискал он за

ратную доблесть, за блестящие победы над хищными половцами, вторгавшимися в южнорусские пределы порою по нескольку раз в год. Несомненно, и гомийские ратники участвовали в отражении набегов степняков, разделяя радость побед с черниговцами, новгород-северцами и стародубцами...

Военная удача изменила Мономаху в 1093 году, когда коалиция князей потерпела жестокое поражение от половцев под Треполем. Горькие вести о гибели сыновей получили тогда все города и волости черниговские. Не досчитались своих воинов и в Гомии. Но ещё страшнее было то, что дорога на Киев, Чернигов и дальше на север оказалась открытой степнякам.

Владимир Мономах и великий князь киевский Святополк Изяславич хорошо понимали, что достойный отпор половцам можно дать лишь объединёнными усилиями всех князей. А вот согласия-то среди них и не было. В то время как Святополк с Мономахом пытались организовать оборону, уже известный гомиянам Олег Святославич (не без оснований считавший себя обделённым волостью) сводил с ними личные счёты.

Заветной целью Олега оставалось утверждение на черниговском столе. И по-прежнему для её достижения он опирался на половцев. В тревожном 1094-м привёл он степные орды под Чернигов и осадил его. Затем Олег сжёг пригородные сёла и монастыри и, в конце концов, овладел городом. А платой половцам было право разграбления Черниговской земли. Можно только догадаться, сколько горя и бедствий принесли они княжеству и Гомию в частности. Второе правление Олега Святославича в Чернигове (1094–96 годы) – один из самых печальных периодов в истории княжества. Не случайно «Слово о полку Игореве» называло этого князя «Гориславичем»: «Тогда при Олзе Гориславличи... в княжих крамолах веци человеком скратишась»[7]. Уже утвердившись на черниговском столе, Олег остался верен дружбе с половцами, не один раз бывал зачинщиком княжеских усобиц, несших разорение земле Черниговской и соседям. Чашу лихолетья сполна испили и гомияне, вынужденные посылать своих воинов в дружину беспрестанно воевавшего князя... Только совместные действия Святополка и Владимира Мономаха, силой оружия изгнавших Олега из Чернигова, спасли княжество от полного упадка.

Но Олег не мог смириться с потерей отцовской вотчины и, опираясь на помощь родного брата Давида (сидевшего тогда в Смоленске и имевшего в скором будущем прямое отношение к Гомию), напал на Муром, где находился один из сыновей Мономаха – Изяслав. В «брани лютой» Олег одержал верх, а Изяслав Владимирович погиб. Черниговский изгнанник овладел Муромом, Ростовом и Суздалем, «перея всю землю Муромьскую и Ростовьскую». Вскоре, однако, военная удача вновь отвратилась от него. Войска Олега были наголову разбиты другим сыном Мономаха – не менее знаменитым Мстиславом Владимировичем Великим в битве на реке Клязьме...

Мстислав никогда не был черниговским князем и не владел Гомием. Тем не менее определённое отношение к этому посожскому городу он всё-таки имел. В 1125–1132 годах Мстислав Владимирович занимал великокняжеский стол в Киеве, а до этого княжил в Новгороде (1088–1094, 1096–1117), Ростове (1094–1096) и Белгороде (1117–1125). Во второй половине 90-х годов XI – самом начале XII-го веков он посылает в Гомий свою грамоту. Содержание этого документа мы, к сожалению, никогда не узнаем. А о самом факте существования такового свидетельствует обнаруженная в Гомеле уникальная свинцовая печать этого князя...[8]

Дальновидный Мстислав не стал сводить счёты с мятежным Олегом. Напротив, он вынудил последнего принять участие в примирительном (для «строения мира») общерусском съезде князей в Любече (1097 год). Именно там прозвучал знаменитый вопрос, адресованный, в первую очередь, князю черниговскому: «Почто губим Русскую землю, сами на ся котору дающе? А Половци землю нашю несуть роздно (разоряют.– О.М.), и ради суть оже межи нами рать ...»

С надеждой смотрела вся «земля Русская» на большой совет князей Святополка, Владимира, Давида и Олега Святославичей, Давида Игоревича и Василько Ростиславича. Надеялись на их мудрость и гомияне, уставшие от тревожной неопределённости. Посовещавшись, князья решили быть заодно, поклялись «соблюсти» Русь и «держать отчину свою» каждому, не покушаясь на владения соседа. По решению съезда власть над Черниговским княжеством и вместе с ним над гомийскими землями получил старший брат Олега Святославича Давид[9].

Любечские договорённости, к сожалению, остались лишь благими пожеланиями. Зачинщиками новой усобицы на сей раз оказались... сам великий князь Святополк и Давид Игоревич. Последний убедил Святополка, будто бы Мономах в сговоре с Васильком Ростиславичем тайно покушаются на его власть в Киеве. Охваченный ненавистью и подозрениями, Святополк решается на неслыханное доселе преступление – захват и ослепление Василька.

На сей раз уже Олег Святославич в союзе с Мономахом выступает за восстановление справедливости и наказание преступников. Собрав войско, они движутся на стольный град Киев. К счастью, большого кровопролития удалось избежать. Но всё же Святополк ушёл от ответственности: виновником злодейства был признан Давид Игоревич, лишённый за это власти над Владимирской землёй. С межкняжескими распрями, наконец-то, было покончено.

Результаты примирения не заставили себя ждать. В 1103 году объединённое войско семи князей под водительством Святополка и Мономаха наносит сокрушительное поражение половцам в битве на реке Сутине, где погибло 20 их ханов. С тех пор победы Руси над половцами становятся регулярными...

Годы правления Давида Святославича (1097–1123) были достаточно спокойными для черниговских земель и Гомия. Город с окрестностями закрепляется в составе личных, вотчинных владений этого князя и его потомков. В самом конце XI – начале XII столетий здесь ведётся значительное строительство, расширяются посады. Где-то в начале XII века большой реконструкции подвергается старая земляная крепость. Её площадь увеличивается примерно в два раза и достигает почти 1,5 га, возводятся новые линии замковых и городских фортификаций. Следует полагать, что при Давиде в Гомии возводят и первый каменный, точнее, кирпичный храм на детинце – исторический предшественник православной Николаевской (Никольской) церкви, известной по свидетельствам письменных документов конца XV–XVII веков. Находки древних строительных материалов (кирпича-плинфы) в разных частях города указывают, что в XII столетии в нём уже могло быть несколько каменных церквей. А это, в свою

очередь, свидетельствует: к XII веку здесь сложилась зрелая церковная организация. Христианские идеи уже пустили корни в душах горожан, и перелом в борьбе с окружающей город языческой стихией наступил.

На рубеже XI–XII столетий происходит благоустройство посадских территорий, где прокладываются улицы. Элементы планировки города, восходящие к XII веку, сохраняются здесь вплоть до конца XVIII века и «читаются» на архивных топографических планах [10].

Давид Святославич получал немалые доходы не только с самого города, но и с окружающей его волости. Эта земля была заселена крестьянами («людьми»), приумножавшими трудом своим богатство княжества. Отсюда, от сёл и нив, шли и «кормления», и «дани», и прочие налоги. Скорее всего, уже к XII столетию часть гомийских сёл была передана во владение ближайших сподвижников князя – его дружинников, а также православного духовенства. Попав в зависимость от крупных землевладельцев, гомийские сельчане продолжали нести повинности в пользу государства и князя, платили церковную «десятину». Земельные владения составили прочный фундамент, на который опиралось экономическое и политическое господство феодального сословия.

Последнее десятилетие правления Давида Святославича совпало по времени с великим княжением в Киеве Владимира Мономаха. В течение нескольких лет последний осуществил свою заветную цель – признание собственной власти почти всеми князьями. В политическом плане Давид попал под влияние Мономаха и стал его верным союзником. Только полоцкие и некоторые другие князья пытались организовать отпор Мономаху, отвергая его претензии на собирание всей Руси под киевским скипетром. В ответ на сепаратизм Глеба Всеславича минского Владимир организовывает большой поход на него, в котором принимают участие военные формирования ряда князей, в т. ч. дружины Давида Святославича (1116 год). В следующем году Давид помогает Мономаху бороться с другим смутьяном – князем Ярославом Святополковичем и вновь посылает на войну черниговско-северско-гомийские полки.

Давид Святославич умер в 1123 году [11], оставив в наследие потомкам не только разноречивые суждения о своей политической деятельности, но и величественные каменные соборы, особенно в столице княжества – Чернигове. И сейчас они поражают великолепием и архитектурным совершенством.

После Давида власть в Чернигове принял его младший брат **Ярослав**. На его долю выпали довольно трудные испытания. В 1127 году против него выступил племянник **Всеволод Ольгович,** «сидевший» до того в далёкой Тмутаракани. Ярослав побаивался своего родственника и согласился на мирный обмен волостями: Всеволоду – Чернигов, а ему самому – Тмутаракань. Вскоре, однако, он пожалел о своей уступчивости и начал слёзно просить великого князя киевского Мстислава Владимировича о помощи в деле возвращения богатых черниговских владений. Но и Всеволод не бездействовал: он призывает семитысячный половецкий отряд, который угрожает Переяславлю и Киеву. Но главное средство воздействия на Мстислава было избрано иное – старое и опробованное. Подкупив ближайшее окружение великого князя, Всеволод добился срыва готовившегося на Чернигов похода киевских войск. Ярослав остался без поддержки и отказался от претензий на прежние владения.

Смерть последнего «самодержавного» великого князя Киевской Руси Мстислава Владимировича (апрель 1132 года) ознаменовала начало длительных межкняжеских распрей и ожесточённого соперничества за Киев. Свои права на стольный град предъявили и черниговские правители. Новому великому князю Ярополку Владимировичу пришлось вести с ними весьма напряжённую борьбу. Всеволод черниговский потребовал у Киева возвращения Чернигову земель Посеймья, в 1136 году осадил Переяславль и в течение трёх дней пробовал взять его. Жаркая, но безрезультатная схватка с войсками великого князя имела место у Супоя. Заручившись поддержкой половцев, в конце года Всеволод вновь вторгается в киевские пределы. Сила Чернигова была столь велика, что Киев, хотя и временно, вынужден пойти на удовлетворение его территориальных притязаний.

Между тем Всеволод Ольгович выступил в качестве главного претендента на киевский стол. И не только потому, что он был незаурядным политическим деятелем и мог предъявлять права на Киев. За его спиной стояло богатейшее, мощное в экономическом и военном отношениях княжество. В те годы Черниговская земля охватывала огромную восточнославянскую территорию. Она простиралась от Днепра на западе до Оки на востоке, от Сулы на юге до верховьев Десны на севере. Важной составной частью княжества было радимичское Посожье с цветущими городами и многими десятками селений.

Воспользовавшись смертью Ярополка Владимировича и нерешительностью других претендентов линии Мономаховичей, Всеволод занимает киевский стол (1139 год). Вчерашний смутьян, он энергично принимается за «собирание» восточнославянских земель, вступает в борьбу с многочисленными потомками Мономаха. Немалая опасность исходит от его ближайших родственников – черниговских Ольговичей Святослава и Игоря. Недовольны они были и тем, что Всеволод оставил за собой значительную часть исконно черниговских земель, и тем, что посадил на княжение в Чернигове их двоюродного брата **Владимира Давидовича** (1139 год)[12].

В 1142 году, в связи со смертью князя Андрея Владимировича переяславльского, начались перемещения князей по столам. Всеволод послал в Переяславль туровского князя Вячеслава, а в Туров – своего сына Святослава. Эти действия вызвали озлобление князей черниговских («волости бо даеть сынови, а братьи не надели ничим же»)[13]: они потребовали возвращения области «Вятичи», которую Всеволод берёг для наследников. Всеволод отказывал, предлагал Ольговичам Брест, Дрогичин, Черторыйск и Клецк[14]. Окончательно рассерженные Ольговичи вместе с Владимиром и Изяславом Давидовичами решили самостоятельно «добывать волости» и напали на Переяславль.

На защиту переяславльского Вячеслава Владимировича поднимаются его племянники Мономаховичи. Быстрым маршем подошёл к Переяславлю князь Изяслав Мстиславич и разгромил полки четырёх черниговских князей, обратив их

в бегство. Второй удар по Ольговичам и Давидовичам нанёс его родной брат – смоленский князь Ростислав Мстиславич, двинувший армию на черниговское Посожье.

Именно последний, казалось бы, и не очень заметный эпизод в междинастических распрях середины XII века оказался в центре внимания всех исследователей гомельской старины. Дело в том, что свои полки Ростислав направил именно на Гомий, где «повоевал» всю окружавшую его волость [15]. Таким образом, древнее «имя» посожского города совершенно случайно (ведь всё было в руках летописца – киевлянина или черниговца) впервые попадает на страницы «официальной истории» Киевской Руси.

Итак, 1142 год – это определённая, но достаточно скромная по своей исторической значимости веха в истории Гомеля.

---

[1] ПВЛ. Ч.I. М.-Л., 1950. С.120–121.

[2] Там же. С.131–132.

[3] Там же. С.132.

[4] Там же. С.159.

[5] Там же. С.135.

[6] Там же. С.108.

[7] Слово о полку Игореве // Изборник. М., 1969. С.200.

[8] Макушнікаў А. «Аўтографы» князёў Рурыкавічаў у археалагічных знаходках з Гомеля // Гомельшчына: старонкі мінулага. Вып.I. Гомель, 1994. С.4. Мал.1.

[9] ПВЛ. Ч.I. С.170–171.

[10] Макушников О.А. В поисках древнего Гомия. Гомель, 1994. С.37–54.

[11] ПСРЛ. Т.I. СПб., 1848. С.128.

[12] ПСРЛ. Т.II. СПб., 1908. Стб.310.

[13] Там же. Стб. 310.

[14] Там же. Стб. 310–311.

[15] Там же. Стб. 311.

Под пером летописца и лопатой археолога

В середине XII столетия земля радимичей уже была окончательно разделена между двумя соседями: север вместе с Кречютом (современным Кричевом) и Прупоем находился под властью смоленских князей, юг (гомельское течение Сожа) входил в черниговские владения. Поход Ростислава Мстиславича 1142 года не преследовал цель изменить сложившуюся карту границ. Главная задача была иной: создать Чернигову угрозу с севера и отвлечь внимание коалиции Ольговичей и Давидовичей от киево-переяславльского направления боевых действий. Поэтому, ограбив гомийские сёла и, вероятно, так и не овладев Гомием, смоляне убрались восвояси.

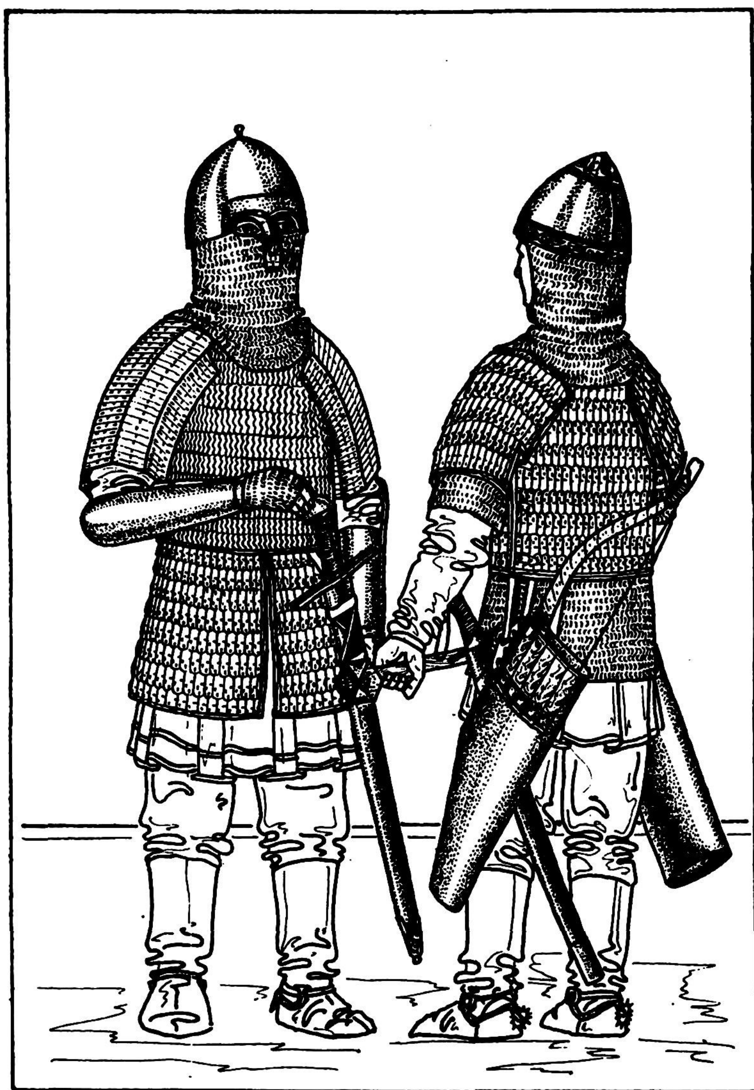
По скупым письменным сообщениям о Гомии середины XII столетия, которые содержатся в летописных памятниках, трудно угадать, почувствовать размеренный пульс полнокровной жизни большого раннефеодального города. И здесь на помощь историку приходят материалы археологических исследований [1].

Вторая половина XII – начало XIII веков – это время экономического и культурного расцвета Гомия. Если бы можно было на время перенестись в ту далёкую эпоху, то внимание наблюдателя привлекли бы видные с любой точки города грозные башни и стены **детинца**, ярусы хоромного дворца, купола монументального собора и церквей. У подножия крепости, у самого Сожа размещалась городская **пристань**, куда из селений волости, Чернигова, Киева, Любеча, Смоленска и дальних земель прибывали корабли и лодки с товаром. На **торговой площади** (предположительно размещалась к северу от детинца) можно было встретить и «заморских гостей», и местных купцов. Из столицы Киевской Руси везли богатую стеклянную посуду, браслеты и перстни из цветного металла, стекла, предметы христианского культа. Из далёких византийских городов Северного Причерноморья прибывали сюда большие красноглиняные амфоры

с южным вином и оливковым маслом, дорогие ткани. Местные торговцы предлагали мех, шерсть, кожи, воск, пищевые продукты, скот, изделия гомийских мастеров – глиняную и деревянную посуду, металлические украшения, инструменты для ювелирного и кузнечного дел, хозяйственный инвентарь. Денежным эквивалентом товара служили не монеты, а серебряные слитки-гривны. На гомийском рынке обращались гривны киевские (весом 163–165 г) и новгородские (весом 200 г).

В окольном граде кипела трудовая жизнь. К узким улицам, стрелами расходившимся от цитадели к воротным башням городских укреплений, примыкали усадьбы. Здесь жили люди, в той или иной мере связанные с обслуживанием княжеского хозяйства. Работали мастерские по огранке янтаря и производству янтарных украшений, по приготовлению стеклянной глазури для покрытия гончарной посуды, литью украшений из меди, серебра и сплавов. Близ Сожа размещался «южный» **посад**, который тянулся вдоль реки до нынешнего Ильинского спуска. Здесь работали косторезы, кожевенники, металлурги, гончары и хлебопашцы. У границ городской территории они имели огороды и поля, а также сеножати. Второй посад – «северный» – располагался над Сожем между Киевским и Боярским спусками.

Ещё несколько лет тому назад учёные могли только догадываться, что населению летописного Гомия была известна грамота и письменность. Последние находки археологов делают это предположение достоверным научным фактом и говорят, что письменность начала распространяться в городе ещё в XI–XII веках. Речь идёт о специальных орудиях письма – писалах (стилях). Это небольшие железные или бронзовые заостренные стержни, снабжённые лопаточками. Буквы наносились острой частью инструмента на берёзовую кору – бересту или навощённые дощечки. Такой способ письма практиковался в Древней Руси с X столетия. Среди археологических находок есть и обломок железного серпа с выбитой на нём буквой кириллического алфавита...

Тяжеловооружённые гомийские воины XII–XIII веков. Рисунок-реконструкция Ю.М. Лупиненко

Несмотря на периодически вспыхивавшие княжеские распри и усобицы, ложившиеся дополнительным бременем на городскую экономику и плечи трудового люда, Гомий растёт и богатеет. К началу XIII столетия его площадь достигает 45–50 га, что по меркам восточнославянского средневековья равно территории значительного городского центра с многотысячным населением. Именно Гомий в середине XII века сыграл роль спасительного убежища для одного из беспокойных князей.

Князь **Изяслав Давидович**, сменивший родного брата Владимира, сел на черниговское княжение в 1151 году. Его главным честолюбивым замыслом было овладение киевским столом. Поэтому, когда в 1154 году умирает великий князь Изяслав Мстиславич, его черниговский тёзка стремительно (опережая других претендентов – Ростислава Мстиславича и знаменитого Юрия Долгорукого) подходит с войсками под стены Киева. Однако столичное боярство – опора любой власти – отказывает Изяславу Давидовичу и он ни с чем возвращается в Чернигов. Приглашение на стол получает Ростислав смоленский, который тут же идёт походом на сына Долгорукого Глеба, правившего в Переяславле, и побеждает последнего. С Давидом же справиться не удаётся: пойдя к Чернигову, Ростислав явно не рассчитал своих сил и был разгромлен черниговским князем в двухдневной битве. Спасаясь бегством, посрамлённый Ростислав удаляется в Смоленск. Изяслав Давидович въезжает в стольный град и садится на великое княжение, временно (1154–1155 годы) оставив Чернигов двоюродному брату Святославу Ольговичу.

Триумф Изяслава продолжался недолго. Недооценил он силу и влияние другого соискателя киевского стола – Юрия Долгорукого. Соперник грозно потребовал Киева и добился своего, не прибегая к оружию. Изяслав Давидович возвращается на черниговское правление (1155–1157 годы), где начинает собирать антикиевскую коалицию, в которую вошли галицкий изгой Иван Берладник, волынский князь Мстислав Изяславич и вчерашний недруг Изяслава Ростислав Мстиславич смоленский. Неприятели Юрия уже двинули свои

войска на Киев, но пришло известие о внезапной кончине Долгорукого (1157 год).

Изяслав Давидович второй раз становится великим князем киевским[2], пытаясь оставить в Чернигове своего племянника – вщижского князя Святослава Владимировича. Однако этим планам воспротивились Ольговичи. Черниговским князем в 1157 году вновь становится двоюродный брат Изяслава Святослав Ольгович (правил до 1164 года). Этот князь рассчитывал, что Изяслав, перешедший в Киев, отдаст ему по праву все черниговские земли. Но не тут-то было: большую часть княжества князь оставил за собой и своим племянником. Среди последних, «не исправленных» Святославу владений был и Гомий. В 1158 году Святослав Ольгович жалуется, что Изяслав дал ему только «Чернигов с 7-ю город пустых... а всю волость черниговскую собою держить и с своим сыновцем»[3]. В составе этой волости были не только гомийские, но и чичерские, а также вщижские земли[4].

В 1158 году Изяслав Давидович терпит поражение во вновь разгоревшейся борьбе за Киев от Мстислава Изяславича. Изяслав, изгнанный из столицы, бежит именно в Гомий, куда направляется через Вышгород. К гомиянам он прибыл вместе со Святославом Владимировичем и срочно послал гонцов за супругой в Киев. Ей удалось бежать с помощью зятя – сына Юрия Долгорукого, переяславльского князя Глеба. Преодолев несколько дней пути, она на радость мужу прибыла в Гомий[5].

Изяслав укрылся в Гомии отнюдь не случайно: этот затерявшийся на северных окраинах Черниговской земли город имел надёжные на случай осады фортификации и располагал достаточными материальными и людскими ресурсами, чтобы изгнанник мог продолжать борьбу за восстановление утраченной власти. Изяслав Давидович собирает в Гомии верных ему дружинников и осуществляет поход в вятичские владения своего недруга Святослава Всеволодовича, где захватывает город Облов. В 1160 году Изяславу даже удаётся на короткое время восстановить свою власть в Киеве.

После смерти Изяслава (1161 год) Гомий переходит к князю **Святославу Ольговичу.** Смерть Святослава в 1164 году привела к тому, что по праву наследования черниговский стол занял его племянник по старшему брату **Святослав Всеволодович.** Однако сын усопшего Олег Святославич также претендовал на Чернигов и прочие города черниговские. Едва услышав о кончине Святослава Ольговича, Всеволодович незамедлительно отправил во все города своих посадников, а в Гомий – сына [6]. Отправку в город представителя княжеского рода следует рассматривать как возможность появления в нём автономного, удельного княжеского правления [7]. Летописная запись 1164 года подчёркивает заметные отличия Гомия от других черниговских городов XII столетия. Археологические материалы проясняют смысл многозначительных строк летописи: Гомий действительно был в ряду крупнейших и богатейших центров княжества.

0 2

Печать черниговского князя Святослава Всеволодовича. Гомель, XII век. Раскопки автора 1995 г.

60–70-е годы XII века прошли в Чернигово-Северской земле под знаком непрекращающейся борьбы за черниговский стол между князьями из «племени» Ольговичей. Особенно острой была междоусобица в годы правления Святослава Всеволодовича. Новгород-северский князь Олег Святославич несколько раз вторгался в собственно черниговские пределы, сжёг города Моровийск и Лутаву, ограбил сёла и замки в окрестностях Стародуба. Ответ черниговского Святослава был аналогичен: князь направлял вооруженные экспедиции в новгород-северские владения.

В 1176 году враждовавшие на Руси княжеские ветви Ростиславичей и Ольговичей, не желавшие уступать друг другу первенства в великокняжеских киевских делах, пришли к компромиссу и посадили на киевский стол сразу двух князей из противоборствующих лагерей: Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича черниговского. Такой «дуумвират» способствовал примирению честолюбивых князей и нёс спокойствие земле Русской.

Тем временем черниговский стол и власть над Гомием переходят в руки младшего брата Святослава – **Ярослава Всеволодовича** (правил до 1198 года). «Замирение» князей позволило вновь объединить силы в борьбе с половецкой степной стихией и совместными усилиями целой коалиции многих князей нанести южному соседу крупные поражения. Активное участие в походах на половцев принимали и чернигово-гомийские полки Ярослава Всеволодовича.

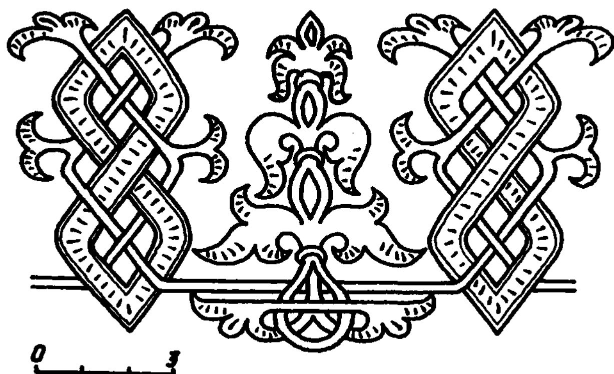
Новгород-северский князь **Игорь Святославич** с завистью смотрел на победы своих соседей – Святослава и Ярослава Всеволодовичей. Не рассчитав собственных сил, он решается на отчаянный шаг – самостоятельный поход вглубь Великой Степи (1185 год), который обернулся настоящей катастрофой для Южной Руси. Полный разгром полков Игоря Святославича половцами на берегах Каялы привёл к тому, что степняки хлынули не только на Новгород-Северщину, но и на соседние собственно черниговские земли. «И бысть скорбь и туга люта, якоже николи же не бывала во всем Посемьи, и в Новегороде Северьском, и по всеи волости Черниговьскои, князи

изымани и дружина изымана, избита» [8]. Возможно, и в окрестностях Гомия какое-то время хозяйничали половцы, жгли и грабили посожские сёла. Только к концу 80-х – началу 90-х годов южнорусским князьям удалось очистить территории Киевщины, Чернигово-Северщины и Переяславльщины от половецких орд.

В 1198–1202 годах печально знаменитый Игорь Святославич сидит на черниговском столе. Следовательно, одно время и Гомий принадлежал герою «Слова о полку Игореве». После Игоря на столе последовательно сменяются его племянник **Олег Святославич**, будущий киевский князь **Всеволод Святославич Чермный, Рюрик Ростиславич**, младший брат Чермного **Глеб Святославич**. Большинство этих князей правило всего по несколько лет и не оставило значительного следа в гомийской истории.

В 1214 году черниговский стол занял **Мстислав Святославич**, младший брат Глеба Святославича. Судьба его была славной и трагической. От своих предшественников Мстислав отличался тем, что не предъявлял никаких претензий на великокняжеский стол и уважал старшинство сидевшего в Киеве Мстислава Романовича. Последний год правления Мстислава Святославича (1223) совпал с нашествием на земли Северного Причерноморья (непосредственно граничившие с Русью) монголо-татарских орд Чингисхана.

Разбитые в 1222 году монголами половцы обратились за помощью к великому князю Мстиславу Романовичу. Мстислав внимательно отнёсся к просьбе вчерашних врагов, ибо понимал: следующей жертвой великих и свирепых завоевателей может стать Русь. С редким единодушием откликнулись на призыв Мстислава выступить против монголо-татар древнерусские князья. Огромное войско составили дружины киевского, смоленского, галицкого, владимиро-суздальского, курского, новгород-северского правителей. Привёл свои полки и черниговский князь Мстислав Святославич. Надо полагать, что в этих рядах были и гомийские, и чичерские, и рогачёвские, и речицкие ратники. Восточнославянская армия («невиданьная» доселе рать) объединилась с половцами и двинулась в Великую Степь.

Орнамент на деревянном сосуде. Гомель, первая половина XIII века. Раскопки автора 1987 г.

Русско-половецкая и монголо-татарская силы сошлись на решающую битву у реки Калки. Монголы оказались сильнее: воспользовавшись несогласованными действиями русичей и половцев, они наголову разгромили своего противника. После жестокого сражения на Русь вернулась едва ли десятая часть выступивших в поход воинов. В этой битве сложил свою буйну голову и князь Мстислав Святославич...

Но «сеча лютая» на Калке не была напрасной: обескровленные завоеватели так и не решились ни в 1223 году, ни в последующем десятилетии на вторжение в восточнославянские земли.

А тем временем внутриполитическая ситуация на Руси всё более и более обостряется. Южнорусские князья борются за власть и мало задумываются о том, что у границ восточнославянских княжеств уже готовится к решительному броску общий враг, очень сильный и свирепый. Черниговских правителей куда больше беспокоит быстрое усиление новых претендентов на первенство в общерусских делах – князей Владимирской земли, а также активность соседей-смолян. По-видимому, в прямой связи с ростом междоусобных столкновений в Гомии в первой половине XIII столетия

предпринимаются масштабные фортификационные работы. совершенствуются укрепления детинца.

И всё же Русь не была готова к новым грозным потрясениям и шла навстречу будущей катастрофе. Последними гомийскими правителями «домонгольского» периода были черниговские князья **Михаил Всеволодович** и **Мстислав Глебович**...

---

[1] Материалы археологических раскопок М.А. Ткачёва и автора.

[2] ПСРЛ. Т.II. СПб., 1908. Стб. 498.

[3] Там же. Стб. 500.

[4] Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. С.104.

[5] ПСРЛ. Т.II. Стб. 502.

[6] Там же. Стб. 523.

[7] Зайцев А.К. Указ. соч. С. 104.

[8] ПСРЛ. Т.II. Стб. 645.

ЭПОХА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Начало нового этапа

В середине XIII века полнокровная жизнь Гомия – богатого средневекового города – резко оборвалась. Пристальное исследование археологических находок, следов сильного пожара в крепости-детинце и окольном граде, брошенных в домах и мастерских ценных предметов (за которыми так и не смогли вернуться их владельцы) свидетельствует, что в истории Гомия произошли трагические события. Материалы раскопок не оставляют сомнений, что **город подвергся нападению монголо-татарских завоевателей** [1]. Гомияне защищались, однако крепость была взята штурмом, город разграблен, а большая часть его жителей перебита или уведена в плен.

Монголы были жестокими завоевателями. Нередко они убивали не только тех, кто защищался с оружием в руках, но и сдавшихся им на милость. При захвате городов они уничтожали и старых и малых, и бедных и богатых, гордых и смиренных безо всякой пощады. Известный европейский путешественник XIII столетия Плано Карпини так описывал действия монголов при взятии ими городов и крепостей: «Если встретится какая крепость, они окружают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий

огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей и выливают его в растопленном виде на дома, и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо... А если они не одолевают таким способом, и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если этого нельзя сделать, то они делают подкоп под укрепление и под землею входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий. и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою»[2].

Более-менее конкретных обстоятельств и календарной даты захвата летописного Гомия монголами мы не знаем. Можно предполагать, что это произошло в 1239 году. Тогда орды азиатских пришельцев разграбили и сожгли стольный Чернигов. Гомий был на расстоянии немногим более 100 км от Чернигова. Цветущий город-крепость, который встал на пути завоевателей к северу, разделил участь многочисленных южнорусских городов и замков, растоптанных копытами монгольских лошадей. Намёк на трагические события в истории Гомия угадывается в горьких словах автора летописного «Жития Михаила Черниговского» о том, что судьбу Чернигова повторили и другие города черниговские: «...мнозии града попленены быша, иже и доныне места их стоят пуста, и многыа монастыри, и честныа церква и села от того нечестиваго Батыева пленениа запустеша и ныне лесом заростоша»[3].

Монголо-татарские походы середины XIII века нанесли страшный урон восточнославянским княжествам, свели на нет созидательные труды многих поколений русичей, оставив лишь руины и тысячи безымянных могил. Гомий познал всю горечь и бедствия тяжкого иноземного ига. Приблизительно сто лет он вообще не имел крепостных сооружений и был полностью беззащитен перед ордынскими сборщиками дани. Население города и округи резко сократилось: люди искали укрытия в отдалённых землях, куда не могли добраться отряды хищных баскаков и их помощников.

Летописцы забыли о Гомии на многие десятилетия. Археологические раскопки свидетельствуют о том, что к началу XIV столетия территория города уменьшилась в несколько раз по сравнению с её площадью в XII веке. Участки окольного града и посадов превратились в пустыри, которые использовались теперь лишь под выгоны для поредевшего городского стада и разбивки огородов. Запустели и многие сельские поселения в округе. Большинство гомийских сёл, основанных ещё в X–XI столетиях, так и не возродилось после событий XIII века.

Однако даже в самые трудные, горькие времена город не умирал. И пусть медленно, но отстраивались его кварталы, работали гончарные, кузнечные и литейные мастерские, постепенно восстанавливался ритм городской торговой площади, оживала речная пристань. Ядром города оставалась площадка сожжённой монголами крепости и ближайший к ней участок окольного града. Во второй половине XIII – первой половине XIV столетий бывший детинец не использовался в качестве крепости, склоны некогда могучих земляных укреплений размывались дождями и талыми водами, покрывались слоем бытового мусора. Татарское присутствие сказалось на образе жизни гомиян. Археологические материалы показывают возросшее употребление горожанами в пищу конского мяса. В то же время характер массовой материальной культуры жителей мало изменился по сравнению с предшествующим временем.

С середины XIV столетия исторические судьбы Гомея (а именно такое название города чаще всего фиксируется документами конца XIV–XVI столетий и доживает до века XVII-го) неразрывно связаны с **Великим княжеством Литовским и Русским.** Это государство – крупнейшая держава на карте Восточной Европы XIV–XVI веков, которое начало формироваться в середине – второй половине XIII столетия при князьях Миндовге и Войшелке на пограничье современных литовских и белорусских земель. К концу XIV столетия держава уже охватывала нынешние Литву, Беларусь, значительную часть украинских земель – Волынь, Подолию, Киевщину, Переяславльщину, Чернигово-Северщину, а также некоторые современные российские земли. Территориальный

рост Великого княжества шёл преимущественно за счёт поэтапного присоединения новых земель путём военных захватов, мирных соглашений и междинастических браков. На исторической сцене Княжество выступило в качестве своеобразной федерации обширных этногеографических регионов – Литвы и Руси, большую часть населения которой составили восточные славяне – русины, русичи (предки белорусов, украинцев и части русских). С конца XIII–XIV веков за восточным регионом государства с ядром в Полоцке и Смоленске закрепляется название «Белая Русь». Бывшее же радимичское Посожье вместе с Гомеем и Чечерском, исторически тесно связанное с чернигово-северскими землями, ещё долгое время, вплоть до XVI–XVII столетий, сохраняет древнее имя «Северия», «Северщина».

Активное собирание крупных и мелких славянских княжеств вокруг литовской династии началось при великом князе Гедимине, а его сын Ольгерд устами своих послов к императору Карлу IV Люксембургскому (1358 год) говорил, что вся Русь должна принадлежать Литве [4]. И если бы не определённые внешнеполитические обстоятельства, то, возможно, его намерения стали бы реальностью. Укрепление Великого княжества Литовского и Русского, во главе которого были преемники Гедимина – Ягайло и Витовт, происходило в условиях напряжённой вооружённой и дипломатической борьбы с соседями – немецким Орденом в Прибалтике, татарской Золотой Ордой на юге и русскими княжествами на севере и востоке. В это время в недрах Княжества – от Литвы до Белой Руси и Северии – активно шли процессы формирования белорусской народности.

Северия и Киевщина, а вместе с ними и Гомей, страдали от татарского ярма вплоть до середины XIV столетия. А в Золотой Орде обострялась борьба соперничающих за верховную власть ханских группировок, один за другим совершались дворцовые перевороты. Ослабление татарского государства давало подчинённому восточнославянскому населению надежды на скорое освобождение. Свободу принёс литовско-белорусский князь **Ольгерд** (правил совместно с Кейстутом в 1345–1377 годах). Гомей вошёл в состав Великого княжества Литовского и Русского в конце 1350-х – начале 1360-х годов [5]. Прямое указание на это событие в исто-

ратный опыт, приобретённый за годы упорной борьбы со степняками и крестоносцами, и «построил своих в шесть искривлённых полков». Такой боевой порядок уменьшал потери от лобового натиска татарской конницы и стрел вражеских лучников, давал возможность наносить фронтальные удары по неприятелю. Замысел Ольгерда блестяще оправдался: атака ордынцев захлебнулась, а попытка окружить литовско-русинские полки окончилась безрезультатно. Контрнаступление «литвы» и «руссаков» опрокинуло татарский строй, после чего ордынцы пустились наутёк и оставили победителям обозы с имуществом [14].

Синеводская битва имела огромное значение для Великого княжества. Её прямым политическим следствием стало расширение владений литовских князей до самого устья Днепра, закрепление в составе государства Волынского и Киевского княжеств, Подолии и Чернигово-Северской земли, а вместе с ними – и Гомея [15]. Наряду с Куликовской битвой 1380 года Синяя Вода предопределила крушение золотоордынского господства на большей части Восточной Европы.

Есть основания предполагать, что и гомеяне принимали участие в этом знаменитом сражении. Как известно, основу феодальных войск XIV столетия составляли профессиональные воины тех городов и земель, которыми владели князья, возглавлявшие свои армии. Ольгерд привёл на Синюю Воду отборных литовских воинов, закалённых в схватках с крестоносцами. Кориатовичи возглавили «руссаков», среди которых особым мужеством отличился отряд из Новгородка. Как мы знаем, накануне сражения Гомей уже вошёл в состав Княжества. Независимо от того, перешёл ли он к тому времени под управление Фёдора Кориатовича или подчинялся наместникам Ольгерда, ратники-гомеяне должны были оказаться в рядах литовско-русинской армии. Таким образом, в 1362 году потомки жителей города, погибших на сожских кручах от монголо-татарских сабель и стрел в 1239 году, выступили против обидчиков своих предков под боевыми знамёнами Ольгерда.

Политическая принадлежность Гомея в конце XIV – начале XV столетий точно не установлена. По этому вопросу пока остаётся лишь строить предположения.

А мы вернёмся к Фёдору Кориатовичу. Около 1388–90 годов он получил в наследство от брата Константина земли Подолии, которыми управлял до 1393 года, пока не был изгнан в Венгрию Витовтом [16]. Витовт правил Литвою в 1392–1430 годах. После 1393 года Фёдор навсегда утратил владения в Княжестве и умер на чужбине около 1416 года [17]. Никаких свидетельств о том, что Фёдор отказался от Гомея во время своего подольского княжения, нет, поэтому можно полагать, что город принадлежал этому Кориатовичу вплоть до его изгнания из Литвы..А кто же мог быть его следующим владельцем?

В 1380 году Чернигово-Северское княжество, в которое входили Чернигов, Новгород-Северский, Трубчевск и Стародуб и которое до этого управлялось князем Дмитрием Ольгердовичем, было разделено великим князем Ягайло на три части-удела: Новгород-Северский (с Новгород-Северским и Трубчевском) Дмитрия-Корибута Ольгердовича, Черниговский – Константина Ольгердовича и Стародубский – **Патрикия Наримантовича.** В 1392 году Новгород-Северский и Черниговский уделы были ликвидированы и, по всей видимости, управлялись наместниками Ягайлы, пока не были в 1399 году вместе с Подолией переданы Свидригайло Ольгердовичу [18]. Стародубский же удел ещё на определённое время сохранил свою автономию. Скорее всего, после 1393 года (а может, с ещё более раннего времени) Гомей принадлежал именно Стародубью [19].

Владелец Стародуба – князь Патрикий Наримантович – был внуком великого князя литовского Гедимина. Патрикий, как и его отец (Наримант в крещении был Давидом), принял православие. Вместе с женой Еленой, сыном Иваном (Иоанном) он упоминается в так называемом «Любецком синодике» [20].

Патрикию не сиделось в стародубских владениях, не раз искал он власти и богатства вдали от своего удела. В 1383–86 и 1397 годах Патрикия в качестве «служилого» князя принимал Господин Великий Новгород [21]. В 1384 году между новгородцами даже вышел ожесточённый спор из-за того, какие земли и доходы отдать Патрикию «в кормление». Три недели звонили новгородские колокола и собирали сторонников

и противников князя на вечевые площади. Смута и драка продолжались, пока все концы новгородские не «уладились» и не подписали с Патрикием новую договорную грамоту. В 1388 году мы уже видим его при дворе великого князя литовского Ягайло [22], ставшего к тому времени и королём польским (под именем Владислава).

Вероятно, во время своего последнего княжения в Новгороде (1397 год) Патрикий оставил Стародубье вместе с Гомеем своему сыну Александру. **Александр Патрикиевич** титулуется «князем Стародубским» в соглашении Великого княжества Литовского с немецким Орденом 1398 года и в присяжной грамоте королю Владиславу-Ягайле 1401 года [23].

В самом начале XV столетия на восточном рубеже Великого княжества было неспокойно. Витовт ещё горевал после страшного поражения от татар на реке Ворскле (1399 год), а уже Смоленск был захвачен противниками великого князя (1401 год). Задиристо вели себя удельные русские князья. В 1402 году рязанский князь Родислав Олегович направил свои полки на литовский Брянск.

Тревожные вести о походе Родислава пришли в Стародуб. Александр Патрикиевич объединил свои дружины с ратниками литовского князя Симеона-Лугвения и встретил рязанцев близ чернигово-северского города Любутьска. Войско Родислава Олеговича было разгромлено полностью, он сам попал в плен (1402 год) [24].

Некоторые исследователи полагают, что Александр Патрикиевич умер в 1402 году [25], однако его кончину правомерно отнести ко времени после 1410 года. Ещё Л.А. Виноградов утверждал, что Александр правил Стародубьем до 1406 года. Тогда же великий князь Витовт лишил его власти по причине сепаратного сотрудничества с Московией. А.Белый указывает на наличие владений Александра в Карце (Восточная Волынь, после 1407 года), где этот князь стал основателем знатного рода Корецких [26]. Патрикий же в 1408 году вместе с князем Свидригайло Ольгердовичем переходит на службу к Москве, где даёт начало нескольким боярским фамилиям. В будущем они сыграли заметную роль в истории России. Великий князь московский Василий I Дмитриевич встретил Патрикия с почётом и даже выдал свою дочь замуж за его сына Юрия [27].

К сожалению, известия о Гомее второй половины XIV столетия в письменных документах отсутствуют. Исключение - упоминание города в летописном «Списке русских городов дальних и ближних» конца века, где он упомянут среди «русских киевских» городов Поднепровья вместе с Брянском, Новгород-Северским, Могилёвом, Туровом, Овручем, Любечем, Речицей, Чечерском, Рогачёвом, Стрешином, Поповой Горой и другими [28].

Археологические материалы показывают, что вхождение Гомея в состав Великого княжества Литовского и Русского быстро и благотворно отразилось на его развитии. Примерно в середине XIV столетия восстанавливаются оборонительные валы и рвы замка, деревянные крепостные стены. Город вновь смог противостоять любому завоевателю. Не исключено, что тогда же восстанавливается разрушенная монголами Николаевская церковь. На этот раз, правда, её возвели не в камне, а в дереве.

Как мы уже знаем, в 1399 году Владислав-Ягайло отдал чернигово-северские земли князю **Свидригайло,** сыну великого князя Ольгерда и тверской княжны Ульяны. Можно догадываться, что после изгнания Витовтом Александра Патрикиевича (1406 год) его стародубский удел также переходит под управление Свидригайло (а вместе со Стародубом и Гомей). Свидригайло Ольгердович в 1408 году уходит на службу к великому князю московскому, при помощи которого рассчитывает вести борьбу за великокняжеский литовский стол, в его свите находятся князья путивльский, звенигородский, хотетовский, менский (из Мены под Черниговом), а также «бояре Черниговские, и Дебрянскы (брянские.- О.М.), Стародубскыи и Лоубутескыи и Ярославскыи» [29].

Свидригайло Ольгердович – один из наиболее ярких персонажей белорусской истории. Зигзаги бурной, противоречивой судьбы то возносили его к вершине власти в Великом княжестве, то обращали вчерашнего повелителя Литвы и Руси в изгнанника.

В первом десятилетии XV века Свидригайло становится всё более опасным соперником великого князя Витовта. Первый пользовался серьёзной поддержкой православных феодалов Чернигово-Северской земли и Белой Руси, второй,

стараясь проводить гибкую внешнюю политику, всё же раздражал «русинскую» часть господствующего класса своими временными сближениями с Польшей. Особенно православное боярство белорусских и украинских земель было недовольно ограничением своих прав в пользу католической знати. Готовясь к борьбе с Витовтом, Свидригайло, как отмечалось, рассчитывал и на помощь московского государя Василия I Дмитриевича. Однако надежды на Москву не оправдались. Свидригайло поссорился с Василием (кажется, не без «помощи» московского боярства, завидовавшего знатному литвину), в 1409 году покинул великого князя и вернулся в литовские пределы. Здесь его схватили как изменника, заковали в цепи и бросили в темницу Кременецкого замка, где он провёл много лет (освобождён в 1418 году).

После измены Свидригайло (1408 год) великий князь литовский Витовт отдал Стародубский удел (надо полагать, вместе с Гомеем) своему брату **Жигимонту Кейстутовичу.** Жигимонт правил здесь до 1430 года.

Смерть Витовта в 1430 году позволила Свидригайло сесть на великокняжеский литовский стол в Вильне. При этом он вновь опирался на поддержку боярства Полоцка, Смоленска, Витебска и Чернигово-Северщины. Гомей также был среди городов, которые избирали нового великого князя Литовского и Русского, что и было отмечено в специальном акте 1430 года[30].

Политическая программа Свидригайло имела своей целью создать мощное православное государство на землях Литвы и Белой Руси, независимое от католической Польши (впрочем, сходные планы в недалёком прошлом вынашивал и его соперник Витовт). При нём православные феодалы заняли высокие государственные посты, потеснили вельмож-католиков литовского происхождения. 1 сентября 1432 года католическая аристократия, тайно поддержанная Польшей, осуществила переворот в Вильне и посадила на великокняжеский стол своего лидера – Жигимонта Кейстутовича. Свидригайло бежал в Белую Русь, в Полоцк. Полоцкие и смоленские бояре Жигимонта не признали и объявили Свидригайло Ольгердовича «великим князем Русским», что фактически означало распад Великого княжества на два государства

и начало гражданской войны. Боевые действия между Жигимонтом и Свидригайло велись до 1436 года, пока войско последнего не было полностью уничтожено в битве при Вилькомире [31]. Свидригайло Ольгердович навсегда лишился титула великого князя. Политическое единство литовско-белорусского государства было восстановлено.

---

[1] Макушников О.А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С.60 62.

[2] Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911. С.31 32.

[3] ПСРЛ. Т.XV. СПб., 1863. С.386.

[4] Ливонская хроника Германа Вартберга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т.2. Рига, 1879. С.108.

[5] В литературе встречаются и другие датировки вхождения Чернигово-Северских земель (и Гомея) в состав Великого княжества Литовского и Русского, например, конец 60-х начало 70-х годов XIV века (см.: Нарысы гісторыі Беларусі. Ч.1. Мн., 1994. С. 120).

[6] ПСРЛ. Т.XV. Пг., 1922. Стб.68; Пашуто В.Т. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С.31.

[7] ПСРЛ. Т.II. СПб., 1843. С.350.

[8] ПСРЛ. Т.XV. Пг., 1922. Стб.75; Шабульдо Ф.М. Земли юго-западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 62.

[9] ПСРЛ. Т.XXXV. М., 1980. С.160. Л.А. Виноградов отмечал, что после присоединения к Великому княжеству Литовскому Гомей со Стародубом вошёл в удел другого племянника Ольгерда Патрикия Наримантовича (Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142 1900. М., 1900. С.8). Нам представляется, что эти события произошли несколько позднее.

[10] В той же летописи читаем: «...княжата Корятовичи, пришедшы у Подольскую землю, вошли у прыязнь з отаманы и почали боронити их от татар и дани татаром не почали давати... собе город Смотрыч уделали, а в другом местцы... город Бокут поставили. А потом змуровали Каменец, а с того вси городы Подольские помуровали... тые Корятовичи» (ПСРЛ. Т.XXXV. С.160).

[11] Некоторые современные исследователи датируют Синеводскую битву 1363 годом.

[12] ПСРЛ. Т.II. С.350.

3 Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С.68 72.

4 Там же. С.68 69.

5 Там же. С.70 71. См. также: Чаропка В. Бітва ля Сіняй Вады // Спадчына. 1990. № 3. С.47 48.

6 Вольф Ю. Князі на абшарах Вялікага княства Літоўскага ад канца XIV ст.// Спадчына. 1994. № 2. С.105.

7 Летапіс вялікіх князёў Літоўскіх // Спадчына. 1991. № 3. С.81.

8 Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С.89 90.

9 Принадлежность Гомея в конце XIV столетия к стародубским землям допускал Л.А. Виноградов (Виноградов Л. Указ. соч. С.8).

10 Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С.126.

11 ПСРЛ. Т.IV. Вып.2. Л., 1925. С.339 340, 347.

12 Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С.90.

13 Там же. С.90.

14 ПСРЛ. Т.XXXV. С.52 53.

15 Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV первой трети XVI вв. М., 1988. С.29.

16 Виноградов Л. Указ. соч. С. 8.; Белы А. Нарымонтавічы // ЭГБ. Мн., 1999. Т. 5. С. 298.

17 Зимин А.А. Указ. соч. С.29.

18 Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С.94 95. «Список» является важным историческим источником, он помещён в Новгородской I-ой и IV-ой, Ермолинской, Псковской, Воскресенской и других летописях. Изучением этого памятника занимались М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, А.В. Подосинов, Б.А. Рыбаков, И.Б. Греков и др. Существует версия, что документ был создан в церковно-политических целях митрополитом Киприаном, который пытался удержать Киев и Москву в рамках одной митрополии (Рыбаков Б.А. Просвещение на Руси в XIII XIV вв. // Очерки русской культуры XIII XV вв. Ч.2. М., 1972. С.205; Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды на рубеже XIV XV вв.). М., 1975. С.345 346). Б.А. Рыбаков полагает, что перечень «киевских» городов в «Списке» отражает владения киевского князя Владимира Ольгердовича 1392 94 гг. (Рыбаков Б.А. Указ. соч. С.203).

19 ПСРЛ. Т.XXIV. Пг., 1921. С.174.

20 Виноградов Л. Указ. соч. С.8.

21 ПСРЛ. Т.XXXV. С.35.

Под властью беглецов из Московии

В 1446 году город на непродолжительное время попадает под власть серпуховско-боровского князя **Василия Ярославича**, бежавшего из московских пределов.

С 20–30-х годов XV столетия этот князь, который находился в близком родстве с великим князем московским Василием II Васильевичем и входил в его окружение, владел Серпуховом, Боровском и Радонежем. Свою политическую карьеру Василий Ярославич связал с Василием II и всегда оставался его верным союзником. Не один раз он участвовал в крупных сражениях русских с татарами и военных операциях против Литвы. Когда мятежники Дмитрий Шемяка и Иван Можайский совершили в феврале 1446 года дворцовый переворот в Москве и лишили власти великого князя. Василий Ярославич не пошёл с ними на переговоры. Он предпочёл бежать в литовские земли.

Великий князь литовский Казимир Ягеллончик принял Василия Ярославича и отдал ему в 1446 году в вотчину Брянск, Гомей, Стародуб и Мстиславль. Василий уступил Брянск приближённым свергнутого московского государя (также беглецам) Семёну Оболенскому и Фёдору Басенку [1], а остальные города оставил за собой.

Василий Ярославич был искушён в политике и время впустую не тратил. Именно он возглавил в своей новой стародубско-гомейско-мстиславльской вотчине коалицию сил русских князей-эмигрантов, которые поставили цель освободить захваченного мятежниками Василия II и восстановить его великокняжескую власть в Московии. Выступление войск под началом Василия Ярославича из Литвы (1446 год) предопределило быстрое падение владычества Шемяки. В этом военном предприятии могли участвовать и гомейские ратники.

В 1449 году Василий Ярославович оставил свои владения в Литве и возвратился в восстановленный боровско–серпуховской удел. Однако великий князь московский недолго помнил верную службу Василия. Обеспокоенный его возросшим авторитетом и активной поддержкой литовской

стороны, он в 1456 году схватил князя и отправил в пожизненную ссылку [2].

Около 1450 года **Свидригайло Ольгердович,** уже давно отошедший от активной политической деятельности в ВКЛ, заслужил снисхождение Казимира Ягеллончика и вновь получил Гомей. Из деяний Свидригайло, касающихся города, история сохранила немногое. Известно, что боярину Андрею Саковичу он пожаловал селения Гомейской волости Даниловичи, Дуравичи и Волосовичи [3]. Историк В.Л. Носевич относит данное событие к 1452 году. В середине – третьей четверти XV века Казимир Ягеллончик активно раздаёт гомейские села различным частным владельцам. Так, между 1440 и 1443 годами литовскому пану Михаилу Монтовту он дарит «двор» Шерстин, а православному боярину Герману Радивоновичу – «двор Хальче с людьми и со всим» (датировка пожалований определена В.Л. Носевичем). Земельные владения близ Гомея получают также бояре Бумонт – село (1442 год), Еско Протасович – слободу (1466 год), Евлашка Хурсович – Пресно (1471 год) [4].

В 1454 году, уже после смерти Свидригайло, история связывает Гомей с **Иваном Андреевичем Можайским** – умным, жестоким и корыстолюбивым политиком, который бежал в Литву от московского государя Василия II Васильевича.

Иван Андреевич, безусловно, был весьма важной персоной. Князь приходился внуком знаменитому Дмитрию Донскому. В 1432 году он получил в наследство от отца Можайское княжество (с главнейшими городами Можайском и Калугой). В своей последующей политической деятельности он стремился, прежде всего, к расширению собственных владений и получению выгод в борьбе соперничающих за великокняжеский московский стол группировок. Для достижения своих целей Можайский не выбирал средств (и в этом весьма походил на прочих именитых современников), шёл на предательство и служил всякому, кто обещал и давал ему больше. Иван Андреевич, в зависимости от ситуации, то поддерживает великого князя Василия II, то выступает союзником его злейших врагов. В 1445 году, во время битвы московского войска с татарами под Суздалем, он бросает Василия II на поле боя и бежит. Русская армия была разгромлена, великий

князь и множество прочих князей (среди которых, между прочим, был и родной брат Ивана Михаил) попали в плен. В 1446 году Иван участвует в заговоре Дмитрия Шемяки против Василия II Васильевича, взятии Москвы и ослеплении великого князя (именно после этого современники прозвали того Тёмным, т. е. Слепым). Простить такому человеку Василий не мог[5].

Расплата за злодеяния чуть было не пришла к Ивану в 1454 году. Тогда войска Тёмного напали на Можайское княжество и взяли Можайск. Конечно, великий князь московский руководствовался не только чувством мести к давнему обидчику, но и своим решением ликвидировать удел на границе с Литвой – опасный своими тайными замыслами и стремлениями к самостоятельным отношениям с западным соседом. По приказу Василия II Можайский удел был упразднён. Князю Ивану Андреевичу с супругой, сыновьями Андреем, Семёном и верными боярами удалось бежать в Литву[6].

Отношения между ВКЛ и Московией в то время были достаточно напряжёнными. Поэтому великий князь литовский и король польский Казимир тепло принял влиятельного эмигранта, которого ещё можно было с успехом использовать во внешнеполитических интригах. Господарь передал Ивану несколько городов с богатыми волостями вблизи московских рубежей, а именно – Стародуб, Гомей и с 1476 года – Брянск[7]. Видимо, уже в новых владениях Можайский вступил во второй брак с дочерью князя Фёдора Юрьевича Воротынского[8].

Иван Андреевич верой и правдой служил новому коронованному опекуну, тем более что последний не пытался вмешиваться во внутренние дела его удела. Московская же сторона была крайне обеспокоена появлением на западной границе ещё одного очага напряжённости. Об этом, в частности, свидетельствует грамота московского митрополита Ионы, направленная смоленскому епископу Мисаилу вскоре после прибытия Можайского в Литву. Иона просил епископа проследить, чтобы князь Иван не причинил какого-либо вреда Василию II[9]. В 1456 году тот же Мисаил ездил в Москву просить возвращения в Смоленск ценнейшей реликвии – иконы Пречистой Богородицы. Как догадываются совре-

менные историки, переговоры велись не только об иконе, но касались русского смутьяна Ивана Можайского [10], который не отказался от тайных действий против Василия Тёмного. Видимо, не случайно в том же 1456 году, подписывая мир с Новгородом, великий князь московский требовал от новгородцев не принимать к себе князя Ивана: «А Великому Ноугороду князя Ивана Андреевичя Можайского и его детей... не приимати» [11]. Подлинные намерения Можайского прояснились зимой 1461–62 годов, когда в Москву из Литвы попала копия соглашения между Иваном Андреевичем и серпуховским князем Иваном Васильевичем (также изгнанником). Оба надеялись на скорую победу над Василием II, подписали союзнические обязательства о совместной борьбе за потерянные в Московии вотчины. Заговорщики обещали друг другу не заключать с Василием II сепаратного мира и готовили против него совместный военный поход [12]. Несомненно, Можайский не оставил надежд занять великокняжеский стол в Москве.

Относительно спокойное для Гомея и окрестностей правление Ивана Андреевича содействовало дальнейшему экономическому подъёму региона. Постепенно расширялась площадь городской застройки, росло количество населения. Особую роль в городской жизни играли ремёсла и торговля – как внутренняя, так и международная (с городами Великого княжества Литовского, Московией, татарским югом). Торговые пошлины, которые брались в Гомее и Стародубе в пользу Можайского, были одним из главнейших источников обогащения его семьи. Редкие купцы умели обходить мытные заставы, да и то лишь по специальному разрешению самого' великого князя литовского. Из документов того периода сохранилась грамота Казимира, который разрешил беспошлинную торговлю минскому купцу Луке Терешковичу (от 5 мая 1480 года) [13].

Иван Андреевич имел немалые доходы от гомейских селений. Здесь жили и трудились его крестьяне. Известно, что после смерти боярина Андрея Саковича (около 1464 года) князь присоединил принадлежавшие тому села (Даниловичи, Дуравичи, Волосовичи) к своей Гомейской волости. Обиженный наследник усопшего маршалок земский, наместник

полоцкий Богдан Андреевич пожаловался великому князю Казимиру Ягеллончику. Судебное разбирательство, завершившееся в 1483 году (уже после смерти Ивана Андреевича), признало законность прав вотчинного владельца на данные селения именно за Богданом Андреевичем, а не за сыновьями (и наследниками) Ивана Андреевича – Андреем и Семёном Можайскими. Решение суда было оформлено специальным декретом Казимира от 17 апреля 1483 года [14].

У Ивана Андреевича был суровый, дурной нрав. Гомейские подданные едва ли любили своего господина, а скорее всего, боялись его. Наслышаны были они о том, что ещё в Можайске, в 1442 году, он приказал сжечь одного мужика-«хлебника», обвиненного во время голода в людоедстве. Тем же способом и тогда же расправился он даже с женой своего боярина. Князю показалось, что та – ведьма [15].

После смерти Ивана (до 1483 года) Стародуб и Гомей переходят к его сыну князю **Семёну,** что было подтверждено грамотой нового великого князя литовского Александра Казимировича Ягеллончика от 1496 года [16]. К 1499 году Семён «выслужил» у господаря ещё замок Чернигов и волости Карачев, Хотимль. Города Стародуб, Гомей, Чернигов и волости, согласно привилею от 26 марта 1499 года, отдавались Семёну Ивановичу, его жене и потомкам «вечно». Можайские имели право держать города и волости со всеми поместьями, сёлами, крестьянами, пахотными и бортными землями, охотничьими и бобровыми угодьями, сеножатями, реками, озёрами, прудами. Княжескому семейству дозволялось собирать все налоги, пошлины и дани, которые были заведены в тех местах с давних времён. Фактически Семён становился полным собственником стародубско-гомейско-черниговского удела, который он даже мог по своему усмотрению продать, обменять или подарить. Права Можайского ограничивало единственное требование великого князя: удельному господину запрещалось вмешиваться в частные дела и собственность местных бояр, получивших свои права и вольности по великокняжеским грамотам [17].

Семён Иванович был типичным представителем своего времени и сословия. Пользуясь властью, он самостоятельно накладывал огромные пошлины на купцов. Особенно стра-

дали от него московские подданные. Ещё в январе 1488 года великий князь московский Иван III Васильевич посылал по этому поводу жалобы ко двору Казимира Ягеллончика. Можайский не только устанавливал непомерные мытные сборы, но и посылал слуг грабить торговых людей, отнимал у них деньги и товары [18].

Надёжным союзником Семёна Ивановича выступала православная церковь. Понятно, что она не только отпускала его многочисленные грехи, но и помогала удерживать в повиновении крестьян и мещан. Л.А. Виноградов отмечал, что князь «был очень благочестив и много жертвовал на храмы», особым его вниманием пользовалась гомейская соборная Николаевская церковь [19].

Иван III внимательно следил за потомками русских беглецов, укрывшихся в Литве. В «докончании» (т.е. договоре) государя с великим князем Александром 1494 года (по случаю окончания московско-литовской войны 1492–94 годов) особо подчёркивалось, что литовская сторона не должна посылать Можайских и прочих князей-эмигрантов «на лихо» Московии. А если бы последние вернулись на московскую службу, то Литва не могла бы принимать их под свой скипетр во второй раз [20].

Семён Иванович дважды ездил в Вильно – летом 1496 и весной 1499 года. Именно здесь он почувствовал, что над его неограниченной властью замаячила угроза. Великий князь Александр давно обдумывал планы дальнейшей централизации государства. Не станут ли удельные властелины – Можайский и Шемячич – серьёзным препятствием его замыслам? При великокняжеском дворе возрастало влияние «католической партии» и почти все приближённые Александра уже приняли «латинскую» веру. Семён не поддался на уговоры отречься от православия. Но причина его упорства коренилась не столько в приверженности конфессиональным традициям предков, сколько в расчетах на возможные выгоды от перехода на московскую службу (где князей-католиков не жаловали).

Как бы там ни было, Семён решил пойти на союз с московским государем. В том же 1499 году он вступил в тайную «змову» с Иваном III, который пообещал ему свою защиту,

полное сохранение всех владельческих прав и, самое главное. новое пожалование многими городами и волостями. От Можайского требовалось только одно – «воевати Великое княство Литовское беспрестанно». Итак, ранней весной 1500 года Семён Иванович «отпал» со своим стародубско-гомейско-черниговским уделом от Великого княжества Литовского и присягнул Москве [21]. Почти одновременно на сторону Ивана III перешли и прочие князья (Бельский, Шемячич и др.). Началась давно уже зревшая московско-литовская война, в ходе которой Иван Васильевич, «люди свои посылаше, многыи силы, без вести», занял Брянск, Мценск, Любутеск, Трубчевск, Новгород-Северский, Радогощ, Почеп, Путивль. Рыльск, Серпейск. Московское войско под началом воеводы Я. Захарьина вошло и в Гомей [22]. Обрадованный переходом на свою сторону такого крупного феодала, каким был Семён Можайский, Иван III поспешил наградить нового слугу обещанными городами и волостями, передав ему Мглин, Почеп, Дроков, Попову Гору [23]. По сути, это была плата за измену Литве.

Именно как предательство характеризует действия Семёна «Волынская краткая летопись» начала XVI столетия [24]. Впрочем, сам владелец Стародуба, Гомея и Чернигова едва ли считал себя изменником: его положение в феодальной иерархии давало полное «моральное» право самостоятельно выбирать себе сюзерена, а примеров подобного поведения среди его титулованных современников было более чем достаточно. Но как бы ни рассуждал Можайский, его политика привела к потере ВКЛ огромной, богатой людскими и материальными ресурсами территории, что придавало московско-литовскому конфликту особенное ожесточение. Гомей и его жители оказались в эпицентре многолетней вооружённой и дипломатической борьбы между двумя могущественными соседями.

После перехода к Москве Семён Иванович всячески подчёркивает свою преданность Ивану III. В 1502 году вместе с новгород-северским князем Василием Шемячичем он идёт во главе московских войск походом на Мстиславль [25].

В 1503 году великий князь литовский, король польский Александр I Ягеллончик и государь всея Руси, великий князь

московский Иван III Васильевич подписывают перемирие на шесть лет, чтобы в «тые перемирные лета межи себе рати и войны не замысляти». Иван обязывается «не воевати и не защепляти ни чим» владений Литвы, а именно Киева, Мозыря, Брагина, Речицы, Стрешина, Чечерска, Пропойска, Могилёва, Смоленска и прочих городов. Александр, в свою очередь, отказывается от претензий на Новгород Великий, Псков, Тверь, прочие земли, а также на владения московских «слуг» – князей Василия Шемячича и Семёна Можайского со Стародубом, Черниговом, Путивлем, Рыльском, Новгород-Северским, Любечем, Брянском и прочими. Среди них был Гомей с волостью и соседними сёлами Уваровичи, Телешовичи, Кошелёв Лес, Морозовичи, Липиничи и др. Московским и литовским торговым людям разрешалось «торговати на всякий товар» [26]. Последующие события показали, что мирное соглашение так и осталось на бумаге.

Владения Семёна Ивановича, который умер где-то в середине первого десятилетия XVI века (последний раз он упомянут в вышеназванном договоре 1503 года), получил в наследство его сын **Василий.** С целью ещё прочнее привязать этого представителя семейства Можайских и его обширные владения к Московии новый государь Василий III Иванович женил его в 1506 году на сестре своей супруги [27]. И действительно, Василий Семёнович оказался надёжным вассалом московского сюзерена, которому он служил до самой своей смерти (предположительно конец 1517 – начало 1518 годов) [28].

В 1507 году начинается третья большая война между Московским государством и ВКЛ за восточнославянские земли. Весной 1507 года посольство нового великого князя литовского Жигимонта I Старого потребовало вернуть земли, захваченные Иваном III (в т.ч. и Гомей). В ответ Василий III отправляет свои полки на Полоцк и Смоленск, а осенью – на белорусское Поднепровье. Однако военные действия не принесли удачи московским воеводам.

В январе 1508 года (по другим данным – ещё в 1507-м) в Великом княжестве Литовском началось восстание князя Михаила Глинского (который явно грешил авантюризмом) против великого князя Жигимонта. Глинский привлёк на

свою сторону большую коалицию православных белорусских феодалов, недовольных прокатолической политикой тогдашних правящих верхов. Глинский мечтал создать собственное Великое княжество с опорой на «русский» (т.е. белорусско-украинский) элемент, воссоздать «киевскую монархию»[29].

Москва тут же пытается использовать внутрилитовский конфликт для территориальных приобретений на западе и активизирует боевые действия. На помощь мятежникам Василий III отправляет большое русское войско во главе с Василием Можайским и Василием Шемячичем[30]. Армия, обходя хорошо укреплённый Смоленск, движется вглубь Белой Руси в направлении Витебска и Мстиславля, Минска и Слонима. Жигимонт, заручившись немалой финансовой и военной поддержкой польского сейма, наносит удары в направлении Дорогобужа и Белой, доходит до Можайска и Ржева. Однако противоборствующие стороны не могут закрепить итоги военных действий: война заканчивается безрезультатно, её единственный итог – тысячи убитых и искалеченных, десятки сожжённых посадов, сотни разграбленных сёл, вытоптанные нивы... В 1508 году в Москве вновь ведутся переговоры о подписании очередного «вечного» мира. Условия последнего более или менее выдерживаются до 1512 года.

Впрочем, порубежные столкновения Московии и Литвы продолжались и в те «перемирные лета». Особенно тревожно было на границе в районе Стародуба, Гомея, Любеча, Речицы и Чечерска. В 1511 году Василий Семёнович Можайский решил расширить собственные владения в западном направлении и захватил селения литовской стороны – Засовье, Чеботовичи, Бацуны, Чёрные и прочие, которые соседили с Гомейской волостью. В ходе этого нападения простым людям «чинились обиды и убытки великие». Не желая обострять и без того сложную внешнеполитическую ситуацию, московские власти обещали литовским послам разобраться с Можайским, а виновных «сказнить»[31].

В действительности Москва и не думала заниматься этим вопросом: в 1512 году по её инициативе вновь начинается война. А пока русская армия готовилась к активным боевым действиям на смоленском направлении, государь поручил

Можайскому и Шемячичу охранять южные рубежи Московской державы от крымских татар, которые угрожали ударить по русским тылам. Во время первого похода на Смоленск в конце 1512 и начале следующего года Василий Семёнович уже сопровождает самого великого князя [32], возглавляет вместе с Шемячичем передовой московский полк.

Смоленск защищался мужественно и удачно, а потому Москве потребовалось организовать ещё несколько крупных походов против него. Город пал летом 1514 года и с того времени на долгие десятилетия перешёл в состав Русского государства. Захват Смоленска позволил «московичам» взять белорусские города Кричев, Дубровну и Мстиславль. Только талант гетмана ВКЛ Константина Острожского, который умело использовал просчёты московских воевод и разгромил неприятельскую армию под Оршей (8 сентября 1514 года), спас Великое княжество Литовское от дальнейших территориальных потерь. Впрочем, боевые действия продолжались ещё несколько лет (в 1518 году московское войско стояло под Полоцком, в 1519 – под Ошмянами). В 1520 году начались новые продолжительные переговоры. Они завершились в 1522-м подписанием перемирия на пять лет.

Однако вернёмся к Василию Можайскому. В последние годы своей жизни отличился он не только в качестве опытного воеводы, но и прослыл крупным политическим интриганом. Василию не давала покоя мысль, что главной властной фигурой на юге Московии считается всё же не он, а небезызвестный Василий Шемячич, продолжавший владеть соседним Новгород-Северским наделом. В борьбе за влияние при великокняжеском дворе Можайский не побрезговал тайными доносами на соперника (1511, 1517 годы). Он обвинил Шемячича в намерениях перейти на службу к великому князю литовскому. Подписав доносы, Василий Семёнович крупно рисковал, ибо специальные следствия не подтвердили «враждебных замыслов» Шемячича [33]. Большие хлопоты в последние годы правления Можайского доставляли гомеянам не только военные поборы и налоги, но и крымские татары. Так, в 1515 году, когда Василий Семёнович отлучился в Москву по срочному вызову Василия III, на его владения напали войска хана Менгли-Гирея [34].

Смерть Василия Семёновича знаменовала собой завершение целого периода в политической истории Гомеля, который можно назвать «удельным». Обширные владения семейства Можайских переходят под непосредственное управление великого князя московского, в Стародуб и Гомей направляются государевы наместники-воеводы.

---

[1] ПСРЛ. Т.XXVI. М.-Л., 1959. С.203.

[2] Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991. С.176–177; Насевіч В.Л. У складзе Вялікага княства Літоўскага // Памяць. Веткаўскі раён. У 2-х кнігах. Кн.1. Мн. , 1997. С. 45.

[3] Литовская метрика. Отдел 1. Ч.1. Книга записей. Т.1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Т. 27. С. 373-375 . Современное село Даниловичи находится на западе Ветковского р-на, а Дуравичи (в ранних источниках – Дуровичи) – на северо-востоке Буда-Кошелёвского. Село Волосовичи исчезает примерно в середине XVII в.: под названием «Волосковичи» оно упомянуто в «Реестре ревизии господарской Гомейской волости» 1560 г., из которого следует, что этот населенный пункт находился непосредственно рядом с Гомейским замком и селом Волотовой.

[4] Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. XXVII. СПб.,1910. Стб. 28,82 ,123; Насевіч В.Л. Назв. праца. С.45.

[5] Политическая судьба И. Можайского рассматривается в указанном исследовании А.А. Зимина.

[6] ПСРЛ. Т.XXVI.С.213; ПСРЛ. Т.XXVIII. М., 1963. С.112.

[7] Сборник Муханова. М., 1856. С.22, 87–88.

[8] ПСРЛ. Т.XXVIII. С.112.

[9] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.I. СПб., 1841. С.103–104.

[10] Зимин А.А. Указ. соч. С.172.

[11] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С.43.

[12] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. № 62. С.199–201.

[13] Этот документ обнаружен в архиве М.Н. Тихомировым.

[14] Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книга записей. Т. 1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Т. 27. С. 373–375; Насевіч В.Л. Назв. праца. С. 45–46.

[15] Зимин А.А. Указ. соч. С.96–97.

[16] Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М.,1900. С.43. Брянск, по-видимому, перешёл во владение Андрея Ивановича Можайского.

[17] Сборник Муханова. С.87–88. Привилей Александра интересен тем, что это – старейший документ, где название города выступает как в «старой» форме – «Гомей», так и в «новой» – «Гомель»; последняя, как известно, окончательно вытесняет первую только спустя два столетия. Впрочем, автор не склонен абсолютизировать значение данного обстоятельства, т. к. знаком с публикацией текста документа в «Сборнике Муханова» (где могла появиться неточность в передаче названия), а не с оригиналом привилея.

[18] СИРИО. Т.XXXV. Ч. I. СПб., 1892. С.10.

[19] Виноградов Л. Указ. соч. С.10.

[20] Духовные и договорные грамоты... С.331.

[21] ПСРЛ. Т.XXXII. М., 1975. С.166.

[22] ПСРЛ. Т.XXXV. С.125; Сагановіч Г.М. Вайна Маскоўскай дзяржавы з Вялікім княствам Літоўскім 1500–03 // ЭГБ. Т.2. Мн., 1994. С.186.

[23] СИРИО. Т.XXXV. Ч. I. С.430.

[24] «...Предасть князь Семен Иванович, изменив целование...» (ПСРЛ. Т.XXXV. С.125.)

[25] ПСРЛ. Т.XXXII. С.123.

[26] Сборник Муханова. С.125–128.

[27] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С.16.

[28] СИРИО. Т.95. СПб., 1895. С.554–555; Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. С. 317.

[29] ПСРЛ. Т.XXXII. С.102–103; Нарысы. Ч.I. Мн., 1994. С.128–129; Сагановіч Г.М. Вайна Маскоўскай дзяржавы з Вялікім княствам Літоўскім 1507–08 // ЭГБ. Т.2. Мн., 1994. С.187.

[30] Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI вв. М., 1988. С.138.

[31] СИРИО. Т.XXXV. Ч. I. С.495–496.

[32] Зимин А.А. Формирование... С.35, 138.

[33] Там же. С.140–141.

[34] СИРИО. Т.95. С.104.

Участь пограничного города

Порубежное расположение обеспечило Гомею и волости беспокойную жизнь на многие десятилетия. Окрестности города стали объектом нападений с литовской стороны, а он сам начал использоваться как плацдарм для агрессии против соседних белорусских городов Чечерска, Речицы, Бобруйска, замков Горволя и Стрешина. Несмотря на февральское 1523 года перемирие, приграничные конфликты Московии и Литвы не утихают. С двух сторон грабят имущество бояр и крестьян. угоняют скот, вырезают и полонят мирное население.

Уже в 1524 году русские наместники в Стародубе и Гомее посылали свои вооружённые отряды для разбоя в окрестности Любеча, Кричева, Чечерска, Речицы и Стрешина. Московские власти лукавили, обещая литовским посланникам разобраться с нарушителями условий перемирия, ибо никаких шагов в данном направлении не предпринимали [1]. Грабежи и убийства на рубеже продолжались и в следующем году. Стародубский наместник князь Александр Иванович Оболенский сообщал в Москву, что, дескать, слуги великого князя литовского совершают набеги из Пропойска и Речицы на волости Стародубскую, Гомейскую и Поповогорскую. Таких вторжений было несколько. Местных жителей убивали, пленили, скот угоняли [2]. Литовско-белорусская сторона предъявляла аналогичные претензии и московским властям. Из Стародуба, Гомея и других городов литовским подданным волостей Стрешинской, Мозырской, Горвольской, Пропойской делались большие «кривды и грабежи». Зимой 1524–25 годов пограничные волости «звоевали» отряды наместников стародубского и гомейского: «статки людей розграбили, людей помучили и иных посекли, а многих у полон повели», сожгли много сёл [3]. Взаимные обещания Вильно и Москвы о наведении порядка на рубеже остались пустым звуком.

В 1527 году Жигимонт Казимирович и Василий III Иванович подписывают (какое уже по счёту!) перемирие на шесть лет. И вновь великий князь литовский обязуется в те «перемирные лета... не воевати и не зацепляти ничем» московских владений, в том числе и «города Гомья с волостми...

и сёл Уварович, Телешович, Теренич, Кошелёва Леса, Морозович, Липинич» [4]. Государи обещают освободить всех пленных, обеспечить свободный проезд и торговлю для «гостей» (купцов), обмениваться посланниками и т. д. Однако уже в 1529 и 1532 годах совершаются новые нападения на Гомейскую волость [5].

Решив отвоевать всю Северию, надеясь на реванш и возвращение потерянных ранее восточнославянских земель, Великое княжество Литовское начинает новую войну с Московией. Случилось это вскоре после кончины Василия III Ивановича (1533 год). Боевые действия ведутся с переменным успехом до 1536 года. Первый поход «на Северу» имеет место в 1534 году. Большое войско во главе с Андреем Якубовичем Немировским (Немирой) и Василием Чижом движется под Стародуб, где разбивает московское ополчение Фёдора Оболенского (Овчины), сжигает Радогощ, берёт множество пленных. Не взяв Стародуба, Чернигова и Почепского замка, армия возвращается в Кричев [6].

Учитывая наиважнейшее стратегическое положение Гомея в противостоянии Литве, московские власти не жалеют усилий для укрепления его замка и пополнения арсенала. Воеводой-наместником направляется в Гомей **Дмитрий Дмитриевич Щепин-Оболенский**, на долю которого вскоре выпадают тяжёлые испытания. Вооружённый конфликт на порубежье перерастает в кровопролитную войну...

Час Гомея пробил в начале лета 1535 года, когда король Жигимонт начал новый поход на северские владения Московии. Многотысячное войско, пешее и конное, с большим артиллерийским обозом, было сформировано из литовских, белорусских и наёмных польских отрядов. Их поддерживали союзные татары. Армию возглавил гетман литовский **Юрий Николаевич Радзивилл**, при нём же были гетман коронный (польский) Ян Тарновский и упомянутый выше киевский воевода А.Я. Немировский. В походе их сопровождал московский изменник князь Семён Бельский, перебежавший в 1534 г. к Радзивиллу. Король очень надеялся на успех этой крупной боевой операции и приказал армии, «бога вземши на помочь, замков наших отчизных Северских добывати». Первым на пути в Северию стоял Гомей, а потому Жигимонт

строго наказывал «напервей замку Гомья достати, або огнем его спалити» [7].

Польские отряды пришли из Бреста, в Речице они соединились с великокняжескими войсками. 10 июля, после нескольких десятков вёрст плохой дороги, объединённое войско подошло под стены Гомея. Осада была организована по всем правилам тогдашнего военного искусства – с использованием артиллерийской мощи. Ю.Н. Радзивилл сообщал: «А так в середу весь день... на замок стрелба била, а потому с середы на четверг всю ноч и в четверг мало не весь день с наших дел стрелбу чинили» [8]. Несмотря на большие боевые запасы в замке, решимость части гомеян продолжать борьбу за город, воевода Щепин-Оболенский сдерживал неприятельский натиск всего неделю. Современники потом упрекали его в трусости, будто бы тот «убоявся, из града побежал, и дети боярские с ним же и пищалники». Малодушие воеводы объяснялось тем, что он не дождался помощи основных московских сил – «прибылые люди в город не поспели». Оставшиеся в замке «тутошние люди немногие гомьяне», увидев «воеводское нехрабрство и страхование», сдали город 17 июля 1535 года [9].

Таким образом, Юрий Радзивилл блестяще выполнил королевский приказ взять «к рукам господарским... замок неприятельский моцный и обороною способный Гомей» и сделал это «без великого накладу господарского» [10], т.е. без потерь со стороны нападавших. Гетман проявил великодушие к горожанам и, выполняя пожелание короля («иж кгды ся который замок подасть доброволне, тогды не ма быти жадное трапежство чинено»), а также надеясь, что господарь отдаст Гомей в держание его сыну Николаю Радзивиллу [11], не позволил войскам разграбить город. Имущество отобрали только у Щепина-Оболенского и его московских слуг. После этого воеводу с людьми отпустили в Москву (где его как изменника заковали в цепи). В то же время часть гомейских бояр и горожан присягу «вчинили» Жигимонту, пожелав ему «верне служити» [12].

Причина быстрого падения Гомея не может быть сведена только к поведению русского воеводы-неудачника. Дело, видимо, в том, что цели московских властей и местных жителей далеко не совпадали. Горожане не оказали должной

поддержки гарнизону, выжидательную позицию заняло боярство и православное духовенство. Вынеся к тому времени горький урок из восстания М. Глинского, правящие верхи Великого княжества Литовского отказались от грубой неразумной политики вытеснения православных феодалов из сферы государственного управления и ограничения прав своих подданных «греческой веры». С 1520-х годов ведущие роли в Раде занимали не только католики, но и православные магнаты белорусского и украинского происхождения (яркий пример – тот же князь К. Острожский). Дискриминирующие православных законодательные акты уже фактически не действовали. Гомейские «люди лучшие» об этом знали наверняка, а потому не видели врагов в лице литовского господаря и его приближённых.

Военные действия продолжались на стародубском направлении [13], и сохранялась угроза подхода к Гомею «людей московских». Король принял экстренные меры по укреплению замка. Ещё накануне взятия Гомея специальным распоряжением Жигимонт велел своим наместникам в Пропойске и Чечерске послать сразу по освобождении города «дватцать человеков с топоры, которые бы мели тот замок Гомеи зарубити... штобы теж люди Московскии не впередили» (грамота от 3 июня 1535 года) [14]. Приказ был выполнен. Когда замок перешёл в руки Литвы, его отремонтировали, подвезли необходимые военные припасы – «порохов», «салетры» и «куль» [15].

Жигимонт, королева, дворяне и рыцарство, получив известие о взятии Гомея, очень растрогались: король едва сдерживал слёзы от радости, а придворные и вовсе расплакались от избытка переполнивших чувств [16]. Путь в Северию был открыт. Король срочно распорядился наложить на гомеян государственные налоги, дани медовую, куницами и пр.

Взяв Стародуб, королевское войско продолжало боевые действия. В ходе кампании 1535–37 годов была отвоёвана почти вся Северия. Только в 1537 году бедственное финансовое положение воюющих сторон заставило их прекратить борьбу, сесть за стол переговоров и подписать перемирие на пять лет. Гомей перешёл в состав Великого княжества Литовского, но, по существу, оказался единственным приобретением Жигимонта в ходе этой войны. Московская же сторона Гомея

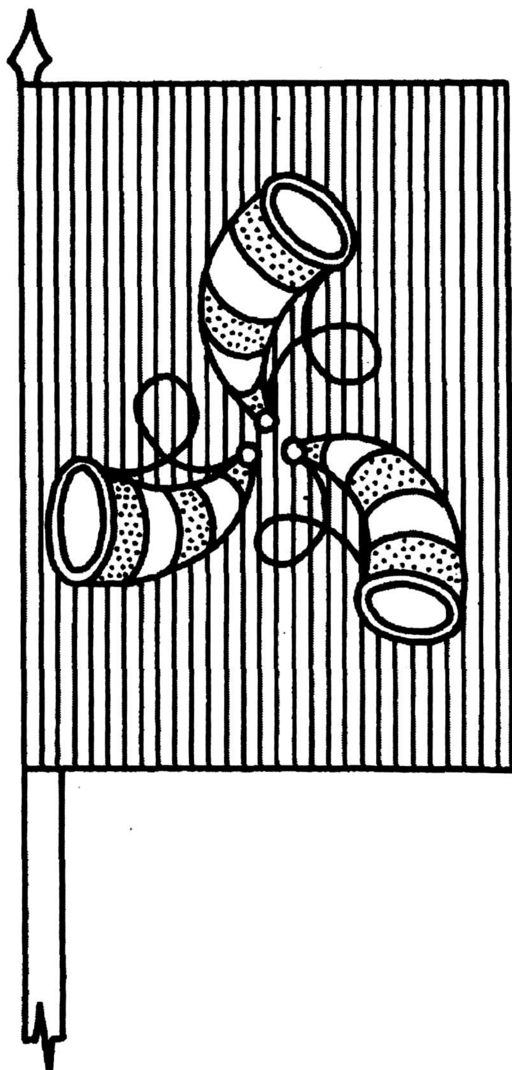
уступать не хотела. Конец спорам, якобы, положил малолетний Иван IV Васильевич (будущий Грозный): «ради покоя христианского города Гомья поступимся брату своему королю Жигимонту, и рубежом между двумя царствами быть реке Сожу». Королевские послы сумели выторговать ещё участок левого берега Сожа на протяжении 30 вёрст [17].

Впрочем, уступив Гомей по перемирию 1537 года, Москва ещё несколько десятилетий вела за него упорную дипломатическую борьбу. В 1542 году на московско-литовских переговорах русские бояре требовали: «А и Гомей, панове, вотчина государя нашего и пригоже королю Гомья государю нашему поступитися». Подобные заявления повторялись в 1549, 1562, 1563, 1566 и 1567 годах. Окончательно Москва отказалась от претензий на город только 12 мая 1570 года [18].

В 1535 году Жигимонт утверждает решение об основании **Гомейского староства** – господарского (великокняжеского) владения под управлением крупных государственных чиновников – старост (державцев). На должности назначались именитые феодалы, отличившиеся верной службой великому князю. Они «держали» город с волостью от имени господаря либо пожизненно, либо до особого распоряжения верховной власти. Старосты исполняли всю полноту административно-судебных функций через посредство местного «врада» и «врадников». Они ежегодно передавали в казну («до скарбу господарского») собранные с мещан и волощан государственные подати. Четвёртую их часть составляла «кварта» на содержание войска. До 1560 года основной налог в пользу государства и старосты брался в натуральной форме – зерном, мехами, мёдом и разнообразными повинностями-работами. Часть городских дворов и окрестных селений в это время была вне юрисдикции старост, поскольку принадлежала гомейским боярам, православной церкви, владельческие права которых тщательно оберегались великокняжескими грамотами.

Первый гомейский староста – князь **Александр Андреевич Каширский** – был назначен на должность 21 сентября 1535 года. Через 8 месяцев его сменил князь **Василий Юрьевич Толочинский.** В 1537 году (в связи с окончанием войны 1534–37 годов) гомейские мещане и волощане были освобождены великим князем и королём от государственных налогов (даней денеж-

ных, медовых, бобровых, куничных и пр.) сроком на 10 лет, а также от одной из самых тяжёлых повинностей – строительных работ в замке сроком на год. И только «хиба естли бы которыи кгонты (части деревянной кровли.– О. М.) з замку опали, або дощка ся где оторвала, то мели за ся прибити и направити»[19]. Решение господаря было дальновидным: городу, сильно пострадавшему от войны, требовалось время на восстановление хозяйства; кроме того, негибкая политика по отношению к гомеянам могла возродить у некоторых из них промосковские симпатии. Однако Толочинский смотрел на город и волость с высоты своего старостинского кресла: отбирал у мещан и волощан королевские охранные грамоты, принуждал их выполнять различные работы в замке (ремонтировать укрепления, строить себе «хоромы» и пр.). Староста даже отнял у гомеян озёра, бобровые гоны, бортные земли, изъял большое количество мёда, пушнины, заставил людей косить для своего хозяйства сено. С непослушными он не церемонился и сажал таковых в замковую тюрьму («вежу»). На приезжих купцов («гостей») Толочинский накладывал такие пошлины, что те переставали ездить в Гомей, а потому в самом городе возникла острая нехватка продовольствия. Многочисленных жалобщиков, направлявшихся к господарю, староста ловил на дорогах, беспощадно грабил. Нередко он налагал на них огромные штрафы. Присланного из стольной Вильни для разбирательства («о тых всих кривдах и тяжкостях и грабежох») королевского дворянина Ивана Григорьевича Толочинский не только не слушал, но и «ссоромотил и бити его хотел»[20]. Насилия старосты во вновь возвращённом владении обещали непредсказуемые последствия. Они угрожали будущим ущербом господарской казне: местные жители попросту бежали из Гомейской волости куда глаза глядят. Разгневанный местным самоуправством, король писал виленскому воеводе пану Гаштольту: «тот замок (т.е. Гомей.– О.М.) за великим накладом к рукам нашим проишол», расположен он на «украине» (окраине) державы, «а к людем украинным треба ся ласкаве заховати и не годиться им ни в чом обтяженья чинити». Для продолжения разбирательства в Гомей был направлен дворянин королевы Боны (супруги Жигимонта) Мартин Пацотковский[21].

Знамя Юрия Радзивилла, первая четверть XVI века
(по данным картины «Битва под Оршей» 1520-х – 1530-х гг.)

Конфликты горожан с местными властями продолжались при старосте **Яне Дорошкевиче** (управлял в 1541–43 годах) и сменившем его **Яне Хрщоновиче** (1543–47 годы). Оба они были не прочь поживиться за счёт богатой собственности гомейских храмов. Для обуздания их произвола вновь потребовалось вмешательство королевских властей.

6 сентября 1547 года должность старосты в награду за службу господарскую получил **Оникей Горностай**. Происходил он из старинного шляхетского рода, представители которого занимали высокие государственные должности в Великом княжестве, имели крупные земельные владения в Беларуси и Украине. До своего гомейского назначения Горностай был господарским дворянином (1529), державцей Дубиским и Каневским, ключником Виленским (1533), писарем Великого княжества Литовского (1539), старостой Черкасским и Каневским (до 1547)[22].

Порубежное положение Гомея приносило ему новые беспокойства и тревожные ожидания. Остерегаясь нападений «московичей» и крымских татар, верховная власть направляла в замок из ближайших городов и волостей запасы хлеба, посылала конные отряды «сторожи», а из господарского Виленского арсенала (1552, 1562–63 годы) – вооружение и амуницию. Чечерская волость обязывалась содержать в Гомее отряд «сторожи» за собственный счёт и в течение круглого года, Рогачёв (1564 год) – везти рожь и овёс «ку наспижованью замку». Фортификационные работы велись силами не только местного населения, но и Чечерска, Пропойска, прочих поднепровских волостей. В 1557 году, когда уже шла интенсивная подготовка к очередной войне с Московским государством, гомейский гарнизон был увеличен до 200 человек драбов (пехоты). Город превращался в крупнейший центр региональной обороны Великого княжества Литовского[23].

Неспокойной пограничной обстановкой умело пользовались всякого рода разбойники и авантюристы. Ещё при Яне Хрщоновиче местный житель по фамилии Полозович бежал за московский рубеж (а граница тогда проходила всего в 30 верстах от Гомея) и начал нападать на господарских людей, делая им «великие шкоды и злодейства». В ответ слуги державцы ходили на черниговский шлях (видимо, в окрестности

Марковичей и Яриловичей), грабили и убивали людей московских. Хорунжий Ржевский, возглавлявший гомейский гарнизон и пользовавшийся поддержкой О. Горностая, разбойничал в приграничных московских селениях. Особенно удачной была его вылазка против села Микуличи, где он награбил на 1200 рублей «коней татарских и кобыл и меринов и животных рогатых, и саадаков и сабель и рогатин и сёдел и мёду и воску топленого и платья всякого и рухляди (имущества.– О.М.)». Прочие гомейские разбойники – Мартинко Сухарь, Мартинко Бобровенок и Митька Пацутин – не только угоняли скот, выдирали бортных пчёл, но и не останавливались перед откровенным святотатством – снимали колокола с церквей [24].

После Горностая старостой был знатный вельможа **Коленик Васильевич Тышкевич** [25] – выходец из старинного православного украинского рода. Вотчина Тышкевичей находилась в Киевском воеводстве (Бердичев, Слободище и др.). но уже отец Коленика выслужил крупные земельные владения в Менском, Слонимском поветах и Полоцком воеводстве, выдвинулся на должность господарского маршалка [26].

После 1567 года К.В. Тышкевича на должности гомейского старосты сменил **Михайло Мышка-Варковский** – знатный землевладелец, родовое гнездо которого также находилось на Украине (село Варковичи близ Кременца).

В 1560 году, во время управления Тышкевича, в Гомей прибыли королевские служащие, «паны ревизоры» Г. Волосевич и М. Нарушевич. Их прислали для проведения аграрной реформы в господарских волостях. Чиновниками было составлено **полное описание («ревизия», инвентарь) Гомейского замка** с его укреплениями и боевыми запасами (эта часть инвентаря утеряна) и гомейских селений с обозначением их принадлежности к разным категориям феодальной собственности, количества крестьянских дымов (дворохозяйств), земельных наделов, рубежей угодий и т. д. [27]

В Гомейскую волость (или староство – составную часть Речицкого повета Минского воеводства) входило 49 селений. 32 деревни имели статус господарских и управлялись через администрацию старосты-державцы (Романовичи, Добруша, Демияновичи, Бересцы, Тростынь, Корма, Головинцы, Да-

нилковичи, Антоновичи, Лагуновичи, Прибытковичи, Марковичи, Терешковичи, Дятловичи, Утье, Носовичи, Юрковичи, Озарчичи, Бобовичи, Волковичи, Телеши, Тереничи, Бацуны, Губичи, Морозовичи, Пиреевичи, Кошелево, Уваровичи, Даниловичи, Юрковичи, Новосёлки, Старое) [28]. Остальные находились во владении частных лиц (местных бояр, шляхтичей) и церкви (Дуровичи, Присно, Шерстин, Чеботовичи, Засовье, Кольскевичи, Чорные, Хальча, Плесо, Волотова, Скепна, Кузьмичи, Вага, Рыловичи, Слобода, Севруки и Волозковичи). Селения Волотова и Волозковичи были вотчинами, т. е. наследственными владениями, Вага, Рыловичи, Кузьмичи, Севруки и Слобода – временными держаниями («до воли господарской») местных боярских родов. Сёла Кольскевичи, Засовье, Чоботовичи, Чорные и Хальча были «выслужены» панами Халецкими. Дуровичи являлись ленной (пожалованной с правом наследования потомками мужского рода) собственностью поручика гомейской роты Яна Фаща, Присно и Шерстин – ленной собственностью гомейского ротмистра Кшиштофа Ленского. Село Плесо принадлежало гомейской Троицкой церкви, Скепня – было подарено виленскому костёлу святого Станислава и вошло в состав имения Стрешин [29].

Аграрная реформа (называвшаяся тогда «померой волочной») преследовала вполне определённую цель – реорганизовать существовавшие издревле системы крестьянского землепользования, обложения их феодальными повинностями и повысить доходность господарских имений. Ревизоры меряли всю крестьянскую землю («ровнали грунты») на так называемые «службы» – равные по размеру участки площадью по волоке. Службы становились единицей обложения крепостных крестьян вместо прежнего дыма. При этом каждая служба находилась в пользовании двух-трёх дворохозяйств. Гомейские сельчане-«данники» превращались в «чиншевиков», обязанных давать подати не столько натуральными продуктами, сколько деньгами, чиншем [30]. Денежный налог шёл как в пользу великого князя (короля), так и местного старосты.

Повинности господарских гомейских крестьян с 1560 года выглядели так. «В кождый год о светом Михале свята римского мають давати до скарбу господарского с каждое

службы по пятьдесять грошей (столько грошей шло с земли среднего качества, с хорошей – платили по 60, а с «подлой». т. е. с плохой – по 40 грошей.– О.М.), жита бочку ровную. без верха и нетоптаную», по бочке овса, за каждый воз сена – по 4 пенязя, за каждый пуд мёда – по 25 грошей. Кроме того. «за ловы звериные, яко великого, так и малого звера, а теж куничные, беличные и инные всякие и пташие» полагалась «копа одна и грошей сорок, за ловы рыбные и гоны бобровые копа одна, за езовщину (т. е. устройство «езов».– О.М.) с каждое службы по шести грошей».

Аппетиты старосты были чуть скромнее. Ему причиталось с «кождое службы жита на пол бочки, овса пол бочки тое меры, которою на господаря его милости маеть быти давано; а зособна за кождою копою всякого плату по шести грошей; а над то с кождое службы по два возы дров» [31].

В условиях постоянной военной опасности и бесконечных феодальных усобиц гомейские «люди» сгонялись на строительство, ремонт Гомейского и других «украинных» замков. Фортификационные работы велись почти постоянно, волощан брали на них ежегодно. Кроме того, сельские жители обязывались выставлять в Гомейском замке дозорные посты, собирать деньги на подводы для господарских гонцов [32].

В 1560 году в господарских сёлах Гомейской волости насчитывалось 198 крестьянских дымов-хозяйств (87 служб). В пользу государства отсюда шло 304 копы 16 грошей и 9 пенязей плюс 87 бочек ржи. Вместе с городскими (мещанскими) податями сумма всех денежных поступлений «до скарбу господарского» составляла 446 коп 7 грошей и 1⅔ пенязя [33].

Нелёгкая, но мирная жизнь Гомея прерывается в годы изнурительной Ливонской войны (1558–1583). Поначалу боевые действия обходят Гомейский край стороною. В 1562 году московские воеводы стоят под стенами Витебска, Орши и Шклова, в 1563 году берут штурмом Полоцк. Гомеяне живут в тревоге, и всё же нападение на город оказывается для них полной неожиданностью.

5 мая 1581 года (при старосте **Павле Сапеге**) стрельцы Ивана Грозного «до замку неведома ночью пришедши, на место ударили и место огнём выпалили». Жители, побросав свои горящие дома и «маёмость», едва успели укрыться за

мощными замковыми фортификациями. Сам же город выгорел полностью: мещанские усадьбы, дворы шляхты и православных храмов[34]. Однако на штурм замка стрельцы не решились и вскоре убрались восвояси.

А пока шла жестокая, изматывающая война с Московским государством, правящая верхушка Великого княжества Литовского готовила крупную политическую акцию, предопределившую дальнейшие исторические судьбы белорусского и украинского народов. Речь идёт о неоднозначной своими глубинными последствиями Люблинской унии 1569 года. Именно тогда на политической карте Европы появилось новое государственное образование – Речь Посполитая[35].

Мелкая и средняя шляхта белорусских земель уже давно высказывала недовольство. Важнейшие государственные решения в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском принимались без её участия сравнительно малочисленными магнатами – членами господарской Рады. С завистью смотрела она на западного соседа Польшу, где каждый шляхтич мог решительно влиять на внутреннюю и внешнюю политику правительства. Ещё на Витебском сейме 1562 года белорусская шляхта потребовала от великого князя собрать общий с поляками сейм для выборов короля, разработки единых для Великого княжества Литовского и Польши шляхетских привилегий.

Унию с Польшей объективно подталкивали военные поражения и территориальные потери Княжества. Истощённая до предела казна уже не могла обеспечивать успешное ведение войны с Москвой, требовался мощный союзник, его финансовая поддержка и, главное, дополнительные воинские силы. Таковым оказалась Польша, с которой Княжество уже имело большой опыт уходящих в прошлое унитарных союзов. А тем временем и польская шляхта жадно посматривала на белорусские и украинские земли, где можно было получать баснословные доходы и рассчитывать на почётные должности. Кроме того, за спиной Польши стоял Ватикан, вынашивавший идею расширить католический мир за счёт крещения по «латинскому» образцу православных белорусов, украинцев и русских.

И всё же феодалы-литвины колебались. Слишком велика была историческая ответственность за судьбы страны и народов. Тогда поляки решили подтолкнуть ход событий. Видя, что Княжество, разорённое Ливонской войной, находится на краю пропасти, польские феодалы вынуждают Жигимонта Августа санкционировать присоединение к Польше Волыни, Подляшья, Подолии и Киевщины. До того они принадлежали Великому княжеству Литовскому. Конфликт с Польшей, несмотря на грубую аннексию колоссальной территории, был невозможен, поскольку означал бы полную потерю государственного суверенитета.

Акт Люблинской унии, провозгласивший объединение народов двух стран в «единый», свершился. Теперь, с 1569 года, высшим органом государства Речь Посполитая становился общий сейм, собиравшийся только на территории Польши. На сейме избирался общий король польский и великий князь литовский. Полякам разрешалось приобретать земли на территории Княжества. Впрочем, в Литве сохранялся собственный административный аппарат, особое законодательство, суд, а также вооружённые силы. Таким образом, Польша отнюдь не поглощала Княжество, а вступала с ним в федеративные отношения. Вместе с тем более сильная экономически польская сторона постепенно перехватывала политическую инициативу в новой державе. В дальнейшем это вылилось в полонизацию господствующего феодального сословия Княжества, распространение в верхах польской идеологии, полное вытеснение белорусского языка из государственного делопроизводства и т. д. Уния спасла суверенитет Великого княжества Литовского в 1569 году, однако создала благоприятные условия для его последующего ослабления и «размывания».

---

[1] СИРИО. Т. XXXV. Ч.I. СПб., 1892. С.684, 686.

[2] Там же. С.693.

[3] Там же. С.697–698, 700–701.

[4] Там же. С.744–745.

[5] Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М., 1900. С.12.

[6] ПСРЛ. Т. XXXV. М., 1980. С.236.

[7] АОИЗР. Т.II. СПб., 1848. С.336–337.

[8] Ткачёв М.А. Замки Белоруссии. Мн., 1987. С.67.

[9] Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С.175.

[10] АОИЗР. Т.II. С.337–338.

[11] Акты ЮЗР. Т.I. СПб., 1863. С.198.

[12] АОИЗР. Т.II. С.337–338. Описание взятия Гомея сохранилось как в белорусско-литовских, так и русских по происхождению письменных источниках – Евреиновской летописи, Постниковском летописце и пр. (см. напр.: ПСРЛ. Т. XXXV. С.236; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С.175).

[13] Войско «добывало» Стародуб 4 недели. «В том городе стародубских людеи и з женами и з детми 24000, и все там погибли, много простых людеи и жен и детеи в полон к Литве отведено» (ПСРЛ. Т. XXXV. С.236.).

[14] АОИЗР. Т.II. С.336–337.

[15] АОИЗР. Т.I. СПб., 1863. С.198.

[16] АОИЗР. Т.I. С.198.

[17] Виноградов Л. Указ. соч. С.44.

[18] Там же. С.44.

[19] Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905. Приложение № 14.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Насевіч В.Л. Гарнастаі // ЭГБ. Т.2. Мн., 1994. С.487–488.

[23] Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т.XXX. Юрьев, 1914. Стб.771; Ткачёв М.А. Указ. соч. С.69.

[24] Виноградов Л. Указ. соч. С.14–15.

[25] А.К. Титовым опубликована личная печать старосты 1565 года, где он именуется Колепицким Васильевичем Тышкевичем, «старостой Гомейским и Шарашевским» (Цітоў А. Пячаткі Старажытнай Беларусі. Мн., 1993. С.71. № 84).

[26] Спиридонов М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). Мн., 1993. С. 45–46.

[27] АВАК. Т.XIII. Вильно, 1886. С.343–377; Спиридонов М.Ф. Гомельская волость в 1560 г. // Тез. докл. I-ой Гомельской обл. научн. конф. по историческому краеведению. Гомель, 1989. С.52–53.

[28] Соответственно современные населённые пункты: Романовичи Улуковского с/с; Добруш райцентр; Демьянки Вылевского с/с; Берёзки Круговского с/с; Тростин в Брянской обл. России; Корма центр с/с; Головинцы Улуковского с/с; Даниловичи центр с/с; Антоновка Носовичского с/с; Лагуны Носовичского с/с; Прибытки центр с/с; Марковичи центр с/с; Терешковичи центр с/с; Старые Дятловичи Дятловичского с/с; Уть центр с/с; Носовичи центр с/с; Старые Юрковичи в Брянской обл. России; Азаричи в Брянской обл. России; Бобовичи центр с/с; Урицкое центр с/с; Телеши центр с/с; Тереничи центр с/с; Бацунь Кривского с/с; Губичи центр с/с; Морозовичи центр с/с; Пиревичи центр с/с; Кошелёв центр с/с; Уваровичи центр п/с; Денисковичи в Брянской обл. России; Юрковичи Шерстинского с/с; Новосёлки Шерстинского с/с; Старое Село Хальчанского с/с. В составе районов Гомельской обл.: Гомельского – Романовичи, Головинцы, Прибытки, Марковичи, Терешковичи, Ст. Дятловичи, Бобовичи, Урицкое, Телеши, Тереничи; Добрушского Добруш, Демьянки, Берёзки, Корма, Антоновка, Лагуны, Уть, Носовичи; Ветковского Даниловичи, Юрковичи, Новосёлки, Старое Село; Буда-Кошелёвского – Бацунь, Губичи, Морозовичи, Кошелев, Уваровичи; Жлобинского – Пиревичи.

[29] Соответственно современные селения: Дуравичи центр с/с; Присно центр с/с; Шерстин центр с/с; Чеботовичи центр с/с; Засовье и Колькевичи – не локализованы; Чёрное Белоболотского с/с; Хальч центр с/с; Плёсы Поколюбичского с/с; Волотова – бывш. населённый пункт в черте Гомеля; Скепня Пиревичского с/с; Кузьминичи центр с/с; Вага в Брянской обл. России; Слобода – не локализована; Волозковичи - давно исчезнувшее село в черте Гомеля. В составе районов Гомельской обл.: Буда-Кошелёвского – Дуравичи, Чеботовичи; Речицкого – Чёрное; Гомельского – Плёсы, Севруки; Жлобинского – Скепня; Добрушского – Кузьминичи; Ветковского – Присно, Шерстин, Хальч. См. также: Гомель. Энциклопедический справочник. Мн., 1991. С.188.

[30] Спиридонов М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси. С.73, 205.

[31] АВАК. Т. XIII. С.348.

[32] Спиридонов М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси. С.77, 80; Гомель. Энциклопедический справочник. С.187–188.

[33] АВАК. Т. XIII. С.377.

[34] ЦГАМЛИ. Ф.6. Оп.1. Д.14; АОИЗР. Т.II. С.283–284.

[35] Вопросы, связанные с причинами и следствиями Люблинской унии, изучаются белорусскими учёными. См.: Нарысы. Ч. I. Мн., 1993. С.132–136.

НА ОКРАИНЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Зловещее столетие

Вступая в новый, XVII век, Речь Посполитая несла с собой тяжкую ношу глубокого экономического, финансового и сословно-общественного разлада. Разорённые Ливонской войной, доведённые до отчаяния феодальными поборами, белорусские крестьяне и мещане уже не только глухо роптали, но брались за вилы и топоры. Ситуация усугублялась тяжелейшими для населения последствиями стихийных бедствий. Так, летом 1592 года на востоке государства имели место невиданная буря и град. В окрестностях Гомеля, Стрешина, Рогачёва, Речицы, Кричева и прочих белорусских городов почти весь урожай хлеба погиб [1].

Осенью – зимой 1595 года юго-восточную Беларусь охватило мощное антифеодальное восстание, начавшееся на украинских землях в среде «казацкой вольницы». К отрядам казацкого предводителя Северина Наливайко, состоявшим вначале из казаков-украинцев, присоединились белорусские крестьяне, жители ряда городов Минского воеводства, а также малоземельная шляхта. Главный удар повстанцев был направлен против магнатов, а также католического духовенства. Феодальные усадьбы горели по всему восточному Полесью. Не без помощи горожан казацко-крестьянские отряды захватили Туров, Петриков и Речицу. Гомель также поддержал восстание и впустил казаков в город.

Оправившись от растерянности и военных неудач, великокняжеские войска и магнатские отряды сумели в начале 1596 года локализовать очаги восстания, расправиться с плохо организованными толпами «людей простого стана». Потеряв военную инициативу, весной 1596 года Наливайко увёл остатки своей казацкой армии на Волынь.

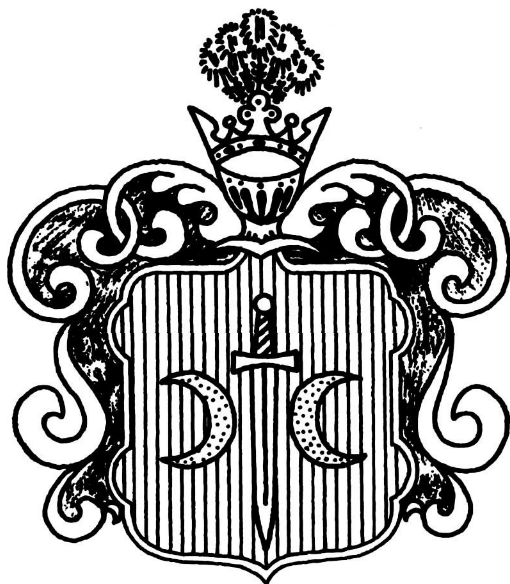
Столкнувшись с открытым вооружённым выступлением крестьян и городской бедноты, магнаты не вынесли из него должных уроков. Они не пошли на смягчение феодального гнёта. А потому простые белорусы по-прежнему снимались с обжитых мест и пробирались окольными путями на юг, пополняя в далёкой Запорожской Сечи ряды казачества. Новые бунты и походы против ненавистных панов были уже не за горами.

А тем временем правящие круги Великого княжества Литовского осуществили давно зревшие планы унии православной и католической церквей на территории Речи Посполитой. Следует вспомнить, что белорусские земли начали принимать христианство ещё в конце X столетия, когда церковь не была разделена на православную и католическую. Для Ватикана же и Польши уния была эффективным средством расширения своего влияния в белорусских и украинских землях. Поддержавшие унию православное духовенство и светские феодалы Княжества рассчитывали сгладить «острые углы» конфессиональной разобщённости внутри привилегированных слоёв белорусского общества, добиться полного уравнения в правах православной и католической шляхты. Однако значительная часть православного духовенства не приняла идею унии, опасаясь потери своего влияния и доходов. Широкие слои рядового («посполитого») населения (особенно в городах Восточной Беларуси) отнеслись к церковным нововведениям враждебно. Горожане держались за православную «старину», надеясь тем самым защитить свои социальные интересы.

Несмотря на неоднозначное отношение к «соединению церквей» различных групп белорусского общества, акт унии был подписан на Брестском церковном соборе 1596 года. Созданная на нём униатская церковь признавала духовное верховенство римского папы при сохранении старой обрядности по «греческому образцу». Принятая без одобрения широких слоёв белорусского и украинского народов, уния подталкивала людей к социальному протесту. Особенно активное противодействие ей оказывали горожане (мещанские выступления под антиуниатскими лозунгами имели место в первых десятилетиях XVII века) [2]. Тревожно было и в казацких гарнизонах, находившихся в восточнобелорусских городах. Ка-

заки волновались, выходили из-под контроля гетманской власти, занимались «свowоленством» (самовольным выездом на Украину и грабежами) [3]. Острое неприятие местного населения нередко вызывало назначение на должности старостдержавцев магнатов и крупных чиновников, которые стремились к закрытию православных приходов.

Особенно рьяно идеи унии претворял в жизнь полоцкий архиепископ Иосафат Кунцевич, попытавшийся, в частности, перевести в неё гомельскую соборную церковь святого Николая (1621 год). Подобные действия Кунцевича в Витебске привели к его гибели во время мещанского бунта в 1623 году. Попытка навязать унию всему белорусскому народу закончилась провалом: к 1630-м годам правящие круги ВКЛ, поражённые размахом мещанских выступлений, а также прислушавшиеся к жалобам православной шляхты [4], приняли меры по ослаблению нажима на православную церковь. Однако некоторые представители власти на местах, в частности, гомельские старосты **Александр и Зыгмунт Служки**, допускали преследования по религиозным мотивам (1630-е годы).

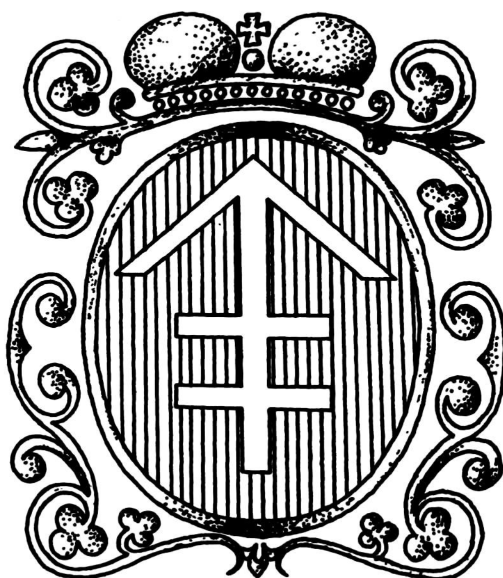
«Астоя» – родовой герб Служек

Как и ранее, к внутренним проблемам Гомеля в начале XVII столетия добавлялись немалые тревоги и опасности, исходившие от восточного соседа и украинского казачества. В 1609–18 годах Речь Посполитая вела войну с Россией за возвращение Смоленской земли. В 1614–15 годах в Гомеле ожидали нападения русских войск. Замковый гарнизон состоял из 40 казаков и 40 солдат, поддерживаемых городским ополчением. Но боевых действий тогда не последовало.

Очередная война России с Речью Посполитой началась в 1632 году. Теперь уже московская сторона надеялась вернуть Смоленскую и Чернигово-Северскую земли. Воспользовавшись смертью короля Жигимонта III Вазы (1632), царь Михаил Фёдорович направил под Смоленск 40-тысячное войско. Осенью 1632 года его армия заняла Себеж, Рославль, Трубчевск, Новгород-Северский и другие города, в 1633-м – Друю, Полоцк, Пропойск. В том же году к стенам Гомеля подошли украинские казацкие сотни Богдана Булгакова и Ивана Ермолина. Их попытки овладеть городом не увенчались успехом (ожидая нападения, король Владислав IV заранее отремонтировал замок) [5]. Встретив решительное сопротивление на белорусских землях, Москва пошла на заключение Поляновского мира 1634 года.

Положение белорусского крестьянства и беднейшего мещанства в 30–40-х годах XVII века продолжало ухудшаться. Задавленные налогами, разорённые постоями вооружённых отрядов, униженные и бесправные, они жаждали отмщения. Наиболее отчаянные же бежали в Сечь и приграничные московские города [6].

Социальный взрыв на Беларуси подтолкнуло начало крупного восстания на Украине (1648 год), которое возглавил Богдан Хмельницкий. Положение украинского народа в это время было, пожалуй, ещё более тяжелым, нежели белорусского. К социальному и религиозному гнёту здесь добавлялось и прямое национальное притеснение (Украина, в отличие от Беларуси, с 1569 года являлась частью польской Короны). Поэтому народное движение на Украине имело характер не только антифеодальной, гражданской войны (как на Беларуси), но и национально-освободительной.

«Лис» – родовой герб Сапегов

Такого размаха и ожесточения, которые приняла эта борьба (а она продолжалась до 1651 года), не знало ни одно социальное движение на белорусских землях. В лобовом ударе сошлись две крупные силы, насчитывавшие десятки тысяч человек с двух сторон: казацко-крестьянские отряды, рядовые мещане, часть православной шляхты и противостоявшие им великокняжеские и магнатские войска. Никому не было пощады в этой страшной схватке – повстанцы поставили цель полностью вырезать всех крупных землевладельцев, независимо от их национальности, изгнать католиков и ликвидировать церковную унию, а феодалы – уничтожить под корень казацкую вольницу и примкнувших к ней «хлопов». Гражданская война унесла жизни многих тысяч белорусов, украинцев, поляков и евреев. На юге и востоке Беларуси не осталось ни одной волости, местечка и города, где не лилась бы кровь, а павших оплакивали по всем уголкам Речи Посполитой. И в который уже раз Гомель оказался в самом центре этих страшных событий...

В конце весны – начале лета Б. Хмельницкий посылает надёжных («пилних и справних») казаков белорусского происхождения («с людми тамошними добре знаючихся») по всей Северной Украине и Белой Руси («до Чернигова, Стародуба, Гомля и за Днепр аж до Борисова и далей, до Бихова теж, Могилёва и далей»). Лазутчики распространяют его грамоты-универсалы с призывами к вооружённой борьбе против феодалов. Вслед за лазутчиками-пропагандистами сюда движутся присланные из-под Корсуня и Белой Церкви отряды казаков. Воззвания казацкого предводителя и действия его вооружённых отрядов зажигают порох ненависти: нападения местных «посполитых» людей на шляхтичей, их убийства, грабежи, сожжения и разорения панских имений становятся делом обычным. «Многие люди своевольные и пашенные мужики, побив панов своих в их маётности», ограбив «по дорогам ляхов и жидов», бегут к Хмельницкому и его полковникам [7]. Зловещие слухи о зверствах бунтовщиков распространяются по всему Белорусскому Поднепровью. 30 мая путивльский воевода Плещеев сообщает в Москву: «А которые де, государь, литовские городы по сю сторону (т. е. по левый берег.– О.М.) Днепра, и ис тех де, государь, литовских городов из всех паны, и державцы, и урядники, и ляхи, и жиды все выбежали з женами и з детьми за Днепр в королевские городы, а остались де в тех литовских городех одне мещане и пашенные мужики» [8]. Армия запорожского гетмана стремительно растёт за счёт выходцев со всех уголков Украины и Беларуси. Только в период с 9 мая по 26 июня его войско, стоявшее большим лагерем под Белой Церковью, вырастает с 19-ти до 41–42 тысяч человек [9]. А в Беларуси восстание охватывает районы Лоева, Брагина, Мозыря, Турова, Пинска, Чечерска, Речицы, Кобрина.

В мае 1648 года Хмельницкий нанёс крупное поражение королевскому войску на Украине под Жёлтыми Водами, а в сентябре – под Пилявцами. К осени – зиме казацкими отрядами были взяты Чечерск, Речица, Горволь, Брагин, Лоев, Туров, Бобруйск, а также целый ряд городов, замков и местечек по всему югу и востоку Беларуси. Известно, что казаки воевали отважно, но при этом творили жестокие злодеяния: вырезали шляхту и евреев, «не щадячи а не жон и детей их»,

грабили имущество, сжигали костёлы, убивали католических священников. Очевидец тех событий писал: «Редкий в той креве на тот час рук своих не умочил и того грабления тих добр не чинил» [10]. Почти повсеместно казакам содействовали сами местные жители. Людям состоятельным была тогда «туга великая» от «посполитых людей». Но хуже всего приходилось евреям, многие из которых, «боячися смерти, христианскую веру приняли» [11]. В июле 1648 года греческий купец, приехавший в Россию из Литвы, рассказывал, что «жидов де всех черкасы (казаки.– О.М.) побили, нигде мытчиков никаких и жидов не оставили» [12].

В своём донесении в Москву севский воевода сообщал царю: «белорусцы де ... всякие чёрные люди всех городов и уездов, которые городы за казаками, стоят против поляков с казаками заодно» [13]. Так было и в Гомеле. В октябре месяце казаки полковника Войска Запорожского **Я. Головацкого** (бывшего драгуна в хоругви военачальника Речи Посполитой М. Собеского) и толпы местных крестьян, не утруждая себя осадой, заняли город, вырезали евреев и шляхту. Рядовые же мещане и крестьяне, подобно мозырянам, туровцам, речичанам и прочим, «все показачились и поклялись друг другу защищаться до последнего» [14]. Вскоре, однако, Головацкий был отозван на Украину.

В декабре 1648 года на Гомель, Быхов и Кричев Хмельницкий направляет из Новгород-Северского 300 казаков Б. Щебоченко и из Мены 600 – полковника Шеболтосная. Но и это войско было вскоре отозвано ввиду перемирия [15].

В конце этого и начале следующего, 1649-го, года войско ВКЛ, пополненное свежими шляхетскими силами, наёмниками и насчитывавшее до 12–14 тысяч человек, начало контрнаступление на юге и востоке Беларуси. Армию возглавил гетман **Януш Радзивилл**, а крупными соединениями командовали Пац, Волович, Мирский и Горский. В первой половине 1649 года большинство восставших городов было взято штурмами, а их население – подвергнуто жестоким казням и экзекуциям [16]. Зимой Радзивилл занял Брест, Мозырь, Туров, Речицу. Обеспокоенный таким поворотом событий, Хмельницкий послал на Беларусь новые казацкие загоны (отряды). Весной в Гомель, опять-таки при содействии

мещан, вступили отряды черниговского полковника Мартына Небабы, включавшие 2500 казаков. Небаба учинил в городе страшную резню: убил множество шляхтичей и евреев. Один из пленных казаков был доставлен солдатами Радзивилла в Речицу, где показывал: «что хотя Хмельницкий и хотел бы помириться, но не может, ибо чернь так разъярена, что решилась или уничтожить шляхту, или погибнуть». Бои между повстанцами и отрядами Паца и Воловича в окрестностях Гомеля шли несколько месяцев.

В начале лета Радзивилл взял Чечерск. По его приказанию у пленных казаков, «выбрав полтораста человек, отсекли правые руки по запястья, а 50 де человек на колья посажали, а достольных де казаков и их жон и детей порубили всех». Захвачен был и Лоев, где также всех казаков с семьями вырезали. После этого армия Радзивилла пыталась закрепиться на левом берегу Днепра и двинулась на Гомель, «но казаки де их, ляхов, что пришли от литовского повету на сю сторону Днепра», не пропустили [17].

31 июля 1649 года под Лоевом произошла самая крупная за всё время гражданской войны битва, в которой Я. Радзивилл разгромил основные казацкие силы – 30-тысячную армию Михаила Кричевского. Шляхта и наёмники осадили, взяли и сожгли Гомель, перебив значительную часть его жителей [18]. Восстание на время было подавлено.

В августе того же года Запорожская Сечь и Речь Посполитая подписывают Зборовское перемирие, которое используется ими для дальнейших военных приготовлений. Б. Хмельницкий спешно подтягивает к границам белорусских поветов свежие воинские силы. Близ Чернигова размещаются полк Небабы, нежинский и киевский полки, татарские части – всего на апрель 1651 года здесь было около 50 тысяч человек [19]. В мае боевые действия возобновляются и на Украине, и на юге Беларуси. Несколько казацких отрядов направляются в окрестности Кричева, Мстиславля, Рославля, Лоева. В июне по приказу Хмельницкого Небаба посылает к Гомелю полковников Забелу и Окшу с 7 тысячами казаков. Позднее к ним присоединяются ещё 10 тысяч, в т. ч. 3 тысячи пехотинцев. Небаба, жаждущий мести, так напутствует своё воинство: «Идите, молодцы, к своим родным и всех мещан-

ляхов в Гомеле под корень рубите, ни одного в живых не оставляйте. Город сожгите, а потом в Быхов идите, его берите... Если до трёх раз Гомеля не возьмёте, тогда ко мне за оружием быстрее присылайте»[20].

На сей раз город, заново укреплённый и пополненный вооружениями, встречал казаков не открытыми воротами, а пушечными залпами. Гомель защищал большой наёмный гарнизон под командованием капитана Монтгомори и местное шляхетско-мещанское ополчение. 13 июня казаки и примкнувшие к ним крестьяне подошли к городу. Они начали подводить под паркан городских укреплений земляные шанцы. Часть казаков направилась в окрестные селения для грабежа шляхты и установки дозоров. В ночь с 14 на 15 июня осаждавшие подошли под самую стену. При этом они пытались заткнуть нижний ряд бойниц, «чтоб пехота не могла мушкеты высовывать, а если где-нибудь осталась бойница, то как только появлялся мушкет, ударяли обухом по концу ствола, сразу же выбивая его из рук»[21]. Затем последовал общий штурм города со всех сторон, особенно сильный в районе Пречистенской церкви, где крепостная стена была слабее, т. к. многие её брёвна подгнили. В одном месте атакующим даже удалось взобраться на стену, и там произошла жаркая рукопашная схватка. Однако приступ был отбит.

Во время осады 7 гомелян, спустившись с крепостной стены, перебежали в лагерь казаков и передали им важные сведения о гарнизоне. Как сообщал гетман Радзивилл Яну Казимиру, обнаружив измену, гарнизон вырезал всех мещан, находившихся в городе[22].

Казаки послали в Чернигов за помощью. Одновременно они попытались выманить защитников из города, разыграв на виду у них сцену боя с якобы подоспевшими на выручку Гомелю королевскими войсками. Однако Монтгомори разгадал эту хитрость, и ни один солдат из городских ворот не вышел. После этого казаки два дня сооружали 14 деревянных «гуляй-городов» (передвижных укреплений из щитов с бойницами) и, замаскировав их ветками, начали повторный приступ. С наступлением ночи 4 «гуляй-города» подкатили к Чечерской браме, а 3 – к мосту через оборонительный ров. Однако защитники открыли яростный огонь с замковых

стен и брамы из пушек и мушкетов, так что казакам пришлось бросить «гуляй-города» и отступить. Той же ночью казаки полковников Поповича и Литвиненко ещё раз 15 ходили на штурм, но всё безрезультатно: замковый пушкарь удачно обстреливал их из пушки и гаковниц.

Наконец, 9 июля казаки получили письмо М. Небабы с требованием «днём и ночью возвращаться назад», и осада была снята. Несколько позже они вновь появились под городом, но гарнизон уже получил подкрепление в 1500 человек, и Гомель устоял [23].

«Южнобелорусская» кампания 1651 года закончилась для Б. Хмельницкого неудачно. В лютой битве под Лоевом пехота и конница Радзивилла вновь разгромили основные казацкие соединения, Небаба и несколько тысяч его сподвижников погибли. Ещё более тяжёлым стало положение казацкого движения после поражения под Берестечком. В соответствии с Белоцерковским соглашением от 18 сентября 1651 года все казацкие отряды из Беларуси были выведены. К осени шляхетским частям удалось полностью задушить все очаги крестьянско-мещанских выступлений.

С восстанием было покончено. Его итог оказался трагическим: тысячи пепелищ, сотни разорённых сёл и посадов, остовы сгоревших замков и разграбленных храмов. А кругом – могилы, могилы, могилы... Но передышки несчастному народу не было: в 1654 году начинается невиданная по своей ожесточённости и многотысячным жертвам война Речи Посполитой с Российским государством.

Царское правительство внимательно следило за ходом крестьянско-мещанских выступлений и казацких походов 1648–51 годов, тайно и явно помогало Б. Хмельницкому, собирало необходимые стратегические данные о порубежных белорусских замках, изучало настроения населения западного соседа – одним словом, вело активную подготовку к предстоящей войне. Последняя мыслилась логическим продолжением антифеодальных выступлений подданных Речи Посполитой и была хорошо подготовлена идеологически: Москва выступала в роли защитницы интересов православного населения Беларуси и Украины (весной 1654 года царь сообщал королю «о своих кривдах и о наступлению на пра-

вославную веру, уводячи римскою, а наибарзий унеею стисненних христиан» в королевстве)[24]. Царь Алексей Михайлович изучил внутриполитические просчёты руководства Речи Посполитой. Он обещал белорусской шляхте и духовенству подтверждение владельческих прав, сохранение прежних привилегий и даже пожалование новых. Горожанам гарантировалось уважение их вольностей, а крестьянам – неприкосновенность во время предстоящего похода царских войск. Часть шляхты была готова перейти под руку российского государя, ибо не видела возможности противостоять его армии и надеялась, что он-то, Алексей Михайлович, уж сумеет оборонить её от разбушевавшейся «черни». Простолюдины же верили, что переход в российское подданство защитит их от непомерных налогов, шляхетского разбоя и насильственного перехода в католическую веру[25].

Итак, значительная часть белорусского населения поддержала замыслы царя, а потому вторжение его войск в пределы Беларуси, начавшееся в конце мая 1654 года, было стремительным. Ещё в январе, согласно решению Переяславльской рады, Б. Хмельницкий отдал Восточную Украину под российский скипетр, поэтому и его действия направлялись русским главнокомандованием. С юга ударило Северское запорожское войско (нежинский, стародубский, черниговский и другие полки – всего 8). Этот поход, в котором участвовало около 20 тысяч пеших и конных казаков, возглавил нежинский полковник **Иван Никифорович Золотаренко**, шурин Хмельницкого, которому последний «наказное гетманство вручил»[26]. Активно участвуя в кампании русской армии, казацкие руководители надеялись на присоединение юго-восточной Беларуси к Украине и установление здесь полкового административно-территориального управления.

В 1654 году российскими и казацкими войсками были заняты Могилёв, Чаусы, Кричев, Полоцк, Орша, Новый Быхов, Мстиславль, Витебск, Шклов, Пропойск и многие другие белорусские города и волости. Там, где имелись сильные укрепления и хорошо обученные гарнизоны, им оказывалось упорное сопротивление. Среди таких городов-замков был и Гомель.

За три года мирной передышки городские и замковые укрепления Гомеля были отремонтированы. К марту 1654 года гарнизон насчитывал 700 человек пехоты, а к лету был увеличен до 2000, главным образом, за счёт наёмных немцев и венгров. Здесь же дислоцировались рота татар и местное ополчение. В городе находился староста Рудский, гарнизон возглавляли хорунжий князь Жижемский и полковник Бобровницкий, немцами командовал Михаил Сверской.

На Гомель войско Золотаренко двинулось в июне из Новгород-Северского через Стародуб. 29 июня наказной гетман сообщал Алексею Михайловичу в Москву, что Гомель «есть всем местам граничным литовским головою... место велми оборонное, людей служилых не мало, снарядов и порохов много». Но и казацкий предводитель «армат узял из собою немало». Ещё 20 июня казаки подошли к стенам Гомеля, стали вокруг него «табором» и без особого труда преодолели городские укрепления. С замком дело обстояло значительно сложнее.

Вокруг крепости, по соседним холмам и городским улицам были расставлены пушки. Казаки начали осаду, «промышляя всеми промыслы ратными». Через день к ним прискакал представитель российского командования казанский наместник князь Александр Никитич Трубецкой, который, предвидя немалые потери, не велел пока штурмовать замок. Тогда Золотаренко начал донимать «неприятелей и супостат... в Гомле обретающихся», голодом, безводьем и артиллерийским обстрелом. Несколько раз ему уже казалось, что гарнизон вот-вот дрогнет, и тогда казаки, не внемля приказу, бросались на штурм (до 11 июля они ходили на приступ 4 раза), но всё безрезультатно.

А пока ратные дела Золотаренко шли не столь удачно, как ему хотелось, распорядился он части своего войска идти «добывать под мечь» Речицу, Жлобин, Горволь, Стрешин и Рогачёв, чьи замки «чинили» казакам прежде много «шкоды». До середины июля все они были сожжены, но осада Гомеля продолжалась.

Понимая, что гомеляне своим упорством «всей Литве и войскам их сердца и смелости додадут», посылал гетман именем царя и Хмельницкого в замок письма, призывая оса-

ждённых сдаться, но те, показывая «силу и упор, гордыню и злобу древнюю», «гордо и сурово» отказывались и «песиими губами своими нарушали достоинство» царского величества. Но бранные слова подкреплялись и внезапными вылазками из замка, во время одной из которых был убит черниговский полковник Степан Подобайло.

14 июля посмотреть за ходом осады приезжал царский подьячий Яков Портомоин. Он же передал Золотаренко грамоту с перечислением успехов московского оружия. А 26 июля прискакали от Алексея Михайловича гонцы Иван Кровков, Григорий Куракин и Ларион Алексеев с приказом снять осаду и двигаться на помощь русской армии под Могилев. Но казацкий предводитель упорствовал, поскольку опасался, что «те же неприятели... выпадши из тое ямы разбойническия, с того голоду, как есмя их принудили и из пушек надбили», пойдя в казацкие области, жен и детей казацких «живых пускать не будут» и города «украинные испустошат». Предвкушая скорую победу, отправил Золотаренко от себя в начале августа только тысячу казаков со своим братом нежинским полковником Василием, судьёй Иваном Нестеренко и борзенским сотником Петром Забело. Уже 8 августа, соединившись с московскими войсками в районе Чаус, этот отряд нанёс поражение частям Речи Посполитой [27].

А тем временем гетману доносили, что осаждённые в Гомеле изнывают от голода, что в замке де съедены даже кошки и собаки. Золотаренко приказал стрелять по крепости раскалёнными ядрами, вызвавшими большой пожар. Обнаружен был тайный подземный ход к воде, который тут же взорвали. Это обстоятельство предрешило падение замка. 13 августа гарнизон сдался, «гомляне, полковники, ротмистры и со всеми своими людьми покорилися». Золотаренко предложил им принести присягу на верность Алексею Михайловичу, что те и сделали. Часть побеждённых записали в казацкое войско, других пленили и отправили вместе с трофейными знамёнами к царю [28], а иных отпустили. Резни на сей раз не было. Рудский и Жижемский даже сопровождали потом Золотаренко в его походе на Чечерск, но, улучив момент, бежали к своим в Быхов. Обрадованный успехами наказного гетмана, государь пожаловал казаков памятными золотыми медалями-«копейками» [29].

После захвата Гомеля И. Золотаренко взял Чечерск, Пропойск, Новый Быхов и погиб под стенами Старого Быхова от пули, выпущенной из мушкета защитником замка (1655год) [30]. На несколько лет Гомель остался во власти казаков.

Война продолжалась, причём с явным преимуществом московской стороны. Уже в 1654 году московские войска заняли почти всю Восточную Беларусь. Вместе с тем, испытав на себе необузданный характер казачества, которое не раз «чинило» грабежи, убийства и насилия, белорусское население начало терять веру в «царя-освободителя». Уже далеко не везде российские воеводы встречали помощь крестьян и горожан, всё сложнее приходилось им «добывать замков литовских», подвозить снаряжение и находить продовольствие. В ряде мест «чёрные люди», изменив «крестное целование» государю, поднимались на вооружённую борьбу с царскими властями, создавая партизанские отряды «шишей».

Осенью 1654 года большая часть московского войска была отведена на зимние квартиры. Этим воспользовалась армия Великого княжества Литовского, которая зимой 1654–55 годов нанесла ощутимые контрудары и отвоевала Борисов, Бобруйск, Оршу и ряд других городов, расположенных к западу от Днепра. Но и великокняжеские солдаты вели себя на вновь отвоёванной территории подобно иноземным захватчикам: население городов, местечек и сёл, ранее присягнувшее царю, безжалостно вырезалось, а сами населённые пункты – сжигались дотла. Так, жлобинский войт писал в Могилёв, что «польское войско как могло, наипаче же, укрепя великие загоны, нашествия мучительские чинят людем, рубят городы и деревни от основания искореняют» [31]. Попытки захватить Новый Быхов и Могилёв, несмотря на ожесточённые бои, успехом не увенчались. Уже к началу лета российская армия и казаки И. Золотаренко вновь отбросили «людей литовских» далеко на запад от Днепра. И вновь горят города, местечки, сёла, совершаются чудовищные преступления. Особенные злодейства творили некоторые казацкие отряды. 17 июля 1655 года Алексей Михайлович писал наказному гетману: «... твоего полку казаки места, и села, и деревни жгут, и женский пол и девиц и малых робят секут и побивают до смерти. И тебе б своего полку казакам учинить заказ

крепкой, под смертной казнью, чтоб мест и сел и деревень не жгли и не пустошили, для того, что нам великому государю, нашего царского величества ратми в здешних краях зимовать, а также и крестьян, которые нашим царского величества ратным людем не противны, не побивали до смерти, и женского полу и девиц и малых робят нигде не секли и не побивали до смерти»[32].

В ходе кампании 1655 года почти вся Беларусь, в т. ч. и Вильно, оказалась во власти российского самодержца. Белорусское общество разделилось на три группы. Многие шляхтичи, представители духовенства, мещане и крестьяне присягнули царю и остались при прежних вольностях и правах, другие – отказались «целовать крест» и выжидали, третьи – создавали антироссийские шляхетские ополчения. К третьей группе, с оружием в руках выступившей против новой власти, примкнули отряды казаков-мятежников. Беларусь вновь втягивалась в кровавую братоубийственную гражданскую войну.

Борьба на занятой российскими войсками белорусской территории резко обостряется в 1656 году, когда назначенный вместо погибшего И. Золотаренко новый предводитель казацкого войска на Беларуси чаусский полковник Иван Нечай начал обнаруживать «враждебные замыслы» против Алексея Михайловича. Ещё в мае до царя дошли известия, что Нечай, не испросив разрешения его царского величества, присвоил себе титул «полковника белорусского, могилевского и гомельского»[33].

События ускорила смерть в августе 1657 года верного царю Б. Хмельницкого. По его завещанию гетманская булава перешла к сыну покойного Юрию. Новому же гетману тогда было всего 16 лет. Ситуацией воспользовалась пропольски настроенная группировка казацкой старшины, которая привела к власти своего ставленника Ивана Выговского. Новый гетман вскоре организовал антицарский заговор. Одна из главных ролей в действиях «бунтовщиков» отводилась белорусским казацким частям Нечая. «Изменники» скоординировали свои планы с королевской армией и в 1658 году начали оказывать вооружённое сопротивление российским войскам[34].

Значительная часть белорусского населения понадеялась на то, что Нечай защитит её как от магнатов, так и от алчных царских наместников и поддержала власть «воровских» казаков. Под их знамёна становились селения и целые волости, к ним перебегали изменившие российской присяге шляхтичи. Гомель наверняка бы оказался под властью «бунтовавшей партии», если бы не оставшиеся верными царю черниговский полк и другие казацкие части. К 1659 году, несмотря на гибель «изменника» в Быхове, значительная часть Беларуси уже была захвачена сторонниками Нечая, а их война с промосковски настроенной частью населения и государевыми «людьми ратными» продолжалась до 1661 года.

Казацкое восстание, внешнеполитические поражения России, её экономические затруднения позволили армии Речи Посполитой начать в конце 1658 года медленное продвижение на восток и освобождение Беларуси. Алексей Михайлович жалует Гомель «с волостью и с уездом и с землями и со всякими угодьи к нему належачими и доходы» за великие ратные заслуги брату покойного И. Золотаренко Василию, «его детем и наследником» (31 марта 1661 года)[35]. Последнему, однако, так и не удалось насладиться доходами от нового имения, ибо власть в Гомеле захватил «воровской» казак **Андрей Денисович Мурашка**, бывший конотопский полковник, воодушевлённый опытом Нечая.

К изумлению промосковского казачества и российской стороны, воспользовавшись полной неразберихой и отсутствием твёрдой власти на юго-востоке Беларуси, Мурашка сумел (не без поддержки таких же отчаянных казаков и при содействии Речи Посполитой) продержаться в Гомеле вплоть до 1672 года. Сидя в кресле правителя, Мурашка быстро вкусил все прелести «вольной» власти. Однако разорённые войной и казацкими постоями гомеляне уже не могли содержать ни нового господина, ни разношёрстную ватагу его соратников. А потому Мурашка начинает совершать разбойничьи «наезды» в ближайшие области казацкого войска – на Черниговщину, Новгород-Северщину и Стародубщину.

В феврале 1663 года Мурашка напал на окрестности Севска, но встретил решительный отпор «обворованного» В. Золотаренко и других казацких предводителей. Зимой

следующего года он грабил и жёг сёла около Новгород-Северского, а осенью 1665 года – появился близ Стародуба. По пути назад его настиг Дёмка Многогрешный (Демьян Игнатович) – казацкий полковник. Он сильно «побил» сопровождавших «изменника» людей. Раненый Мурашка чудом добрался до Гомельского замка[36].

Украинское казачество, верное царской присяге, решило раз и навсегда покончить с «злохитренным волком» Мурашкой. Весной 1666 года запорожский гетман Иван Брюховецкий послал на осаду Гомеля черниговского полковника Д. Игнатовича, стародубского Леско (Александра) Острянина, нежинского Матвея Винтовку, браславского Дмитрашку (Дмитрия) Райча и сборные казацкие сотни. Огромное войско окружило город и подвело под его стены шанцы[37]. Российский царь договорился с королём о перемирии и послал под Гомель письмо «о задержании войны». Но казаки арестовали посланцев и не выполнили приказа. Мурашка направил к ним двух своих товарищей, Черняка и Норматовича вместе с гомельским протопопом, ради «досмотру и отобрания» тех «перемирных листов», но казаки задержали и мурашкиных парламентёров[38].

Московские власти, взявшие всерьёз курс на примирение с Речью Посполитой, были крайне обеспокоены казацкой активностью и запретили Брюховецкому штурмовать Гомель. Потребовалось несколько царских указов, чтобы вывести непокорных казаков из-под стен города. Как только казаки сняли осаду, Мурашка вновь совершил «волчным обычаем» набеги в окрестности Стародуба и Новгород-Северского (январь 1667 года)[39]. А некоторые гомеляне тем временем не раз «со слезами просили милости у великого государя и к гетману посылали, чтобы великий государь указал Гомель и их всех принять под свою царского величества великодержавную руку и вечное подданство». В 1672 году аналогичное предложение давал и новый гетман, уже известный Демьян Игнатович, но из Москвы писали, что взятие казаками Гомеля противоречит условиям Андрусовского перемирия с Речью Посполитой.

В том же году, когда королевские власти начали наводить порядок на восточных рубежах обессиленного войной

государства, Мурашка, очевидно, опасаясь ответственности и суда, перебежал к царю, покаялся и присягнул ему на верность. После того он был направлен на южные рубежи Российской державы (в Ладыжин) для участия в войне с турками, где перешёл на сторону последних и бесславно закончил свою беспокойную жизнь (1674 год)[40].

Ещё в 1664 году король Ян Казимир, видя, до какого «опустошения и разорения неоднократного от вероломного неприятеля московского и казаков своевольных», бедности и упадка дошли гомеляне, отмечая их «отважные заслуги и сохранение веры», решил освободить их на 4 года от всех налогов[41]. В 1667 году после заключения Андрусовского перемирия верховная власть назначила гомельским старостой **М.К. Радзивилла.** Приняв под свою господарскую руку вновь возвращённый город, король М. Корибут-Вишневецкий дал ему и грамоту на беспошлинный провоз товаров (1670 год)[42]. Эти мероприятия должны были способствовать быстрому восстановлению разрушенного войной хозяйства, полностью нейтрализовать «проказацкие» настроения среди гомелян. Это было тем более важно, поскольку пограничные «неприятности» продолжались. Так, в 1684 году, при казацком запорожском гетмане Иване Самойловиче, гомельские и смежных волостей сёла по левому берегу Сожа («от Гомля до самого Рославля») вновь «показачились» и перешли под управление стародубской казацкой администрации[43].

Зловещее XVII столетие завершилось для Гомеля полной экономической разрухой и невиданным обнищанием населения. В новый век город уносил и неразрешённые социально-конфессиональные проблемы.

---

[1] ПСРЛ. Т. XXXII. М., 1975. С.182.

[2] Нарысы. Ч.I. Мн., 1994. С.176–178.

[3] ПСРЛ. Т. XXXII. С.186–187, 189.

[4] Белоруссия в эпоху феодализма. Т. II. Мн., 1960. С.393–402.

[5] Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М., 1900. С.44. Прим.31; Ткачёв М.А. Замки Белоруссии. Мн., 1987. С.69.

[6] Так, в 1638 году «февраля в 15 день перешли... из литовской стороны Микитка Васильев, Адамка Павлов. ... Одамка в роспросе сказался Гомельского уезду, живал в селе Копелеве, а послужил де в черкаских городках у казаков в товарыщах в казацких» (Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трёх томах. Т. I. М., 1954. № 113. С.188).

[7] Акты ЮЗР. Т.III. СПб., 1862. С.283–284; Воссоединение Украины с Россией. Т.II. М., 1954. С.24.

[8] Воссоединение Украины с Россией. Т.II. С.24.

[9] Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в., составленная Самоилом Величко, изданная Киевской временной комиссией для разбора древних актов. Т.I. Ч. I. Киев, 1848. С.90–92.

[10] Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трёх малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878. С.13.

[11] Там же. С.13.

[12] Акты ЮЗР. Т.III. С.236.

[13] Воссоединение Украины с Россией. Т.II. С.217–218.

[14] Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1965. С.104–105. Некоторые источники сообщают об убийстве повстанцами в Гомеле около 600 шляхтичей (Гомель. Энциклопедический справочник. Мн., 1991. С.339).

[15] Акты ЮЗР. Т.VIII. СПб., 1875. С.283.

[16] Белоруссия в эпоху феодализма. Т. II. С.38. № 13.

[17] Воссоединение Украины с Россией. Т.II. № 93. С.214.

[18] Гомель. Энциклопедический справочник. С.339.

[19] Белоруссия в эпоху феодализма. Т. II. С.55.

[20] Документы об освободительной войне. С.518–520.

[21] Там же. С.518–520.

[22] Там же. С.457–458.

[23] Там же. С. 457–458, 518–520.

[24] Летопись Самовидца. С.36.

[25] Нарысы. Ч. I. С.208–209.

[26] Летопись Самовидца. С.37.

[27] Акты ЮЗР. Т.XIV. СПб., 1889. С.213–216.

[28] Белоруссия в эпоху феодализма. Т. II. С.87.

[29] При описании гомельской осады использованы также письма И. Золотаренко (Акты ЮЗР. Т.XIV. С.129–132, 135–138, 139–144) и др.

[30] Летопись Самовидца. С.40–41.

[31] Белоруссия в эпоху феодализма. Т. II. С.92.

[32] Акты ЮЗР. Т.XIV. С.753–754.

[33] Акты ЮЗР. Т.III. С.519–525.

[34] Белоруссия в эпоху феодализма. Т. II. С.161–163.

[35] Акты ЮЗР. Т.V. СПб., 1867. № 10.

[36] Там же. № 87, 127; Акты ЮЗР. Т.VI. СПб., 1869. № 43, 45.

[37] Акты ЮЗР. Т.VI. С.105–107,119–120, 125, 136.

[38] Там же. С.119–120.

[39] Там же. С.159, 163.

[40] Акты ЮЗР. Т.XII. СПб., 1882. С.7–11.

[41] Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т.XXXIV. Вильна, 1909.С.323.

[42] Привилегия действовала только год, поскольку была принята без «общего согласия государственных сословий» (Виноградов Л. Указ.соч. С.21).

[43] Летопись Самовидца. С.162, 287.

Конец истории Старого города

В последние десятилетия XVII века трудами крестьян и мещан Гомель медленно залечивал глубокие раны, нанесённые страшной войной. К 1699 году его экономическое положение поправилось настолько, что он даже смог, помимо прочего, содержать (по 25 злотых в год) вновь учреждённую Августом II королевскую почтовую службу [1]. Однако и эта передышка длилась недолго – разорительная Северная война России и Речи Посполитой со Швецией (1700–1721 годы) вновь поглотила плоды созидательной работы. На сей раз город и окрестности, к счастью, оказались в стороне от театра боевых дейст-

вий, но немалым бедствием для них были чрезвычайные военные налоги и армейские постои. В мае 1706 года в Гомеле квартировали части петровской армии под началом А.Д. Меньшикова, российские же войска проходили через город три года спустя после разгрома шведов у Лесной [2].

Война всегда несла народу неизмеримые страдания и жертвы, но для истории XVIII века не меньшей бедой был глубочайший раскол общества по социально-религиозной принадлежности, унаследованный от предыдущего столетия. Его причины – усиление эксплуатации простого люда, дальнейшая «шляхетизация» Великого княжества Литовского (ускоренная мощным прессом польского влияния) и, в немалой степени, близорукая конфессиональная политика правящих верхов Речи Посполитой. Во второй половине XVII–XVIII столетиях идёт интеграция польской, белорусской и литовской по происхождению шляхты, формируется единое феодальное сословие, имеющее признаки этнической общности – «польский народ шляхетский», который обладает едиными правами, привилегиями, политической идеологией, наконец, единым языком (польским) и верой (католической). Ополячивание белорусских феодалов приводит к тому, что местному крестьянину и мещанину (униатскому и, особенно в Восточной Беларуси, православному по вере) уже противостоит не только эксплуататор, но и «лях» – представитель иной культуры, и, по сути, другого народа [3]. Поэтому не случайно первая половина и середина XVIII столетия проходят в Гомеле под знаком напряжённого социального противоборства, принимавшего конфессиональную окраску.

Попытки навязать гомелянам унию в XVII веке были безуспешны и, в конце концов, утонули в реках крови православных, католиков и униатов в период гражданской войны 1648–51 годов. Однако в первые десятилетия XVIII столетия гомельские власти при поддержке католического духовенства начинают новое наступление на упрямую православную «чернь». Стараниями рьяной католички, второй жены старосты **Фомы Красинского** Елены Грохольской у православных отобрали Николаевскую замковую церковь и передали её униатам. Жалобы на этот произвол королевским властям никаких последствий не имели. Более того, местный ксёндз сорвал попытку строительства в городе новой каменной церкви.

Белорусские православные иерархи, видя катастрофическое положение своей церкви по всей Литве, потерю доходов и бедствия паствы, обращались за поддержкой к самодержцу Петру I. Россия, демонстрирующая «обеспокоенность» упадком «греческой» веры во владениях Речи Посполитой (уже давно попавшей в российскую зависимость), предпринимает дипломатическое давление на короля и сейм, направляет резкие требования прекратить ущемления православных подданных. Самые вопиющие факты гонений на приверженцев христианской веры «восточного обряда» умело используются и для усиления российского влияния в Великом княжестве Литовском.

В июньском 1720 года «мемориале» российского правительства правительству Речи Посполитой говорилось: «Обретающиеся ныне в Польше и Литве греческого исповедания духовного и мирского чина люди никакой вольности против других жителей Речи Посполитой не имеют, а именно: духовным не дается свобода... для утверждения... соборов; такожде и епископы до заседания в Сенате, а шляхта не токмо до сенаторскаго чина по достоинству их, но и на сейме... мещане же в магистратские и другие уряды весьма не допускаются. Сверх того есть и иныя многия греческого исповедания монастырям, церквам и людям гонения... которых и описать не можно...»[4].

2 сентября 1737 года Гомель постигла страшная беда. Мещанка Семёнова, проживавшая на Троицкой улице, допустила ночью неосторожность с огнём, из-за чего вспыхнувший **пожар** в считанные мгновения уничтожил большую часть города. Обездоленные люди не могли платить государственные налоги и семьями переселялись в пределы Российской империи [5]. Этот же пожар обратил в пепел и все городские церкви. Новые же строить запретили. В конце 30-х – 40-х годах XVIII века почти все православные храмы в окрестностях Гомеля были переведены в униатские. Шерстинский, Радужский, Бартоломеевский и Новосёлковский – в один день, на праздник святых Петра и Павла в 1737 году, Хальчанский – в 1738-м, Кузьминичский – 1749-м и т.д. [6] Впрочем, местные крестьяне, удовлетворённые сохранением старых обрядов, воспринимали эти события достаточно спокойно. Иное дело – горожане. Несмотря на все попытки, создать в самом городе

хоть сколь-нибудь значительный униатский приход власть предержащим так и не удалось. Более того, в 1756 году, под давлением недовольства низов и уступая нажиму российской стороны, гомелянам всё-таки разрешают строительство трёх православных церквей (Пречистенской, Троицкой и Преображенской).

Заметное своеобразие гомельской истории принесло начавшееся ещё в конце XVII столетия **переселение в окрестности города беглецов из России – старообрядцев**, презрительно именовавшихся на родине «раскольниками». Кем же были эти люди, влияние которых на экономическую, культурно-религиозную и даже политическую жизнь города и всего староства трудно переоценить? Для ответа на вопрос следует совершить небольшой экскурс в историю Российского государства, судьбы которого, как видим, теснейшим образом переплелись с судьбами Великого княжества Литовского и его отдельных земель.

В 1640-х – начале 1650-х годов реальной властной фигурой в России был патриарх Никон, который, по сути дела, руководил юным царём Алексеем Михайловичем и определял его политику. Именно Никон задумал и осуществил реформу русской православной церкви. Эта реформа была нужна для унификации православия, приведения его «русской разновидности» в соответствие со «стандартами», принятыми в других православных странах. Москва уже давно претендовала на роль идейного лидера всего православного мира, но достижению этого лидерства мешали особенности сложившейся веками местной церковной обрядности. Абсолютному монарху – Алексею Михайловичу, считавшемуся «высочайшим святым самодержцем», – идея Никона льстила: сильная, единая, богатая и хорошо организованная церковь была нужна и ему. Созданная Никоном комиссия занялась тщательным изучением русского богослужения, содержания религиозных книг и обрядов. Сопоставив их с греко-византийскими, обнаружили немало разночтений и отличий, которые и было решено «исправить» по греческому образцу. На церковном соборе 1654 года, проходившем в Москве, официально возвестили о коренной реорганизации православной церкви и наведении «порядка» в её обрядности.

Старинное русское двуперстное знамение заменялось греческим троеперстием, вместо традиционного восьмиконечного креста вводился четырёхконечный, молитвенные земные поклоны сменялись поясными, из церквей выносились иконы древнерусского письма и т. д.

Значительная часть российского народа и духовенства встретила навязанную сверху реформу враждебно. Задача консолидации общества, задуманная царским окружением, выполнена в одночасье не была, наоборот, произошёл невиданный доселе его раскол. Против нового православия ополчились и религиозный фанатик, хранивший «старину», и простолюдин, видевший в лице попа эксплуататора. Был недоволен и богатый купец, жаждавший вложения денег в «свою» церковь, «своего» епископа, и боярин, опасавшийся нововведений. Во главе раскольников встал талантливый проповедник протопоп Аввакум, который утверждал, что «кобель борзой Никон, враг, умыслил» разрушить национально-религиозные устои русского народа [7]. Глубинные причины раскола лежали отнюдь не в чисто религиозной сфере. Люди оставались при старой вере, считая её оружием борьбы против жестокого крепостнического гнёта, средством защиты своего личного достоинства.

Противостояние выливалось в стрелецкие бунты и народные восстания. Последователей «древлего благочестия» подвергали преследованиям, жестоким пыткам и ссылкам, а сам Аввакум был сожжён. Старообрядцы – современники тех событий – говорили: «Везде цепя брячаху, везде вериги звеняху, везде тряски и хомуты Никонову учению служаху, везде бичи и железие в крови исповеднической повседневно омочахуся» [8].

Приверженцы старых обрядов массами спасаются от гонителей на окраинах Российской империи – в Архангельском Поморье, бескрайней Сибири, на Северном Кавказе, а также за границей – в Австрии и Турции. Часть из них находит убежище в Речи Посполитой, а именно на её восточной периферии в окрестностях Гомеля.

В дремучих лесах Гомельского Посожья ищут «земли обетованной» беглые крестьяне, стрельцы, торговцы, ремесленники и священники, жаждущие утверждения в «истинном бла-

гочестии и иноческом чине». Люди бегут сюда из Нижегородской, Калужской, прочих губерний, а также с Кубани и Дона.

Около 1685 (по другим данным – 1682) года на купленном у мозырского воеводы пана Халецкого острове в левобережье Сожа, напротив старинного шляхетского имения Хальч основывается впоследствии крупнейший центр староверов – Ветка. Её и окрестности осваивают последователи одного из «раскольничьих» течений – поповщины. Селятся они компактно и изолированно от местного белорусского населения. М.И. Лилеев в конце XIX века писал: «Сюда спешили суеверы целыми толпами со всех концов России, привлекаемые рассказами о безопасности убежища и разных удобствах жизни, а ещё более вестию о новоустроенной церкви, которая была тогда у поповцев единственная: вокруг Ветки поселилось до 14 слобод, в которых число жителей во второй четверти прошлого (XVIII-го.– О.М.) столетия простиралось от 30 до 40 тысяч» [9]. В пределах «засожской» части Гомельского староства пришельцы организовывают слободы Косецкую, Дубовый Лог, Попсуевку, Марьино, Буду, Крупец, Городню, Нивки, Грабовку и Тарасовку, на правом берегу Сожа у Гомеля – Мильчу, Красную и Костюковку и, наконец, под самым Гомельским замком – **Спасовку (Спасову)** [10].

Особенно мощный поток беглецов наметился в самом конце XVII и первых десятилетиях XVIII столетия, в годы правления Петра I, который, как известно, староверов не жаловал, безжалостно «брил им бороды», сдавал в рекруты и облагал двойными налогами. В свою очередь, старообрядцы ненавидели петровские нововведения, всячески поносили их: «Пришло времечко гонимо, народился злой Антихрист, на всю землю он вселился, во весь мир вооружился, стали его волю творити, усы, бороду брити, латынскую одежду носити, препроклятую траву (чай.– О.М.) пити, табак курити» [11]. Сам же грозный самодержец удостоился весьма нелицеприятной характеристики – «древний змий, сатана, прелестник, лжехристос» [12].

Ни паны, ни официальные власти Речи Посполитой в лице гомельских старост Красинских не только не препятствовали переселению старообрядцев, но и всячески его поощряли. Присмотревшись к великоросским пришельцам,

они отметили их мастеровитость и предприимчивость. Большинство поселенцев владело ремёслами и умело вести дела купеческие. А как нужны были именно такие люди в краю, разорённом бесчисленными бедствиями! Ведь свои-то крестьяне из последних сил тянули панскую лямку. И уже никакими ухищрениями нельзя было выжать из мужика большего. Потому местные паны Халецкие и давали староверам землю, разумеется, на весьма выгодных для себя условиях. Пришельцы оказались многочисленными, работящими и, самое главное, платёжеспособными, что и обеспечило им покровительство со стороны крупных гомельских землевладельцев и старост. Ветковцы и слободичи просили лишь об одном: о невмешательстве в их внутриобщинные и, особенно, церковные дела. А поскольку «нестеснение» им было гарантировано, то вскоре гомельские слободы превратились в заметные торгово-ремесленные центры, а процветавшая Ветка зажила не хуже старостинского Гомеля.

Верховные власти Речи Посполитой, не без интереса следившие за внутренними делами могущественного восточного соседа, тотчас отреагировали на появление в приграничных районах российских переселенцев и отреагировали, надо сказать, мудро. В 1690 году была создана специальная государственная комиссия для ознакомления с «новой верой». Руководствуясь фискальными и политическими соображениями (а не пригодятся ли старообрядцы в качестве потенциального союзника в борьбе с местным православием?), комиссия признала, что переселенцы не принадлежат «к числу опасных для государства и церкви сектантов». Более того, король Ян III Собеский издал указ «о свободном жительстве раскольников в польских пределах, при полной независимости от католического духовенства в исправлении веры и отправлении обрядов» [13]. Российскому правительству это явно не понравилось, зато гомельские староверы возликовали: они почувствовали себя не скрывающимися по лесам беглецами, но почти полноправными подданными Речи Посполитой.

С завистью смотрели старообрядцы гомельской Спасовой слободы на соседей-ветковцев, у которых с 1733 года был свой епископ Епифаний. Полагая, что спасовцы достаточно зажиточны, чтобы содержать у себя епископскую ка-

федру, подбиваемые попами Иоакимом и Матвеем, слободичи толпами двинулись на Ветку «добывать» духовного главу 31 марта 1735 года. Трудно сказать, чем бы закончилась эта акция, если бы не грубое вмешательство в жизнь гомельских староверов со стороны московских властей...

Императрица Анна Иоанновна уже давно была недовольна тем, что вчерашние её подданные (которых она попрежнему считала своими) приумножают не царскую казну, а богатство Литвы и Польши. Среди беглецов было и немало опасных для самодержавия бунтовщиков. Полковник Сытин получил приказ разорить приграничные поселения и скиты вчерашних россиян, а самих смутьянов – вывести на родину. 1 апреля 1735 года российская армия, нарушив рубежи Речи Посполитой, начала окружать Ветку. А потом царские солдаты ловили староверов по лесным чащам, жгли скиты и слободы. В результате этих действий, оставшихся в народной памяти как «первая выгонка», 13 тысяч гомельских староверов были водворены на места прежнего жительства. Часть спасовцев, не дожидаясь, пока Сытин схватит их как преступников, разобрала церковь Преображения Господня и во главе с Варлаамом Казанским переселилась в российские пределы, в Клинцы [14].

Несмотря на активное противодействие царских властей, приток новых беженцев в Гомельское староство не ослабевает. Их было так много, и настроены они были столь решительно, что вскоре Ветка со слободами возрождается вновь. В 1764 году теперь уже императрица Екатерина II осуществляет «вторую выгонку», в ходе которой Ветка была разорена войсками генерала Маслова настолько основательно, что утратила роль организационного центра поповщины и уступила пальму первенства Стародубу. Вместе с тем Спасова слобода пережила неспокойные времена и на протяжении XVIII столетия оставалась крупнейшим, богатейшим гомельским предместьем, обладавшим статусом самостоятельного поселения...

Начиная с конца XVII столетия, к проблемам Речи Посполитой добавляется ещё одна. В это время разгорается ожесточённая борьба за власть между крупнейшими магнатскими группировками – Сапегами, Пацами, Радзивиллами, Вишневецкими, Огинскими и прочими. Во внутриполитические

конфликты, сопровождавшиеся вооружёнными столкновениями, была втянута значительная часть правящего сословия Великого княжества Литовского. Шляхта уже добилась для себя широких имущественных привилегий. Опьянённая безграничными политическими свободами, она беззастенчиво диктует свою волю и капризы уже почти номинальной королевской власти. Влияние короля падает с каждым годом, монарх «двух народов» постепенно превращается в марионетку магнатских кланов и зарубежных «лоббистов». Попытки королевской армии усмирить своевольных панов не спасают положения. Наведением порядка всё чаще и чаще занимаются иностранные войска. Вопросы избрания на престол очередного короля решаются уже не столько в Варшаве и Вильно, сколько в Петербурге, Вене и прочих европейских столицах. Обессиленное экономическим разладом, социальными конфликтами и магнатскими усобицами, государство неумолимо движется к упадку...

Одной из ярчайших исторических фигур Речи Посполитой XVIII века был последний гомельский староста князь **Михаил Фредерик Чарторыйский** (годы жизни – 1696–1775), происходивший из знатного магнатского рода. В 1722 году Михаил Фредерик занял должность виленского каштеляна (т. е. стал вторым после воеводы высшим административным лицом в этом богатом округе). Дальнейшая его карьера была поистине головокружительной. В 1724 году он становится подканцлером, а в 1752 – канцлером Великого княжества Литовского.

Князь Чарторыйский принадлежал к узкому, избранному кругу богатейших землевладельцев страны. Значительную часть своего огромного состояния он тратил на нужды политической деятельности. В начале XVIII века семейство Чарторыйских в союзе с Радзивиллами и Ржевусскими борется с партией Потоцких и Браницких. Будучи профессиональным политиком, Михаил Фредерик вскоре возглавил магнатскую группировку «Фамилия», сторонники которой также занимали ведущие позиции в политической жизни страны и полагали, что государственный строй Речи Посполитой можно укрепить при содействии Российской империи. В этом они в корне разошлись с объединением консервативно-патриотической шляхты, лидером которой с 1750-х – 1760-х годов вы-

ступил магнат Кароль Станислав Радзивилл («Пане Коханку») – основной политический оппонент Чарторыйского. «Фамилия» оказалась сильнее, ибо она опиралась на поддержку российской императрицы Екатерины II и прусского короля Фридриха II. В 1764 году группировка Чарторыйских в условиях жесточайшей борьбы с Радзивиллом и Потоцкими (их партия была сторонницей Фридриха Кристиана, сына предыдущего короля Августа III Саксонского), возвела на трон племянника Чарторыйского (ставшего последним королём Речи Посполитой) Станислава Августа Понятовского (правил до 1795 года). По просьбе Чарторыйских Екатерина II послала в Речь Посполитую свои войска, которые, соединившись с их отрядами, захватили радзивилловские крепости Несвиж и Слуцк. Лидер оппозиционной партии К.С. Радзивилл едва успел бежать за границу, а выступления его сторонников были подавлены.

В середине 1760-х годов новый король попытался провести через сейм ряд мероприятий по укреплению государственного строя королевства. Успешный их исход мыслился как спасение державы. Постановления об ограничении употребления шляхтой права «либерум вето» (пользуясь которым любой шляхтич мог сорвать решение сейма), об упорядочении суда, финансовой системы, армии принимались при непосредственном участии Чарторыйского. Постановление сейма 1768 года, уравнивавшее в правах всех «диссидентов» (т. е. православных и протестантов) с католиками, делало радикальный шаг к решению давних конфессиональных проблем, которые подобно тяжкой болезни подтачивали единство страны.

Вместе с Чарторыйскими Станислав Август пытается освободиться и от полной зависимости государства от России, ищет союза с Австрией и Францией. Однако попытка короля найти общий язык и примириться с Потоцкими вызывает его ссору с Чарторыйскими.

Отношение к реформам в польском и белорусском обществе было далеко неоднозначным. Многие усматривали в их последствиях предательство национальных интересов. Против решений сейма поднялись сторонники патриотической антироссийской партии, создавшие так называемую «Барскую

конфедерацию» – вооружённый магнатско-шляхетский союз (организован в начале 1768 года в подольском городе Баре).

Конфедераты выступили против короля и его преобразований под лозунгами защиты независимости государства. Станислав Август колебался: или действовать вместе с Россией против конфедератов, или же пойти с ними на соглашение. Исход вспыхнувшей гражданской войны решает вмешательство российской армии, которая разбивает отряды барских конфедератов к 1771 году. Полностью обескровленная Речь Посполитая отдаётся на волю могущественных соседей...[15]

«Погоня» – родовой герб Чарторыйских

М.Ф. Чарторыйский занял кресло гомельского старосты в 1730 году́. Под его личным управлением находились и город, и староство. В 1738 году в Гомельской волости насчитывалось 37 королевских селений и 900 крестьянских хозяйств, в 1765 – уже соответственно 58 и 2230. С Гомельского староства в конце 1760-х годов взималось 20752 злотых в казну и 3832 – на зимнее содержание войска [16].

После разгрома Барской конфедерации Россия, Пруссия и Австрия (уже фактические хозяева Речи Посполитой) не преминули воспользоваться ситуацией: перед ними на коленях стояла опустошённая и униженная страна. Несмотря на слабые протесты Станислава Августа, в 1772 году свершился первый раздел Речи Посполитой, в результате которого вся Восточная Беларусь вместе с Гомелем перешла под скипетр Екатерины II. М.Ф. Чарторыйский отказался присягнуть императрице, оставил Гомельское староство и уехал в Польшу. Он умер в Варшаве в 1775 году.

Было бы неверно полагать, что восточнобелорусские земли перешли в состав России только в результате определённых политических процессов и событий. С конца XVII – начала XVIII веков крепнут торгово-экономические связи восточнобелорусских городов с землями Западной, Северо-Западной России и Левобережной Украины. Старейшие торговые пути – Днепр и Сож – соединяют Юго-Восточную Беларусь с Киевщиной и Черниговщиной, а сухопутные дороги – с Брянщиной и Стародубщиной. Нарастает экономический «отрыв» Юго-Восточной Беларуси от её центральных и западных земель. Одной из причин переориентации в середине XVIII века торговых связей местного купечества на Россию была возросшая роль Петербурга, через который пошли экспортные операции русского купечества на Западную Европу. Посреднические же операции купцов Речи Посполитой в этой связи резко сократились. Из Юго-Восточной Беларуси в Россию везли продукты животноводства, лесных и лесохимических промыслов, на Украину сплавляли корабельный и строевой лес. Ввозились зерно, промышленные товары, металлы.

Вхождение Гомеля в состав Российской империи знаменовало собой конец истории Старого Города.

---

[1] АВАК. Т.VIII. Вильна, 1875. С.289.

[2] Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трёх малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878. С.75; ПСРЛ. Т.XXXV. М., 1980. С.262.

[3] Нарысы. Ч. I. Мн., 1994. С.229–231.

[4] Белоруссия в эпоху феодализма. Т.II. Мн., 1960. С.364–365.

[5] АВАК. Т.VII. Вильна, 1874. С.447–448.

[6] АВАК. Т.XXVII. Вильна, 1900. С.347–348; ЦГИАУ. Ф.201. Оп.4. Д.3750. Л. 16об.; Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М.. 1900. С.22.

[7] Памятники истории старообрядчества XVII в. Т.I. Л., 1927. С.285.

[8] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и Стародубье XVII–XVIII вв. Вып.I. Киев, 1895. С.45.

[9] Там же. С.325.

[10] Опыт описания Могилёвской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, лесном, сельскохозяйственном, учебном, медицинском и статистическом отношениях. Под ред. А.С. Дембовецкого. Кн. I. Могилёв, 1882. С.656.

[11] Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Вып. I. СПб., 1903. С.63.

[12] Раскольничья история о Петре Великом // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. I. М., 1863. С.59–60.

[13] Лилеев М.И. Указ. соч. С.121.

[14] Виноградов Л. Указ. соч. С.25.

[15] О последнем короле и Чарторыйских см.: Грыцкевіч А. Апошні кароль // Культура. 1994. 20 ліпеня.

[16] Гомель. Энциклопедический справочник. Мн., 1991. С.67, 189.

ГОМЕЛЬСКИЕ ХРАМЫ

Гомель имеет древнюю церковную историю, уходящую своими корнями во времена Киевской Руси. Её первые письменные страницы безнадежно утеряны, и мы можем уповать лишь на будущие археологические открытия. Однако уже сейчас ясно, что старейшие каменные церкви появились в Гомеле в XII веке, а обильные археологические находки культовых вещей (нательных крестиков, складней-энколпионов и др.) говорят о проживании в городе XII-XIV столетий православных христиан и служителей культа. Позднейшая история (XVI–XVIII столетия) застаёт в городе четыре православных церкви – Никольскую (с начала XVIII века – униатская), Рождества Богородицы (Пречистенскую), Троицкую, Спасскую (Преображенскую), римско-католический костёл Девы Марии и с XVIII столетия – старообрядческие храмы и монастырь.

Древнейшим православным храмом города, история которого теряется в глубине веков, является **соборная Николаевская (Никольская) церковь,** стоявшая в замке. Известия об этой церкви восходят к концу XV столетия. Ещё князь Семён Иванович Можайский «записывает» к храму «на вечные времена» земли Севастьяновщину и Богдановщину со всеми крестьянами, пашнями и бортными деревьями. Священники получают право самостоятельно судить сельчан, а гомейские чиновники, напротив, не могут присылать в церковные владения своих приставов для вызова церковных людей в городской суд. Эти права Николаевского собора соблюдаются на протяжении всего XVI столетия и подтверждаются королевскими привилеями Жигимонта Августа (24 января 1568 года) и Стефана Батория (1584 года) [1].

В первой половине 1540-х годов имели место конфликты священников с гомейскими властями. Староста Ян Дорошкевич

попытался самовольно отнять принадлежавшие Николаевскому собору земли, изъял в свою пользу 10 пудов церковного мёда, всячески притеснял крестьян Севастьяновщины и Богдановщины. Однако верховная государственная власть была на стороне церкви. Священники жаловались в Вильно и великий князь запретил Дорошкевичу заниматься самоуправством. Следующий державца – Ян Хрщонович – также был не прочь разжиться церковными богатствами, но повторная жалоба священнослужителей возымела действие на него, после чего священников на долгое время оставили в покое [2]. Великий князь дал им грамоту следующего содержания: «Они (священники.– О.М.) били нам челом, прося у нас грамоты и обороны от тебя (Хрщоновича.– О.М.): ты чинишь им кривды и новизны и препятствуешь им ездить в их же собственные владения, приказывая там собирать подати в свою пользу... Повелеваем тебе не вступаться в их собственность и не мешать им ездить для сбора доходов к крестьянам, живущим на их землях. Обороняй их во всем согласно грамотам князя Семена Можайского и бери с тех крестьян только такие повинности, которые указаны» [3].

Какими владениями располагала Николаевская церковь в начале второй половины XVI века, рассказывает «Реестр ревизии господарской Гомельской волости» 1560 года. Настоятель собора отец Семён «держал» тогда три «земли» с пахотными угодьями и сеножатями: Шишантуровскую при селе Добруша, Пехоцкую при селе Утье и Колбасовщину при селе Старом (которая «з давных часов на тую церковь надана»). Кроме того, при Добруше и Утье владел он в реках Ипути и Ути бобровыми гонами, а при Добруше – ещё и «рыбными ловами» [4].

В 1581 году, во время сожжения города войсками Ивана Грозного, Николаевский собор не пострадал, т. к. неприятелю не удалось взять сам замок. Однако пожаром были уничтожены усадьбы священнослужителей, где хранились церковные документы, княжеские и королевские грамоты. Поэтому настоятелю собора отцу Миките Панковичу пришлось хлопотать при дворе Стефана Батория о подтверждении церковных привилегий. Все права Николаевского собора были восстановлены королевской грамотой от 11 февраля 1584 года [5].

Православная община чуть было не осталась без церкви в 1621 году, когда была попытка передать её униатам [6].

Из городского инвентаря 1681 года известно, что протопоп Николаевской церкви жил по ул. Речицкой, а принадлежавшие ему огороды располагались за оврагом Гомеюк близ Сожа [7].

Серьёзные беды ждали собор в первые годы XVIII столетия. В 1701 году церковь сгорела. На постройку на том же месте нового здания деньги пришлось собирать в России. Вскоре, однако, супруга старосты Е. Грохольская изгнала из города протоиерея Панкевича (судя по фамилии – потомка настоятеля Николаевской церкви Микиты Панковича, упомянутого выше), захватила в 1717 году сам храм. Она завладела церковными вещами, серебряной утварью и передала церковь иезуиту Соколовскому. 7 февраля того же года он провёл здесь службу по-католически и опечатал здание.

Не надеясь на справедливый суд верховной власти Речи Посполитой, взявшей курс на полное искоренение православия в пределах королевства, верующие искали заступничества у Петра I. Белорусский епископ доказывал на королевской грамоте, что храм всегда принадлежал православным, то же говорили мещане и шляхта. Однако местные власти при содействии бискупа виленского не позволили вернуть собор прежним владельцам и оставили его за униатами [8].

Новых прихожан у церкви было мало [9]. В XVIII веке при ней возник небольшой униатский монастырь, просуществовавший до самого начала следующего столетия и закрытый вскоре после 1804 года [10]. Примерно тогда же, в связи с расширением дворца Румянцевых, было разобрано и само церковное здание. Такова вкратце история древнейшего гомельского храма.

С первой половины XVI века известна **церковь Пречистенская**. На памяти истории этот храм был деревянным. Уже в начале XX века гомельчане не помнили место его расположения. Пользуясь преданиями, И.А. Сербов, Ф.А. Жудро и Д.И. Довгялло предполагали, что он находился на древней Речицкой улице [11]. Однако исторические документы показали: Пречистенская церковь находилась к северу от замка, у старинного рынка, близ нынешнего Петропавловского собора.

В середине XVI столетия попу Пречистенской церкви принадлежала («здавна к той церкви от колькодесят лет») земля при селе Бобовичи, называвшаяся Халимоновщиной. Совместно с крестьянами священник владел и бобровыми гонами у Бобовичей в реке Узе [12].

В 1562 году в Гомее и окрестностях, по соседству с владениями Пречистенской церкви, были сделаны земельные пожалования местному боярину Фащу. Сын последнего в 1588 году самовольно захватил церковную сеножать, из-за чего Пречистенский священник Змайло Михайлович жаловался воеводе. В 1589 году сеножать вернули церкви, что было подтверждено королевской грамотой 1604 года [13].

Инвентарь 1681 года рассказывает, что усадьба священника Пречистенской церкви Алексея располагается «около острога», а его земля («морг») – за «брамой Речицкой от реки Сожа», т.е. где-то к югу от оврага Гомеюк [14].

2 сентября 1737 года во время невиданного пожара Пречистенская церковь сгорела. Староста М.Ф. Чарторыйский и присланный в город иезуит Рушицкий воспрепятствовали строительству новой церкви, и верующие надолго остались без храма [15]. Только в 1756 году им позволили возвести новую церковь [16].

В 1773–75 годах приход Пречистенской церкви и её настоятеля Якова Щербинского составляли жители Чечерской улицы и одноимённого переулка [17]. «Отказная книга» 1776 года свидетельствовала, что деревянная православная церковь Успения (Е.Р. Романов уточнил – «Рождества») Пресвятой Богородицы с деревянной же колокольней находилась справа от рынка, сразу по выезде из замка [18]. По генеральному межеванию 1783 года Пречистенская церковь получила новый надел в городе площадью 36 десятин. В 1800 году она сгорела и её приход был передан Троицкому храму [19].

Троицкая церковь, как и Пречистенская, известна с первой половины XVI столетия, но, как и последняя, была основана значительно раньше. Её местоположение долгое время оставалось неизвестным. Краеведы начала нашего века писали, что «по преданию» она стояла «недалеко от того места, где и теперь стоит церковь того же имени» [20]. Но в начале XX столетия новая Троицкая церковь располагалась на Тро-

ицкой улице, т. е. у перекрёстка нынешних улиц Крестьянской и Советской. Старейшая же улица Троицкая, как свидетельствуют документы XVII–XVIII веков, стояла на одноимённой, но отнюдь не совпадающей с Троицкой XX века улице. Место средневекового храма определяется между нынешним зданием областного музея и площадью им. Ленина.

В середине XVI века Троицкая церковь была крупным земельным собственником. Её настоятель Фёдор Иванович владел «наданьем на придел светого Онуфрия» – селом Плёсо под Гомелем. Здесь было 4 крестьянских дыма, пашни, сеножати. В пользу церкви отсюда же шли и «дани медовые». Обширные церковные владения имели следующие границы: «от замку господарского Гомельского дорогою гонною у Струпицу речку, тою речкою уверх у Мхи-лес, с того леса у Кобылее болото, с того болота при границе Даниловской через дуброву Коничову у Поток лог, с того логу у Холхлицу речку, тою речкою униз у Сожское озеро, озером у реку Сож, Сожом вниз зася до замку, откуль ся граница почала». Фёдор Иванович имел здесь рыбные угодья («ловы») в озёрах Комаричеве, Сожских, бобровые гоны в Соже[21].

Троицкий дьякон Григорий Лукьянович «держал здавна к той церкви» земли Михалевскую и Шадыевскую с людьми Стефаном Михайловичем, Осипом Даниловичем, Матфеем Ерыгой, пашнями, сеножатями, медовыми данями, рыбными ловами (в озере Студенце) и бобровыми гонами (в Ипути) при селе Романовичи, а также землю Бушмановскую с пашнями и сеножатями при селе Лагуновичи[22].

Инвентарь 1681 года указывает точное местоположение Троицкой церкви на одноимённой улице. Он называет имя её тогдашнего настоятеля – Христофора (в польскоязычной форме – «Кшиштофа»), говорит, что его усадьба находится на улице Спасской, а огороды – «за брамой Чечерской от реки Сожа», т. е. к северу от Киевского спуска, и по левую сторону за той же брамой. Христофор владеет землями («моргами») как «за брамой Чечерской», так и «за брамой Речицкой от реки Сожа»[23].

Пожар 1737 года обратил Троицкую церковь в пепел, а её земли захватил упомянутый выше Рушицкий. До 1756 года новое здание храма строить не разрешали[24].

В 1773–75 годах к Троицкому приходу относилась часть жителей Чечерской и других гомельских улиц. Служители храма (в т. ч. дьяк Кондратьев) проживали по улице Декановской [25]. Новая церковь (как и старая) была деревянной, имела колокольню с оградой (данные 1776 года) [26]. В 1783 году она получила во владение 36 десятин городской земли. В 1800 году в её приходе (вместе с упразднённым Пречистенским) было 290 домов. К церкви были приписаны 971 прихожанин и 1184 прихожанки [27]. История древней Троицкой церкви закончилась в 1824 году, когда она была разобрана «за ветхостью». Впрочем, храм явно мешал устройству парка. Новая, теперь уже каменная, церковь того же имени, основанная стараниями Н.П. Румянцева, была закончена в 1828 году, но на другом месте, и освящена в 1833 году [28].

К числу старейших православных храмов города относится и **Спасская церковь**. Время её основания неизвестно, но уже в первой половине XVI столетия храм существовал. Старинная Спасская церковь располагалась в непосредственной близости от замка.

По своему богатству Спасская церковь соперничала с другими городскими храмами. В середине XVI века её настоятель Ерофей (Дорофей) Иванович владел «з давного наданья на тую церковь» землями Жидоловщиной (Живелевщиной), Моходовщиной и Михаловщиной при селе Волковичи, здесь же (совместно с крестьянами) – бобровыми гонами и островом «на имя Долгий». Пахотные земли, сеножати и «остров Милчицкий» священник «держал» при селе Дятловичах [29]. В селе Азаричах ему принадлежал «остров обрубный, прозываемый Катариновский». Вокруг самого города Спасский храм пользовался несколькими пашнями: на двух берегах речушки Мильчи, в местности Клоники, в урочище Лещине, а также в урочище Новики [30]. Права Ерофея Ивановича подтверждались королевскими грамотами Жигимонта Старого и Жигимонта Августа [31].

После смерти Ерофея настоятелем церкви и собственником «отчизн церковных» стал его сын Сысой. Ночью 5 мая 1581 года, во время внезапного московского нападения, дом Сысоя, находившийся в самом городе, сгорел, а вместе с ним погибли королевские грамоты и «листы ревизорские» на

церковную собственность. На следующий же день Сысой сообщал гомельскому замковому писарю Михайле Харковичу: «в таким ночным... безвестным наезду неприятельском и запаленю места оные скрыни с тыми правами церковными не моглисмы з собою до замку ратовати: бо дей есмы заледве сам з жоною и з детми своими до замку убег; тогды дей тая скрынечка з правами церковными и зо всею убогою маемостю моею в дому моем згорела»[32]. Священник хлопотал при дворе Стефана Батория о подтверждении своих имущественных прав. Король оставил священника «при той церкви и при всих пожитках и доходах и парафеи, до тое церкви здавна належачих» и разрешил ему в той церкви вести православную службу (11 февраля 1584 года)[33].

Во время осады замка казацким войском И.Н. Золотаренко в июне–августе 1654 года Спасская церковь оказалась в центре сражения: подняв на её колокольню несколько пушек, казацкий предводитель приказал бить оттуда прямой наводкой по крепости[34]. Можно только догадываться, какой ущерб был нанесён церкви в эти переполненные взаимной ненавистью дни.

Инвентарь 1681 года указывает, что Спасская церковь стояла на одноимённой улице, рядом жил и её же священник. Огороды и поля церкви располагались «за брамой Речицкой по левой стороне от реки Сожа», прочие поля – в пригородных местностях – в «застенке в Новиках», в урочище Левчина (указанная выше Лещина) и «застенке» Мильча[35].

В озарённом пожаром сентябре 1737 года Спасская церковь разделила участь сгоревшего города. Новое здание отстроили после 1756 года[36].

В документах 1773–75 годов упоминались имена тогдашних священнослужителей Преображенской (Спасской) церкви: попов Василия и Михаила Трусевичей, дьячка Денисова и пономаря Титовича[37]. В 1776 году Спасская церковь пребывала в крайне запущенном состоянии[38]. В 1783 году, подобно другим храмам, церковь получила 36 десятин земли. В это время она была двухприходной, при ней числилось 303 дома, 1532 прихожанина и 1325 прихожанок. Около 1824 года старое здание было разобрано, а сама церковь перенесена на новое место, где и была освящена 6 декабря 1826 года[39].

История гомельского **римско-католического костёла** также теряется в глубине веков. Первые католики могли прибыть в город ещё в окружении князя Фёдора Кориатовича, который крестился по «латинскому» образцу. Более вероятно, что сколь-нибудь значительная католическая община в Гомеле начала формироваться с конца XVI – начала XVII веков, когда значительная часть белорусской шляхты переходила в католицизм. Время основания костёла автору неизвестно. Один из старейших документов, упоминающий его, – гомельский инвентарь 1681 года.

Под стенами замка в самом начале Спасской улицы, рядом с рынком, в конце XVII века располагался **костёл, посвящённый Рождеству Пресвятой Девы Марии** [40]. При последнем старосте М.Ф. Чарторыйском вместо сгоревшего 2 сентября 1737 года старого здания было построено новое деревянное. Приход к костёлу считался очень богатым: его посещали местные шляхтичи [41]. В 1768 году ксендзом здесь недолгое время был Станислав Иванович Богуш-Сестренцевич (1731–1826) – знаменитый впоследствии деятель римско-католической церкви в России, учёный и писатель [42].

Документ 1776 года подтверждает, что костёл («Рождества Пресвятой Богородицы») и «деревянное хоромное строение» для живущих при нём священнослужителей, обнесённые деревянной оградой, располагаются близ самого городского рынка [43]. По-видимому, это здание существует до начала XIX столетия. В 1818 году на средства Н.П. Румянцева, который, как известно, субсидировал все конфессиональные группы гомельского населения, строится на новом месте (в районе современного драмтеатра) каменный римско-католический храм, освящённый в 1822 году.

Первый старообрядческий храм в Гомеле был выстроен в первые же годы массового переселения из России приверженцев богослужения по старопечатным книгам, т. е. в начале XVIII столетия. **Церковь была посвящена Преображению Господню**, возведена в дереве и по своей архитектуре подобна Ветковской. Вероятно, именно эта церковь положила начало небольшому монастырю, прозванному Спасовым (Спасским). Он размещался в полуверсте к югу от замка. Впрочем, основание последнего относят и ко времени около 1750 года, когда его возглавил игумен Валаам [44].

В 1737 году на месте нынешней Ильинской церкви строится бескупольный деревянный **храм во имя пророка Ильи**[45] (на современной улице Комиссарова). В 1793 году эта церковь разобрана «за ветхостью» и на её месте сооружается новая того же имени, существующая и по сей день[46].

В 1773–75 годах в **Спасовом монастыре** проживали 18 монахов-староверов (Наталий, Харлампий, Илья, Игнатий и др.)[47]. Ни один из них не был местным уроженцем. Спустя какое-то время монастырь становится женским. Во всяком случае, именно таковой указан на «Карте окрестностей местечка Гомеля», составленной в 1838 году. В 1850 году его закрывают царские власти[48].

Непосредственное отношение к гомельской церковной истории имеют и монастыри, располагавшиеся в его живописных окрестностях.

Единственный **православный монастырь – мужская Терешковская обитель** – находился на левом берегу Сожа близ села Скиток[49]. Его основал в 1685 году православный шляхтич Климович (в монашестве Варсанофей) на землях села Терешковичи. Климович построил деревянную церковь Рождества Богородицы, обеспечил её утварью и книгами, подарил участки земли и сеножати. В архиве Могилёвской духовной консистории в XIX столетии хранилась копия акта, описывавшего границы земельных владений Терешковского монастыря. От Сожа эта граница шла островом Куньим к высокому берегу озера Глушец (в левобережье Сожа) и рубежу села Дятловичи, а отсюда озером Глушцом в Колотов остров. Монастырские сеножати находились между Сожем и гомельской дорогой близ рубежа села Севрюки. Постановлением короля Августа II Сильного от 28 ноября 1720 года Терешковский монастырь был оставлен при своих прежних правах и православной вере. Однако 6 ноября 1743 года им овладели униаты-базилиане. Они пребывали в монастыре недолго, до 1765 года, когда его возвратили православным. Спустя некоторое время он потерял статус обители и превратился в обычную приходскую церковь села Скиток[50]. Церковное здание существовало здесь ещё в 1930-х годах[51], но в ходе ожесточённых боёв периода Великой Отечественной войны было разрушено. Память об этой старинной обители

сохраняют жители Скитка, которые называют «Монастырём» то урочище, где когда-то она находилась.

В окрестностях Гомеля в XVIII веке возникло несколько старообрядческих скитов. Одним из старейших, основанным, по преданиям, около 1735 года, был **монастырь Лаврентьев во имя Рождества Христова**. Располагался он в 12-ти верстах от Гомеля у реки Узы в дремучем лесу. Основал обитель старец Лаврен, руководивший ею до 1752 года и умерший здесь же. Следующими настоятелями были Дасифей, умерший в 1759 году, Стефан (дата смерти – 1761 год), Сергий (руководил до 1769 года), бывший калужский купец Феофилакт (умер в 1798 году), постриженец этого же монастыря Симеон. В начале XIX столетия здесь были две деревянные церкви во имя Сретения Господня и Живоначальной Троицы, часовня при трапезной и 35 монашеских келий. В монастыре обитало 60 иноков. Обитель содержалась подаяниями. Никаких земель, кроме сеножатей, не было [52]. Между тем, по некоторым данным, Лаврентьев монастырь занимал «первенствующее место» среди прочих старообрядческих обителей [53].

В 20-ти верстах от Гомеля, близ речки Драготивли, был основан **мужской Макарьев монастырь**, принадлежавший старообрядцам поповского толка. Считается, что его построил некий Макарий, пришелец из Вереи, около 1750 года [54]. Одно время он назывался Арафьевской пустынью (по имени жившего там отшельника). Монастырь существовал за счёт значительного количества пахотной земли, сеножатей, подаяний и вкладов. В начале XIX столетия в нём были две деревянные церкви (во имя Богоматери Владимирской и святого Николая), 34 кельи, трапезная. Здесь проживало 52 монаха [55].

Широкой известностью у староверов пользовался **мужской Пахомьев монастырь**, точное месторасположение которого помогла установить упомянутая выше карта 1838 года. Обитель находилась на левом берегу Сожа у озера-старицы в 8 км на северо-восток от исторического центра Гомеля, в 10 км на юг от Ветки в урочище Боровица (Боровая). Второе название этого монастыря, согласно той же карте, – Торлов [56]. Первоначальное же имя скита, основанного, по преданиям, в 30-х – 60-х годах XVIII века, – Игнатова пустынь. В начале

XIX столетия в нём было две церкви (Преображения Господня и Борисоглебская), трапезная и проживало 25 монахов. Обитель содержалась подаяниями, пользованием пашнями и сеножатями [57]. Судя по позднейшим картам, какие-то монастырские постройки существовали здесь ещё в 20-х годах XX столетия.

В окрестностях Гомеля были и другие старообрядческие монастыри, основанные в середине – второй половине XVIII века.

---

[1] Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М., 1900. С.9–10.

[2] Там же. С.14.

[3] Жудро Ф. А., Сербов И. А., Довгялло Д.И. Город Гомель. Географическо-статистический очерк // ЗСЗОРГО. Кн.2. Вильна, 1911. С.308.

[4] АВАК. Т.XIII. Вильна, 1886. С.345, 357, 374–375. Село Добруша 1560 г. – современный Добруш, Утье – Уть, Старое – Старое Село.

[5] АОИЗР. Т.II. СПб., 1848. С.283. № 141.

[6] Сборник документов, уясняющих отношение латино-польской пропаганды к русской вере и народности (Из ист. материалов, помещенных в «Вестн. Зап. России» и из других печ. источников). Вып. 2. Вильна, 1866. С. 162–170, 187–189; Виноградов Л. Указ. соч. С. 16. Прим. 30.

[7] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.7–8.

[8] Сборник документов, уясняющих... С. 189–196; Виноградов Л. Указ. соч. С.22. Прим.50; Жудро Ф. А. и др. Указ. соч. С.309.

[9] Служба в церкви шла. В переписи Гомеля 1773–75 гг. упомянут дьяк Никольского собора Шамрей, живший на ул. Забрамской (ЦГИАУ. Ф.201. Оп.4. Д.3750. Л.2об.).

[10] Виноградов Л. Указ. соч. Прим.50.

[11] Жудро Ф. А. и др. Указ. соч. С.308.

[12] АВАК. Т.XIII. С. 363.

[13] Жудро Ф. А. и др. Указ. соч. С.308.

[14] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.7об.

[15] Виноградов Л. Указ. соч. С.22.

[16] Жудро Ф. А. и др. Указ. соч. С.309.

[17] ЦГИАУ. Ф.201. Оп.4. Д.3750. Л.1.

[18] Там же. Л.64; Памяць. Гомель. У 2-х кнігах. Кн. 1. Мн., 1998. С. 123.

[19] Жудро Ф.А. и др. Указ. соч. С.310.

[20] Там же. С. 308.

[21] АВАК. Т.XIII. С.375–376. Село Плёсо 1560 г. – современные Плёсы под Гомелем. Троицкая церковь имела Онуфриевский придел («ку монастырю Онофреевскому»). Онуфриевский монастырь – православная мужская обитель, располагавшаяся в 15-ти верстах от Мстиславля (см.: Грыгаровіч І.І. Беларуская іерархія. Мн., 1992. С.74.). Струпица – малый правый приток Сожа, протекавший в районе бывшей деревни Прудок и впадавший в реку близ нынешнего Гомельского порта; Кобылее болото – обширный болотный массив к западу от Гомеля (в цитированном отрывке речь идёт об окрестностях современного Лопатино); Даниловская граница – рубеж угодий села Даниловичи (ныне – селение Ветковского района); дуброва Коничова одноимённа современному пос. Коничев; Холхлица – малый правый приток Сожа (Холхла, Ховхла, Ховхлица), выходящий из Кобыльего болота при Лопатине и протекающий ныне по границе Гомельского и Ветковского районов между Калинино и Золотым Рогом.

[22] АВАК. Т. XIII. С. 344–345, 352. Лагуновичи 1560 г. – современные Лагуны в Добрушском р-не.

[23] НИА РБ. Ф. 694. Оп. 7. Л. 5, 5об., 8, 10.

[24] Виноградов Л. Указ. соч. С. 22; Жудро Ф. А. и др. Указ. соч. С. 309.

[25] ЦГИАУ. Ф. 201. Оп. 4. Д. 3750. Л. 1, 1об., 2.

[26] Памяць. Гомель. С. 123.

[27] Жудро Ф.А. и др. Указ. соч. С. 309–310.

[28] Там же. С. 313–315; Морозов В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура. Мн., 1997. С. 228.

[29] АВАК. Т. XIII. С. 356, 363–364. Волковичи – современное Урицкое. Земли Моходовщина и Михаловщина в 1560 г. перешли в господарскую собственность. Дятловичи – современные Старые Дятловичи.

[30] ГАМЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 97, 97об. Азаричи – современное село в Брянской обл.; Мильча – правый приток Сожа, протекающий близ дд. Старая и Новая Мильча по южной окраине Гомеля и близ Давыдовки; Лещина – урочище Лещинец, историческое название одного из районов Гомеля.

[31] Там же. Л. 97.

[32] Там же. Л. 97, 97 об.

[33] АОИЗР. Т. II С. 283–284. № 142.

[34] Виноградов Л. Указ. соч. С.18; М.А. Ткачёв, обративший внимание на этот эпизод гомельской истории, ошибочно утверждал, что Спасская церковь стояла неподалёку от замка «за Гомеюком» (см.: Ткачёв М.А. Замки Белоруссии. Мн., 1987. С. 72).

[35] НИА РБ. Ф. 694. Оп. 7. Л. 6, 8об., 10.

[36] Жудро Ф.А. и др. Указ. соч. С. 309.

[37] ЦГИАУ. Ф. 201. Оп. 4. Д. 3750. Л. 1 2.

[38] Памяць. Гомель. С. 123.

[39] Жудро Ф. А. и др. Указ. соч. С. 309, 313.

[40] НИА РБ. Ф. 694. Оп. 7. Л. 5об.

[41] Виноградов Л. Указ. соч. С. 23.

[42] Богуш-Сестренцевич родился в д. Занки Волковыского повета в шляхетской семье. Учился в университетах Кролевца, Франкфурта, Амстердама, Лондона, служил офицером в прусском гусарском полку и литовской гвардии. Выйдя в отставку (1761 г.), работал домашним учителем у Радзивиллов. С 1773 г. – бискуп Белорусского бискупства, с 1782 г. – Могилёвский арцибискуп. Президент Вольного экономического общества, почётный член ряда научных товариществ, вице-президент Российской Академии наук. В церковной карьере достиг звания митрополита (1798 г.), был президентом Духовной академии. Являлся основателем типографии в Могилёве. Автор ряда сочинений, в т.ч. «Литовской грамматики», «О Западной России». Переводчик. Проповедовал идеи гуманизма и просвещения, противодействовал расширению влияния Ватикана в Российской империи (Каханоўскі Г.А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. Мн., 1984. С. 98; Каханоўскі Г.А. Богуш-Сестранцэвіч С.І.// ЭГБ. Т. 2. Мн., 1994. С. 52).

[43] Памяць. Гомель. С. 123.

[44] Виноградов Л. Указ. соч. С. 24–25.

[45] Жудро Ф. А. и др. Указ. соч. С. 320.

[46] Якімовіч Ю. А. Ільінская царква // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. Мн., 1985. С. 62. № 43.

[47] ЦГИАУ. Ф. 201. Оп. 4. Д. 3750. Л. 7об., 8.

[48] Жудро Ф.А. и др. Указ. соч. С. 321.

[49] Современный Скиток Терешковичского с/с Гомельского р-на.

[50] Грыгаровіч І.І. Назв. праца. С. 98–99.

[51] Лявданский А.Н., Каваленя А.Д. Дневник разведки по Сожу 1936 г. // Архив Института истории НАНБ.

[52] Грыгаровіч І.І. Назв. праца. С. 49–50; ЦГИАУ. Ф. 201. Оп. 4. Д. 3750. Л. 20.

[53] Виноградов Л. Указ. соч. С. 25.

[54] Там же. С. 25.

[55] Грыгаровіч І.І. Назв. праца. С. 53.

[56] У Л.А. Виноградова, называющего старообрядческие монастыри под Гомелем, другие данные об их наименованиях и локализации. Так, Пахомьев монастырь он помещает в Чёнках, а Торловский (т.е. тот же Пахомьев-Торлов) отождествляет с Макарьевым (Виноградов Л. Указ. соч. С.25).

[57] Грыгаровіч І.І. Назв. праца. С. 86–87.

ЗАМОК, ГОРОД И ЕГО ЖИТЕЛИ
в XVI–XVIII веках

Гомель XVI–XVII веков жил трудной судьбою «украинного» города, выполнявшего ответственную функцию форпоста на пути неприятельских армий. В XVI веке под его стенами и в окрестностях не раз появлялись орды крымских татар, в конце XVI – середине XVII веков он страдал от осад казацко-крестьянских хоругвей и российских войск. Нелёгкая участь наложила жёсткий отпечаток на жизнь города и быт гомелян. Второй, после добычи хлеба насущного, их заботой было укрепление и поддержание обороноспособности крепости. Хлопоты об обороне поглощали внутренние силы Гомеля и волости, отвлекали огромные материальные ресурсы и выступали серьёзным тормозом на пути поступательного развития Старого Города. Поэтому облик Гомеля мало менялся на протяжении трёх столетий. Даже к концу XVIII века он так и не вышел из «средневекового состояния», оставаясь малым полуаграрным городком.

Население Гомеля постоянно сокращалось в тяжкие военные лихолетья и сопутствовавшие им голод, эпидемии, пожары (так было в 1530-х, 1580-х, 1640–60-х годах). Естественный прирост городских жителей был невысок, поэтому ряды горожан восстанавливались преимущественно за счёт переселенцев – беглых крестьян, искавших «службы господарской» шляхтичей, казачества, с конца XVII – начала XVIII веков – российских старообрядцев.

Точные цифровые данные **о численности городского населения** в разные периоды его истории отсутствуют. Однако инвентарь 1681 года даёт возможность произвести некоторые подсчёты. Согласно этому документу, в Гомеле насчитывалось 165 дворохозяйств-дымов [1]. Если принять во внимание,

что среднестатистическая семья тогда состояла из 6 членов, то численность хозяев дворов и членов их семей составит около 1000 человек [2]. Однако общее количество горожан, вероятно, было несколько большим. Оно приближалось к 1100 человек (в инвентаре не учтены семьи, не имевшие юридических прав на участки городской земли, а также лица, жившие на земле светских и духовных феодалов). Таким образом, Гомель конца XVII века был скорее не городом, а местечком (ряд исследователей «нижний порог» численности населения города для Великого княжества Литовского определяет в 1500 человек).

Вместе с тем, демографическая ситуация конца XVII столетия едва ли является показательной для XVI и начала XVII веков. Вторая половина XVII столетия – это время страшного разорения и запустения. Их принесло двадцатилетие войн (1648–67 годов) – внутренней и внешней. Известно, что города Полоцкого, Витебского и Мстиславльского воеводства в этот период лишились от 50 до 70 % своих дворохозяйств и населения [3]. Гомель находился в эпицентре боевых действий, а потому его людские потери были особенно велики. Если предположить, что они приближались к максимальным, то численность городского населения на начало XVII столетия можно определить цифрой около 3500–4000 человек. По-видимому, 3–4 тысячи жителей Гомель имел и в сравнительно спокойные для него годы середины XVI столетия.

В XVIII веке городское население росло чрезвычайно медленно. И хотя, как отмечалось, Северная война не затронула города напрямую, её последствия отрицательно сказались и на экономике, и на народонаселении. Большой ущерб Гомелю нанёс и пожар 1737 года. В 1765 году в городе имелось всего 206 дворохозяйств [4].

В момент присоединения к Российской империи (а точнее, по состоянию на 1773–75 годы) в Гомеле было 1889 жителей, в т.ч. 921 мужчина и 968 женщин (включая 207 поселенцев, «непринадлежащих оному городу», т.е. не пользовавшихся городскими правами) [5]. В гомельском предместье Спасова слобода, население которой ещё официально не считалось городским, в те же годы проживало 557 человек, в том числе 287 мужчин и 270 женщин [6]. Таким образом, в конце XVIII сто-

летия в пределах «Большого Гомеля» обитало около двух с половиной тысяч человек. В эти годы количество горожан росло за счёт выходцев из других краёв Беларуси, в документах много упоминаний о таких людях (Лобановский – «мещанский сын из Орши», вдова Матвеева – из Шклова, Кулаченок – из-под Смоленска, Анацкий – «деревни Любовин Чечерской порафии» и пр.) [7].

Население Гомеля было неоднородным по своему имущественному и социальному положению. По отрывочным сообщениям письменных документов и аналогиям из других городов Великого княжества Литовского XVI–XVIII веков можно говорить о том, что верхушку социальной лестницы здесь занимала узкая прослойка богатейших горожан – крупных купцов, ростовщиков, членов городского самоуправления. Вслед за ними шла широкая группа «средних» людей или «поспольства». Её составляли торговцы, ремесленники, промысловики и прочие горожане. Внизу находился городской плебс, беднота – батраки, разорившиеся ремесленники, деклассированные элементы. В документах конца XVIII века упоминались дома гомельских бедняков («хаты бездворные и безземельные»), назывались батраки Хоков, Кисель, работники местных евреев – Василевский, Тутуш, Подъячник, Лесковский, Пилчук. «Отряд» гомельских нищих в первой половине 1770-х годов насчитывал 25 человек [8].

Расслоение горожан в более ранний период, в конце XVII века, прослеживается по количеству находившейся в их владении городской земли (огородов, «волок» и «моргов»). Самые большие усадебные участки в городе в 1681 году имели мещане Василь Свирид, Иван Козелко, Павел и Иван Лысые, Ничипор Дубина, Яско Гавриченок, Фёдор Витало, Левон Янченок, Богдан Сорколет, Кирьян Балбос, Иван Михалович, Ярох Рак и некоторые другие; площадь их наделов превышала владения основной массы горожан в два и даже несколько раз [9].

Мещане составляли большую по численности городскую общину-корпорацию. Необходимость организованной защиты от шляхетского своевольства, обороны своих имущественных прав, создания благоприятных условий для занятий ремеслом, торговлей, промыслами и земледелием способствовала

выработке в белорусских городах вообще, и в Гомеле в частности, традиций мещанского самоуправления. Какие-то его элементы гомеляне могли иметь ещё в древнерусские времена («обычное право» по канонам «Русской Правды»), но за их сохранение и расширение приходилось вести постоянную борьбу. Права на личную свободу горожан (ведь сразу за городскими стенами разливалось бескрайнее море крепостничества) могла дать верховная государственная власть.

Заинтересованные в стабильных поступлениях в казну, великие князья литовские уже в конце XIV столетия выдают некоторым белорусским городам дарственные грамоты на магдебургское право, по которому мещане освобождаются от ряда феодальных повинностей, получают юридически оформленные права заниматься ремеслом и торговлей, устраивать ярмарки, выбирать орган городского самоуправления – магистрат. Магистрат исполняет роль административной власти (не распространяющейся на волощан, духовных и светских феодалов, еврейские общины и некоторые другие категории населения), выполняет судебно-полицейские функции, следит за торговлей и взимает налоги. Магистратом в великокняжеских городах руководит войт, назначаемый великим князем из числа именитейших горожан, реже – выборный. В XIV–XVI веках магдебургское право получают Брест, Полоцк, Гродно, Новогрудок, Могилёв, Орша и другие города, в XVII–XVIII веках практика таких пожалований продолжается.

Конкретные формы и характер органов городского самоуправления Гомеля неизвестны, но в том, что они существовали, сомневаться не приходится.

21 марта 1560 года Жигимонт Август пожаловал гомельским мещанам **городскую печать** с изображением креста и надписью на латинском языке **«Герб города Гомеля»**. Печать позволяла горожанам без вмешательства посредников (местной государственной администрации и шляхтичей, пользовавшихся собственными печатями) вступать в имущественные и другие отношения между собой, с великокняжеской и местной властью, жителями других поселений княжества. Как полагает белорусский историк М.Ф. Спиридонов, обнаруживший в архиве текст этого королевского привилея, гомеляне пользовались печатью не только до присоединения

Гомеля к Российской империи, но и вплоть до передачи города Екатериной II графу П.А. Румянцеву-Задунайскому (1776 год) [10]. Печать с гербом являлась важным подтверждением признания верховной властью определённых прав гомелян на самоуправление.

Само изображение старейшего гомельского герба не найдено. Белорусский историк А.К. Титов предложил его реконструкцию. По мнению учёного, изображение креста свидетельствует, что владельцы герба являлись носителями христианских ценностей и были готовы на самопожертвование в борьбе за них. Цветовые характеристики гомельского герба предположительно следующие: крест – белого цвета, что соответствует цвету креста святого Георгия, а поле – красное. Именно эти цвета часто использовались в белорусской геральдике XVI века [11].

Выше уже упоминалось, что в 1670 году король Михаил Корибут-Вишневецкий дал горожанам право на свободную торговлю и свободный же провоз товаров [12].

Существование в Гомеле (по крайней мере, в конце XVII века) какого-то органа мещанского самоуправления подтверждается упоминанием в инвентаре 1681 года «меского войта» [13]. Впрочем, в 1773–75 годах гомельские горожане определялись как «мещане-земледельцы, не пользующиеся правом магдебургским» [14], что не исключает возможности наличия у них такого права в более раннее время.

Определённую часть населения Гомеля составляли «служилые» люди, которые образовывали особую, отличную от мещан, сословную группу. В неё входили слуги старостинской администрации, замковые пушкари, военнослужащие (жолнеры, казаки) гомельского гарнизона и прочие.

Привилегированную часть населения города образовывали представители феодального сословия – шляхта и духовенство, владевшие большими и лучшими участками городской земли, богатыми домами и челядью. Шляхтичи пользовались широкими правами во всех областях общественной жизни, не подчинялись городскому суду и, в отличие от мещан, не платили поземельного налога. Права феодалов охранялись действовавшим законодательством и великокняжескими (королевскими) грамотами-привилеями. Гомельская шляхта, как и вся белорусская, несла свою службу, в первую очередь

военную, королю, что считалось и почётной обязанностью и привилегией.

Обширные участки в городе и рядом с ним в конце XVII века имели паны Михал Кицложевский, Красовский, Ян Фащ, Руцкой, Самуэл Усцинович, Левоновичи, а также гомельские церкви [15]. Семейства Левоновичей (Леоновичей), Усциновичей (Устиновичей) и Фащей (Фаштов, Хващей) – старейшие гомельские шляхетские фамилии, потомки местных бояр XV–XVI столетий, сохранявшие свои владения в городе и округе вплоть до начала XX века [16].

Левоновичи вели родословную от боярина Левона Григорьевича Волка, который в 1560 году «держал за листом господарским до воли и ласки господарское» пахотные земли и сеножати Лавровскую, Хотеевскую и Сабельниковскую при селе Озарчичах (Азаричах) и, на тех же условиях, землю Палуевскую «при месте Гомельском» [17]. Согласно привилею Жигимонта Августа от 9 августа 1560 года Левоновичи получили права на владение двумя дворами в самом Гомеле [18]. К концу XVIII столетия обширные земельные владения Левоновичей имелись в селениях Высокая, Слобода Поташева (Флориан Волк Левонович) Рогачёвского и Азаричи, Кожановка, Серовка, Плутовка (Кирилл, Флориан, Николай, Бернард, Матвей, Иван, Осип Левоновичи) Белицкого уездов [19].

Родословное древо **Фащей** не менее древнее. Оно восходит к боярину Яну Фащу. В 1560 году он «держал» пашни, сеножати, дани медовые в урочищах Сутызинская и Заньковская земли при селе Носовичи и остров Дуровицкий («за датою и листом господарским, до живота своего, а по его животе его жона и дети мают держати, а с того господару его милости мает ку службе земской коня ставити») при селе Юрковичи на Соже [20]. Новые пожалования Фащу были сделаны в Гомеле и окрестностях в 1562 году [21]. Права на владения двумя дворами в Гомеле, согласно привилею Августа III от 5 ноября 1762 года, получил Александр Фащ [22]. В документе 1773–75 годов шляхтич Фащ назван «паном судьёй» [23]. К концу XVIII столетия земельные владения Фащей чрезвычайно разрослись и имелись в Дуравичах, Поповке, Пышновке Рогачёвского и Головинцах, Луковье, Губине-Хоропутье, Носовичах, Грабовке, Маковье Белицкого уездов [24].

Бояре **Устиновичи** получили 3 двора в Гомеле по привилеям Жигимонта Августа от 10 марта 1555 года и Яна II Казимира от 6 февраля 1664 года [25]. В конце XVIII столетия эти шляхтичи уже владели землями в деревнях Кириятовка, Ухова, Шиловичи (Осип, Фёдор) Рогачёвского и Чонох, Севруки (Ефросинья), Любны (Иосиф, Фёдор) Белицкого уездов [26].

Большинство жителей города были этническими **белорусами**. Почти все фамилии горожан 1681 года имеют «белорусское звучание»: Кутченок, Филонович, Шпак, Янченок, Гавриченок, Левоненок, Цит, Журавленок, Сидоренок, Борисенок, Дайнека, Вереценник, Гапоненок. Местное происхождение этих и сходных с ними фамилий подтверждают и прозвища жителей тогдашних гомельских сёл: Климович, Апонасенок, Левоненок, Гапоненок, Миронович, Маланка, Кравченок, Семененок и прочие. Интересно, что среди фамилий гомелян конца XVII века (как, впрочем, и XVIII столетия) совершенно нет прозвищ с корнем «гом» (якобы «присущих» коренным гомельчанам). Самыми распространёнными 300 лет назад фамилиями являются Кричевец, Жихарь, Свириденок, Дубина. Гомеляне предпочитают называть детей Иванами, Фёдорами, Андреями, Левонами; распространены также имена Яська, Аврама, Василя, Гришки, Яхима (Евхима), Кузьмы, Максима, Ничипора, Павла, Семёна, Цимоха, Янки (Яна). За столетие до того (в 1560 году) наиболее популярными именами гомельских волощан были Иван, Фёдор (Федько), Василь (Васько), Михал (Мишко), Яков, Стефан (Степан). Женские имена менее известны; в инвентаре 1681 года встречаем Гасю и Регину [27]. В конце XVIII столетия белорусские фамилии среди гомельских мещан также преобладают. На страницах документов 1770-х годов находим Жихаря, Кричевца, Дубину, Кудиновича, Аксамита, Соркалета, Шелабаса, Мурашку, Зезюлю, Могилевца, Киселя, Алферовича, Гробаря, Горбача, Мамановича и прочих [28].

В XVI–XVIII столетиях ряды городского населения «подпитывались» за счёт выходцев из русских земель. Доля **великороссов** была сравнительно скромной и далеко неодинаковой в разные периоды истории. Наиболее благоприятными для переселенцев из России были первые десятилетия XVI века, когда город находился в составе Московских владений. Здесь могли оседать торговцы, ремесленники, беглые крестьяне,

стрельцы-пищальники, заводившие семьи по месту службы. Волей судьбы русских людей забрасывало сюда и позднее – на протяжении XVII столетия. В инвентаре 1681 года находим лишь единичные фамилии с «русским звучанием» (Гришков и др.). Больше прозвищ такого рода встречаем среди жителей окрестных сёл: Иван Дедов (Поколюбичи), Семён Огеев и Павел Максимов (Корма), Алексей Герасимов (Добруша), Иван Макаров (Романовичи), Андрей Иванов, Иван Абакумов (Прибытковичи), Сава Карпов (Озарчицы) и др [29]. Русская часть населения заметно пополняется в XVIII столетии вместе с оседающими в Гомеле (преимущественно в Спасовой Слободе) и окрестностях великороссами. Это – староверы. выходцы из Орловской, Тверской, Нижегородской, Калужской и других российских губерний. Так, среди населения Спасовой слободы 1770-х годов упоминаются Хатунцев – «родиною из Калуги купецкий сын», Гридинов – «родиною из г. Курска с. Мерча государевой дворцовой волости». Здесь же была работница Иванова из Твери, Рушанинов из Ржева, Афанасьев – купеческий сын из Калуги, монахи из Новгорода, Малоярославца, Коломны и пр. Среди мещан: Пацкой – уроженец села Белый Колодезь под Курском. Тутуш – «из города Мещевска деревни Вербиново помещика Лупухина» [30].

Какие-либо количественные подсчёты соотношения белорусского и русского населения в городе (при резком преобладании первого), ввиду отсутствия сколь-нибудь определённых указаний исторических документов, некорректны. То же можно сказать и о численности **выходцев с Украины** («Малороссии»). Несомненно, таковые были здесь и в XVI, и в XVII столетиях. Однако распознать украинцев на основании приведенных в источниках фамилий едва ли возможно: слишком близки прозвища украинцев и белорусов. Более определённо можно говорить об украинской «диаспоре» в Гомеле в конце XVIII века. Так, «Поголовный список» 1773–75 годов называет гомелян-переселенцев из Седнева под Черниговом, из Киева, Белой Церкви и других [31].

Переселенцы из Польши активно проникают в Гомель с конца XVI столетия, после Люблинской унии, но особенно интенсивным их поток становится в конце XVII века. Впрочем,

в 1681 году общее число поляков и ополяченных белорусов в городе составляло менее одного процента. К их числу в основном относились лица шляхетского сословия: Кицложевские, Красовские, Плеские, Руцкие и др. В первой половине 1770-х годов «живущим в городе католицкого закона» принадлежало 18 домов, где проживало 67 человек (шляхтичей и католических священников) или около 3,5 % общей численности населения (Селицкие, Карповичи, Поплавские, Страчевские, Шелдзиковские, Ролницкие, Езерские, Завацкие, Романовские и пр.)[32].

Старейшую этноконфессиональную группу гомельского населения образовывали **евреи**. Следует предполагать, что первые евреи появились здесь ещё во времена Киевской Руси, а новый приток их наметился во времена правления Витовта. Первые известные автору упоминания о гомельских евреях в исторических документах относятся к середине XVII столетия. После резни, учинённой в городе казаками Небабы, немногие оставшиеся в живых евреи, вероятно, бежали подальше от злополучной «украйны». Так, из 165-ти дворохозяйств, имевшихся в Гомеле в 1681 году, евреям принадлежало только два (Кальмана и Иуды Кальмановича).

К 1770-м годам еврейская община заметно выросла. Тогда ей принадлежали около 70-ти дворохозяйств (по другим данным – 60 дворов и 56 «бездворных» изб), а количество членов составляло 596 человек, т. е. около 32 % населения собственно города или около 24 % населения «Большого Гомеля». Документы тех лет называют Цолку Залменовича («уехал в Польшу для торгу»), вдову Мовшову из Лоева, Наусевича, Лейбовича, Абрамовича и других [33]. Среди гомельских евреев были как крупные (которые держали наёмных работников), так и мелкие торговцы, ремесленники, малоимущие, бедняки, священнослужители.

В соответствии с законодательством Великого княжества Литовского евреи, жившие в белорусских городах, образовывали не только отдельную сословно-конфессиональную, но и одновременно податную группу населения, права которой охранял и представлял кагал (кегила). Кагал – это община, единица социальной организации еврейства, в рамках которой развивалась особая культура с языком идиш в качестве

средства общения и ивритом как языком образования, делопроизводства, иудейской религии. Кагал занимался сбором налогов, решал все общественные и религиозные дела евреев. В 1770-х годах духовным главой гомельского кагала был раввин (раби) Давидович [34] – высший служитель культа, судья по вопросам веры и семейной жизни евреев.

Документальные материалы позволяют нам представить в общих чертах внешний облик Гомеля и характер его застройки в XVI–XVIII столетиях. Городская территория в то время охватывала лишь незначительную часть центра современного города и включала пространство между оврагами Киевский спуск и Гомеюк (сейчас на остатках его русла находится Лебединое озеро, устроенное при И.Ф. Паскевиче). С других сторон город ограничивался руслом Сожа и местностью, где сейчас проходит ул. Трудовая. С юга, запада и севера к собственно городу примыкали предместья.

«Сердцем» Гомеля был хорошо укреплённый деревянный **замок**, предыстория которого уже к XVI столетию насчитывала немало веков. Его далёким предшественником был древний радимичский град, на месте которого позднее существовал детинец Гомия эпохи Киевской Руси. Как и первоначальные городищенские укрепления, позднейшая крепость располагалась на мысу, образованном высокими коренными берегами Сожа и Гомеюка (сейчас на этом месте – здание областного краеведческого музея). Эти обрывы, обильно политые кровью ратных и мирных людей, «помнят» штурм города войсками Радзивилла 1535 года, осаду московских стрельцов 1581-го, «облоги» казацко-крестьянских отрядов середины XVII столетия...

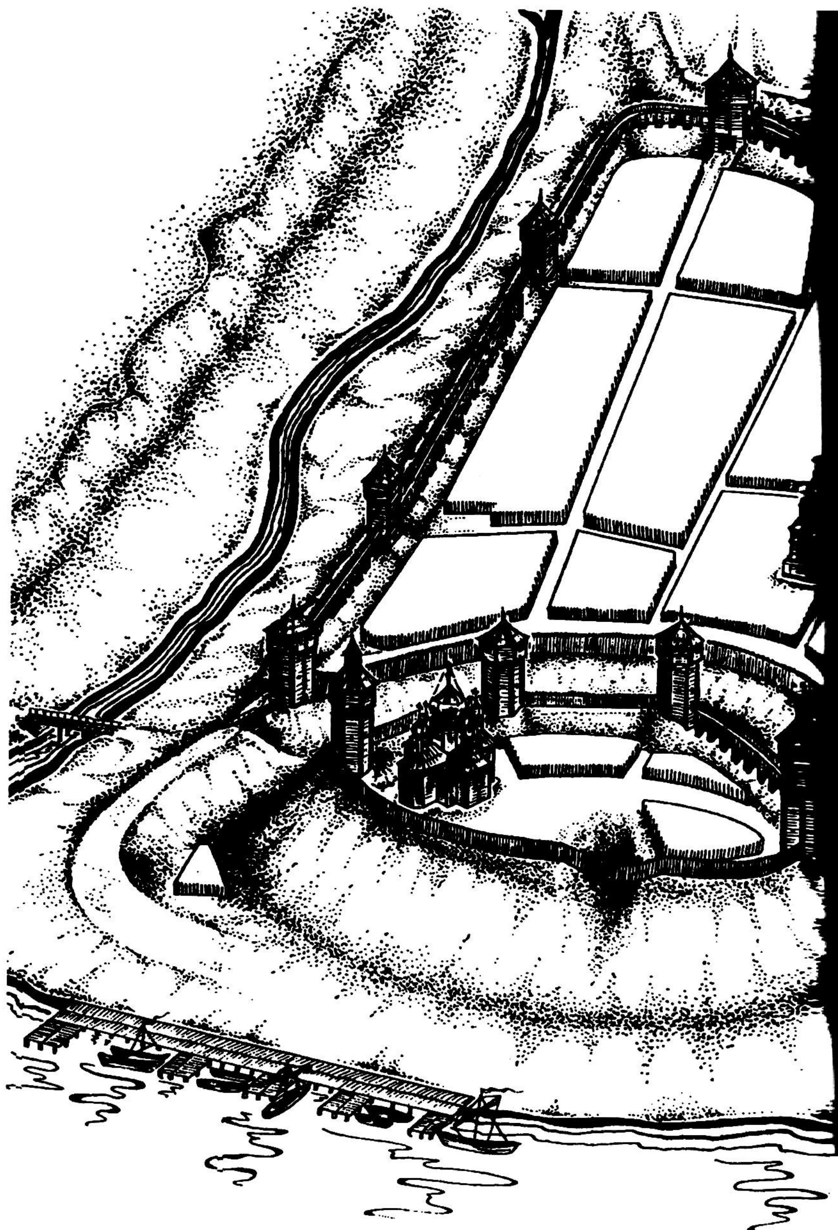
Укрепления замка XVI–XVIII веков в виде земляного вала защищали небольшую цитадель площадью около полутора гектаров (возможно, в XVI столетии она была ещё меньшей). Вокруг вала подковой шёл широкий ров многометровой глубины. Поверх вала в XVI веке (как свидетельствует изображение на карте того времени) располагались высокие деревянные стены с зубчатыми бойницами для пушечного боя, перекрытые крышей. Основу стен мог составлять частокол или более совершенная конструкция – приставленные друг к другу дубовые рубленые клети-городни в два яруса, имевшие боевую галерею для воинов – «бланкованье».

Наиболее уязвимые, а также угловые участки крепостной стены завершались башнями разной высоты (в т. ч. трёхъярусными). Самой ответственной в обороне замка была проездная башня с воротами (брама) и подъёмным мостом («узводом»). Стены и башни были покрыты толстым слоем глины, предохранявшим их от гниения и придававшим замку внешнее сходство с каменной крепостью. В замке имелся подземный ход, который вёл к Сожу и использовался во время вражеских осад для тайных вылазок против неприятеля и пополнения запасов воды [35].

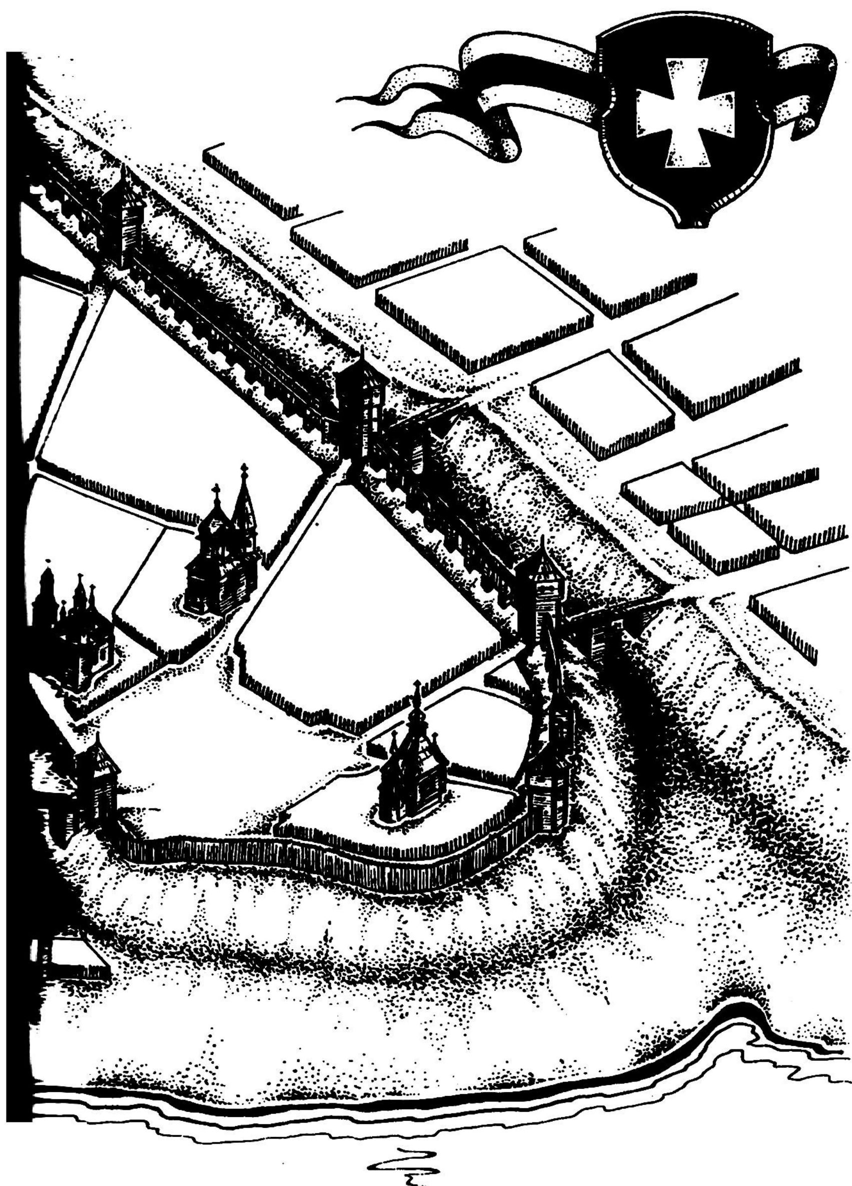
Замок неоднократно горел и перестраивался. В конце XVII века его оборонительные сооружения состояли из достаточно простой деревянной стены – палов (палисада), т.е. вкопанных вертикально двумя параллельными рядами толстых дубовых брёвен, пространство между которыми было плотно забито грунтом. В стену было также включено 11 избиц, т. е. двухъярусных срубов-городен, нижний этаж которых во время осад могло занимать гражданское население со своим имуществом, а верхний – использовался в качестве помоста для воинов [36].

Площадка внутри замковых укреплений была достаточно плотно застроена различными деревянными зданиями административного, жилого, хозяйственного и культового назначения. Что они представляли в конце XVII столетия, показывают письменные документы [37].

В центре крепости размещалось богатое хоромное строение с многочисленными комнатами, кафельными печами и галереями. Этот и второй, вновь отстроенный дом, служили резиденцией старост и прочих чиновников местной администрации. В замке имелись «коморы» – помещения для хранения разного имущества, «избы» слуг, погреба, в т. ч. винный – «пивница», ледник. Были здесь кухни, сараи, амбары, конюшни, винокурня-пивоварня (бровар), баня, другие постройки (нередко двухэтажные), необходимые для обслуживания хозяев замка и использовавшиеся воинским гарнизоном. В замок можно было попасть только через одну браму, ворота которой были снабжены надёжными запорами. Рядом размещалась тюрьма. Наиболее, пожалуй, примечательным строением здесь была деревянная Николаевская соборная церковь.

Гомель в XVII веке. Реконструкция

[redacted]*пора. Рисунок Ю.М. Лупиненко*

Несмотря на значительные перестройки, реконструкции, основной комплекс замковых строений и элементов укреплений сохранялся и позже, вплоть до конца XVIII столетия – времени строительства каменного дворца П.А. Румянцева-Задунайского. Об этом, в частности, свидетельствует описание замка, «сочиненное» в Гомеле в марте 1776 года могилёвским губернским секретарём Львом Новиной-Гулевичем [38]. Последнее строительство в замке велось в 1737 году по поручению старосты М.Ф. Чарторыйского, когда заложили новую дубовую крепость с башнями, стенами, бойницами, углубили рвы и поправили подъёмный мост [39]. Окончательно же замковые укрепления были разобраны и срыты между 1780 и 1785 годами [40].

В Гомельском замке хранился и при необходимости пополнялся арсенал («муниция»). В XVI столетии на вооружении войска Великого княжества Литовского имелись различные виды огнестрельной и холодной «зброи». Самым простым ручным огнестрельным оружием был железный «кий» – трубка с отверстием в казённой части для зажигания пороха. В середине XVI века кий сменили гораздо более совершенные гаковница, ручница и аркебуза.

Гаковница (пищаль затинная) – это ружьё крупного калибра, длиной до 1,8 м, весом до 25 кг. При выстреле она давала сильную отдачу, поэтому её крепостные разновидности устанавливались на упорах при помощи крюка («гака»). Для воспламенения порохового заряда использовался фитильный замок. Гаковницы стреляли железными и свинцовыми пулями диаметром от 2 до 3,3 см. Аналогичный замок имела и ручница – более лёгкое и удобное ружьё меньшего калибра (пищаль ручная). Аркебузы – испанские по происхождению ружья – имели калибры 12,5 и 18,5 мм (дальность выстрела около 250 м) и часто снабжались более совершенными колесцовыми и ударно-кремневыми механизмами [41].

Важнейшим средством обороны любого замка были артиллерийские орудия («дела», «арматы»). После 1540 года Гомельский замок получал их из Виленской людвисарни. Большинство пушек XVI столетия заряжалось со стороны дула. Ядра были каменными, бронзовыми, железными. Их разновидности – разрывные, зажигательные, шрапнель, кар-

течь, гранаты. Орудия XVI века делились на длинноствольные (фельдшланга, фалькона, квартшланга, фальконет, серпантина), среднествольные (шарфмета, картавуна, соловей) и для стрельбы каменными пулями. Вес ствола самых крупных пушек достигал 111 центнеров, а вес ядер – 124 фунтов. Самыми легкими были серпантины, имевшие 2,5-центнеровый ствол и полуфунтовые железные ядра. От быстрой стрельбы ствол орудия сильно накалялся и мог треснуть, поэтому, когда он разогревался до голубого свечения, выстрелы прекращали. Серпантины могли делать до 80 выстрелов в день, а самые крупные орудия – только до 20 [42].

В спокойном для Гомеля 1681 году в арсенале его замка хранилось всего 5 пушек – 3 «дела» бронзовых, 1 железное «доброе» и 1 «дельце» железное испорченное. К ним имелись 23 железных ядра. Кроме того, здесь были 6 гаковниц, 11 мушкетов, 3 гусарских шлема-шишака. Особую разновидность огнестрельного оружия представляли 11 органков (или органов). Органок-орган – многоствольное оружие, стволы которого размещались горизонтально в несколько ярусов на специальном станке. Гомельские органки были составлены из мушкетных стволов. К ручному огнестрельному оружию в арсенале имелись 3394 свинцовые пули. В замке было немало пороха и 5 больших кусков свинца [43]. Этого оружия было вполне достаточно для противостояния бандам разбойников, но во время ведения боевых действий в условиях войны замковый арсенал бывал значительно более внушительным.

В крепостных амбарах постоянно хранились и пополнялись запасы зерна: ржи, ячменя, овса, пшеницы, гречихи. Создавались они за счёт королевских налогоплательщиков и эксплуатации замковых пашен. В 1681 году замок имел несколько пахотных полей, в т. ч. в урочище Волосково (где-то к северу от тогдашнего города, возможно, в районе современного Прудка), сеножати Буковину и Мотриковище на левом берегу Сожа, сданные в аренду мещанам рыбопромысловые озёра и пруды Русалну, Сатан (современное название – Сетин, у Поколюбичей), Броню, Авлуково, Беседку, Чёрное (т. е. Любенское), Узкое (в левобережье Сожа близ нынешней Новобелицы), Глушец (у Старых Дятловичей), Козары (при устье Терюхи), Деднова («на пана подстаросту»; теперь – Дедно у речного порта) и другие.

К замковому хозяйству относилось шесть мельниц – на реке Мильче, в селе Волковичи, Прибытковичи, на Узе близ Бобовичей и две – близ села Юрковичи (ныне Старые Юрковичи в Брянской области)[44]. Одним из старейших был «млын замковый» у Бобовичей, упомянутый ещё в реестре ревизии 1560 года[45]. Гомельские мельницы были водяными и применялись, как можно догадываться, не только для размола зерна, но и солода, распиловки леса и т. д. Мельница была достаточно сложной машиной, имевшей двигатель, передаточный механизм и рабочую машину. Для работы мельничного колеса сооружалась плотина, вода из которой подавалась на колесо по специальным деревянным лоткам. Часть деталей мельничной конструкции изготавливалась из железа.

Составной частью замкового хозяйства были также две водяные механические сукновальни, располагавшиеся на Ути в селе Прибытковичи и на реке Узе. Важную роль в экономике города играли железоделательные заводы-рудни в Юрковичах (Старых) и Марковичах, устроенные вблизи обширных залежей болотных руд. Рудни XVI–XVII веков состояли из двух производственных помещений. В первом размещались плавильные печи для разогрева руды и варки кричного железа. К печам подводились меха, приводившиеся в движение водяными колёсами. Здесь же полученный кричный металл обрабатывался большими и малыми молотами. Второе производственное помещение рудни – сама кузница, где уже изготавливали разнообразные железные изделия.

Таким образом, замковое хозяйство было весьма обширным и выходило далеко за пределы городских стен.

Замок был «сердцем» и «головой» города, а его «телом» и «руками» – **место** (собственно город). Место примыкало к замку и, будто цепями, охватывалось двумя древними, естественного происхождения, оврагами – Киевским спуском и Гомеюком, эскарпированными трудом военных строителей эпохи средневековья и приспособленными для нужд города в качестве мощных оборонительных рвов. Верховья этих оврагов ещё в XII–XIII столетиях были соединены искусственным рвом (примерно по трассе нынешней ул. Трудовой). Кроме того, по периметру места шёл насыпной вал с деревянными крепостными сооружениями. Площадь места

(в границах городских стен) составляла в XVI–XVIII столетиях около 10 га.

Документальные известия о городских укреплениях восходят к 1561 году. Гомель был обнесён валом, на котором стояли стены-городни. Въезд и выезд осуществлялись через брамы Чечерскую, Могилёвскую, Речицкую. Водная брама выводила на городскую пристань. Через ров возле брам были переброшены подъёмные мосты[46].

Описания городских укреплений конца XVII века свидетельствуют, что около места проходил искусственный ров, имелись три деревянные брамы (названы Чечерская и Речицкая) с «воротами, пробоями, крюками и замками висячими». Город был окружен дубовыми стенами-палами и двухъярусными городнями-избицами[47].

Стратегическое значение оборонительные сооружения города начали терять в начале XVIII века. В конце столетия они уже не существовали, а остатки крепостного рва были окончательно засыпаны в начале XIX века.

В XVI–XVIII столетиях город имел достаточно чёткую радиально-полукольцевую планировку и усадебно-уличную застройку территории. Главные улицы (а их было 5) веером расходились от замка к напольному оборонительному поясу, где завершались проездными и «глухими» башнями. Этот характер планировки восходил к более ранним временам и был чрезвычайно консервативным на протяжении столетий.

Важнейшим участком города была его торговая **площадь-рынок**, располагавшаяся к северу от замка, сразу за крепостным «узводом» (сейчас здесь, между усадьбами областного музея, Петропавловского собора и часовней-усыпальницей, шумят вековые деревья парка). Рынок занимал площадь свыше пяти тысяч квадратных метров [48]. На нём размещались торговые ряды и склады для товара – деревянные «коморы». В 1681 году их было 16; за право пользования ими горожане сообща платили в господарскую казну 4 злотых. Здесь же, на рынке, располагалось специальное помещение, где бережно хранились две гири – весовые эталоны. Первая гиря была «перетянута железным прутом» и содержала в себе «осьмушку старую гомельскую, имеющую в себе гарцев двадцать девять», вторая – имела половину веса первой [49].

К 1776 году число купеческих лавок на гомельском рынке увеличилось в два раза [50]. Торговую площадь «хранили» два храма во имя Божьей Матери – православный у обрыва к Сожу и католический.

Одной из старейших улиц, попасть на которую можно было, выйдя из замковой брамы и пройдя через рынок, считалась улица **Чечерская** [51]. Начиналась она приблизительно у нынешней усадьбы Петропавловского собора и заканчивалась немногим более чем через 100 м Чечерской же брамой в системе городских укреплений (у того места, где сейчас начало ул. Советской). Вне города улица переходила в шлях, который вёл в сторону королевской Чечерской волости. В 1681 году на Чечерской размещались всего 15 дворохозяйств, а также корчма и больница [52]. К числу привилегированных районов она явно не принадлежала: здесь проживали мещане Рудак, Кутченок, Керной, Шпак и прочие. Документы 1765 и 1770-х годов также упоминают эту улицу [53].

Если вернуться к замку и «пройти» метров 30 вдоль крепостной стены, то можно «попасть» на **улицу Троицкую**. Шла она почти параллельно Чечерской и упиралась в систему городских укреплений в том месте, где сейчас сквер у здания областного драматического театра. В конце XVII века на Троицкой было чуть больше полутора десятка дворов и стояла Троицкая церковь. Этому храму и была обязана улица своим названием. Церковь располагалась почти у самых стен замка.

Следующая **улица – Спасская** – также обязана названием старейшей церкви (никакого отношения к старообрядческой Спасовой слободе она не имела), которая размещалась (согласно данным 1681 года) в самом начале улицы. Спасская шла от замка до места современной усадьбы областного драматического театра. В 1681 году на ней находились около двух десятков дворов, костёл. Обширными участками городской земли владел здесь пан Красовский [54].

«Двигаясь» далее против часовой стрелки вокруг замка, можно «увидеть» **улицу Корниловскую**. Она шла от здания бывшего Дворца пионеров к зданию предприятия связи «Гомельоблтелеком». В конце XVII века Корниловская была сравнительно большой – на ней размещались 28 усадеб,

в т. ч. дворы панов Левоновичей, Михенкевичей, Плеских, Руцких. В документах конца XVIII столетия эта улица не упоминается, вместо неё фигурирует Декановская. Не исключено, что Корниловская и Декановская – это один и тот же городской район, но для окончательных суждений по данному вопросу требуются дополнительные исследования [55].

Самая многолюдная **улица** XVI–XVIII веков – **Речицкая**. В 1681 году на ней было 40 дворовладений. Длинной стрелой тянулась она вдоль Гомеюка (позднейшего Кагального рва) по верхней береговой террасе. Начиналась она близ нынешней башни музея и шла приблизительно по линии – здание бывшего кинотеатра им. А.Исаченко – здание облисполкома, где и заканчивалась Речицкой брамой. Эту улицу в определённой мере можно считать исторической предшественницей бывшей Замковой (проспекта Ленина). За пределами города улица выводила на шлях, шедший через леса и болота в сторону поветового города Речицы.

К собственно городской территории с юга, запада и севера примыкали **предместья**, не имевшие собственных поясов обороны. Первоначально они заселялись малоимущими, беглыми крестьянами и прочими пришельцами, которые не могли приобрести участки городской земли, защищённые крепостными стенами.

В документе конца XVII века упомянуты два городских предместья, не имевшие собственных названий. Первое поименовано «дымами около острога», второе – «дымами над Сожем под горой за острогом». Первое предместье насчитывало 38, второе – 8 дворов. Инвентарное описание города составлял, скорее всего, замковый писарь («смотревший» на город из замка). Поэтому можно предположить, что «дымы около острога» – это предместье, формировавшееся за брамами Речицкой и Чечерской. В таком случае «дымы под горой» – это усадьбы в «нижнем» городе, т. е. на самом берегу реки.

К концу XVIII столетия предместья сильно разрослись и уже охватывали районы современных улиц Билецкого, Баумана, Ланге, Крестьянской, Артёма, Волотовской, Пушкина, отчасти – Советской, Кирова, проспекта Ленина, Интернациональной, Пролетарской. Во второй половине XVIII века

вне старых городских укреплений существовали улицы Застрожье, Забрамская, Речицкое подвалье и другие. Всего на плане города 1799 года уже обозначены около 16 улиц и до десятка переулков.

Важной частью городской топографической структуры была речная **пристань**, которая располагалась где-то близ подножия замка, возможно, в устье оврага Гомеюк. Здесь же находилась и городская паромная переправа, упомянутая в документе середины XVII века.

История распорядилась так, что в связи с началом «регулярной» застройки в первой половине XIX века исторический центр города изменился неузнаваемо. Коренным образом ломается очертание уличной сети, ведётся грандиозное, невиданное ранее каменное строительство. С разбивкой великолепного княжеского парка бесследно исчезают старинные улицы Троицкая, Спасская, Корниловская. Сейчас над трассами этих древних артерий шумит парк и лежит асфальт центральной площади. Чечерскую ждала такая судьба: её старейший, основной отрезок исчез, а продолжение. которое шло за пределами городских фортификаций, получило в дальнейшем название Пробойной, позднее – Румянцевской и Советской. От трассы Речицкой, вероятно, также остался небольшой, когда-то загородный участок, который и в наши дни носит то же имя – улица Речицкая.

Главным элементом застройки улиц города были усадебные владения. Мещанская усадьба занимала определённый участок городской территории («плац»), состояла из срубного деревянного дома, хозяйственных построек. Здесь имелись сараи, у некоторых мещан – бани, хлева, мастерские, «шпихлеры» (складские помещения), винокурни, пивоварни и др. Дома имели крыльцо-ганок, сени, глубокие хозяйственные подполья, как правило, несколько комнат и глинобитные (с конца XVI века часто украшенные изразцами) печи. Дома зажиточных горожан и шляхты отличались изысканной архитектурой, крупными размерами, повышенной этажностью. Для них характерны кирпичные печи с дымоходами, застеклённые окна. «Именитейшие» горожане предпочитали владеть усадьбами в южной и юго-западной части места (по Речицкой, Корниловской и Спасской).

Важнейшую роль в жизни городского организма играли ремесленные и промысловые занятия его жителей. Археологические находки показывают, что в XVI–XVIII веках в Гомеле получили развитие различные направления кузнечного, слесарного, оружейного, кожевенного, сапожного и ювелирного дел, гончарного производства (в т. ч. изготовление печных изразцов), строительства, ткачества, изготовления пищевых продуктов и т. д. Сообщения письменных документов говорят о развитии местного винокурения и пивоварения, производства пороха и огнестрельного оружия. В документе 1681 года упомянуты мещане-мельники и замковые рыбаки, 1770-х годов – пушкари, кузнецы, иконописец, писарь, перевозчик, плотогоны, ювелиры (злотники и серебренники). Определённую информацию о занятиях гомелян дают их прозвища. Так, среди горожан можно распознать портных (Швец), мясников (Резник), столяров (Цесла), кузнецов (Коваль), слесарей (Котляр), оружейников (Пушкарь) и прочих.

---

[1] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.4–10.

[2] Или же несколько меньше, т. к. некоторые гомеляне владели сразу несколькими домами. Впрочем, в какой-то мере это обстоятельство компенсируется фактом проживания в ряде усадеб двух и более семей.

[3] Нарысы. Ч.I. Мн., 1994. С.252.

[4] Ткачёв М.А. Замки Белоруссии. Мн., 1987. С.72.

[5] ЦГИАУ. Ф.201. Оп.4. Д.3750. Л. 4об.–5.

[6] Там же. Л.8.

[7] Там же. Л.3об.–4об.

[8] Там же. Л.3об.,4об., 64.

[9] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.4–7об.

[10] Спірыдонаў М. Гербы гарадоў феадальнай Беларусі// Маладосць. 1990. № 12. С. 156–163; Гомель. Энциклопедический справочник. Мн., 1991. С.131–132.

[11] Цітоў А. Герб Гомеля // Вячэрні Гомель. 1994. 14 кастрычніка.

[12] Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М., 1900. С.21. Прим.40.

[13] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.9.

[14] ЦГИАУ. Ф.201. Оп.4. Д.3750. Л. 4об.

[15] Там же. Л.4–15.

[16] Первоначально воины-рыцари Великого княжества Литовского назывались боярами, с начала XV века – также и шляхтичами, а ещё позднее и земянами. Крупные земельные собственники, имевшие вассалов, уже с начала XV века титуловались польским по происхождению титулом «пан», которое передавалось по наследству (Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 15–127).

[17] АВАК. Т. XIII. Вильна, 1886. С.360.

[18] Памяць. Гомель. У 2-х кнігах. Кн. I. Мн., 1998. С. 126

[19] ЦГАДА. Ф.16. Д. 763а. Л.160об.,173.

[20] АВАК. Т. XIII.С.358, 373.

[21] Жудро Ф.А., Сербов И.А., Довгялло Д.И. Город Гомель. Географическо-статистический очерк // ЗСЗОРГО. Кн.2. Вильна, 1911. С.308.

[22] Памяць. Гомель. С. 126.

[23] ЦГИАУ. Ф.201. Оп.4. Д. 3750. Л.4 об.

[24] ЦГАДА. Ф.16. Д. 763а. Л.167об.,176об., 177.

[25] Памяць. Гомель. С. 126.

[26] ЦГАДА. Ф.16. Д. 763а. Л.167, 175об.

[27] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.4–27.

[28] ЦГИАУ. Ф.201. Оп.4. Д. 3750. Л.1–4; Памяць. Гомель. С. 118–124.

[29] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.4–20об.

[30] ЦГИАУ. Ф.201. Оп.4. Д. 3750. Л.4–8.

[31] Там же. Л. 3об.–5об.

[32] Там же. Л. 3, 4об.

[33] Там же. Л. 3, 4об.

[34] Там же. Л. 3, 4об.

[35] Некоторые сведения о Гомельском замке автор почерпнул у М.А. Ткачёва (Ткачёв М.А. Указ. соч. С.65-71).

[36] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.1.

[37] Там же. Л. 1–5.

[38] Памяць. Гомель. С. 123–125.

[39] Ткачёв М.А. Указ. соч. С. 72.

[40] Там же. С.72–73.

[41] Энцыклапедыя археалогіі і нумізматыкі Беларусі. Мн., 1993. С.25, 149.

[42] Ткачоў М.А. Артылерыя // ЭГБ. Т.І. Мн., 1993. С.157–159.

[43] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.2; Арган // ЭГБ. Т.І. С.141.

[44] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.2об–3об.

[45] АВАК. Т. XIII.

[46] Ткачёв М.А. Замки Белоруссии. С.68.

[47] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.2.

[48] Согласно «Плану местечка Гомля, нынешнего его положения, со всею подробностью» 1799 года. Копия плана хранится в Гомельском областном краеведческом музее.

[49] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.4.

[50] Памяць. Гомель. С. 125.

[51] Локализация старейших, существовавших до «румянцевских» перепланировок начала XIX века улиц Гомеля является достаточно сложной проблемой, решение которой требует комплексного исследования историко-географических, историко-картографических и археологических источников. Первая «идентификация» средневековых гомельских улиц, опирающаяся на научные данные, предложена автором в начале 1990-х гг. См. публикации в «Гомельскай праўдзе»: «З гісторыі гомельскіх вуліц» (15 студзеня 1991 г.), «Ісціна ляжыць на паверхні , або аб тым, як весці дыскусію аб ранейшых гарадскіх назвах Гомеля» (8 жніўня 1991 г.).

[52] Корчма – традиционное заведение в белорусском городе, которое давало стабильные доходы в пользу государства или феодального владельца. Первое известное автору упоминание о гомельской корчме относится к 1560 году (АВАК. Т.XIII. С.377.).

[53] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.4; ЦГИАУ. Ф.201. Оп.4. Д. 3750. Л.1.

[54] НИА РБ. Ф.694. Оп.7. Л.5об.-6.

[55] Там же. Л.6. Согласно инвентарю 1681 года Спасская церковь находилась на одноимённой улице, в документе же 1776 года она помещена на Декановской. Объяснить это «разночтение» можно по-разному: а) церковная усадьба изменила своё расположение; б) она же выходила на две соседние улицы; в) Спасская улица стала именоваться Декановской. Последнему варианту объяснения противоречит упоминание в документах конца XVIII в. как Спасской, так и Декановской улиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Старый Гомель не обласкан летописцами и историками. Но всматриваясь в пройденный им долгий, полный нелёгких испытаний путь, поражаешься, сколь богата именами и событиями его история, сколь органично связана она с прошлым Беларуси и причудливо переплетена с судьбами России, Польши. Украины, Литвы.

История заселения местности, которая впоследствии стала «колыбелью» города, теряется в туманной мгле тысячелетий. Первые люди – охотники на мамонта – появились здесь ещё в эпоху палеолита. Древнейшее постоянное поселение на изрезанных оврагами берегах Сожа возникло во времена геродотовых племён, около середины I тысячелетия до н.э. Гомельские холмы познали и дыхание перемен, принесённое в Европу ветром Великого переселения народов. В VI–VII веках н. э. здесь основывается большое поселение. С этого времени человек уже никогда не покидает местность, известную по летописям под названием «Гомий».

Гомель занимает достойное место в ряду древнейших восточнославянских городов, вросших корнями в былинные времена. Рождённый в самобытной языческой стихии земли радимичей и обделённый когда-то вниманием просвещённых соплеменников, он решительно входит в историю Древней Руси в легендарном XII веке. Крупнейший и богатейший центр Посожья приумножает славу и казну черниговских князей. Жизнь цветущего города трагически нарушается в середине следующего, кровавого столетия. Летописный Гомий разделяет участь Киева, Рязани, Чернигова и других центров восточнославянского мира, растоптанных монголо-татарскими полчищами.

Медленно поднимаясь из пепелищ, Гомель упрямо стремится возродить былое величие под скипетром литовско-белорусских князей в XIV–XVI веках. Но волей истории город оказывается на пограничье с могущественным соседом – Московским государством, которое ведёт за него ожесточённую борьбу. Порубежное положение обрекает его на нелёгкое будущее, сдерживает поступательное развитие и накладывает жёсткий отпечаток на облик города-крепости. Зловещее XVII столетие толкает Гомель в пучину самых страшных в белорусской истории событий. Но войны, пожары, разорения уже не могут сломить его. Город поднимается вновь, чем обязан поразительной стойкости и созидательному труду его жителей.

В истории Старого Гомеля и сейчас остаётся немало «белых пятен». Не все письменные документы, касающиеся его, собраны и изучены. А сколько тайн, раскрытие которых прольёт свет на самые туманные страницы прошлого, ещё хранит и сама гомельская земля! Наверное, поэтому в летописи Старого Гомеля слишком рано ставить последнюю точку.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВАК	–	Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией
Акты ЮЗР	–	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
АО	–	Археологические открытия
АОИЗР	–	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
ЗСЗОРГО	–	Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества
Нарысы	–	Нарысы гісторыі Беларусі
НИА РБ	–	Национальный исторический архив Республики Беларусь, г. Минск
ПВЛ	–	Повесть временных лет
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
СИРИО	–	Сборник Императорского Русского исторического общества
ЦГАДА	–	Центральный государственный архив древних актов России, г. Москва
ЦГАМЛИ	–	Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Республики Беларусь, г. Минск
ЦГИАУ	–	Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов
ЭГБ	–	Энцыклапедыя гісторыі Беларусі

ЯЗЫКОМ ДОКУМЕНТОВ

I в. н. э. – Из сочинения Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» о племени венедов и их ближайших соседях.

Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом, с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне.

Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. Л.: Наука, 1969. С.372–373.

Около VIII в. – 885 г. – Из «Повести временных лет» о древних обычаях радимичей и других восточнославянских племен.

... Имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, кождо свой нрав. Поляне бо своих отец обычай имут кроток и тих, и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерем и родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыденье имеху, брачный обычай имяху... А Древляне живяху звериньским образом, живуще скотьски: убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и браку у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця. И Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху: живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская песни, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь

собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху Кривичи и прочии погании, не ведуще закона божия, но творяще сами собе закон.

Повесть временных лет. Ч. I. М.-Л., 1950. С. 14–15

885 г. – Из «Повести временных лет» о наложении дани на радимичей киевским князем Олегом Вещим.

В лето 6393. Посла к Радимичем, рька: «Кому дань даете?» Они же реша: «Козаром». И реча им Олег: «Не дайте Козаром, но мне дайте». И въдаша Ольгови щьлягу, яко же и Козаром даяху. И бе обладая Олег Поляны, и Деревляны, и Северяны, и Радимичи, а с Уличи и Теверци имяше рать.

Повесть временных лет. Ч. I. М.-Л., 1950. С. 20–21

907 г. – Из «Повести временных лет» о войне князя Олега Вещего с Византией и участии в ней радимичей.

В лето 6415. Иде Олег на Грекы, Игоря оставив Киеве, поя же множество Варяг, и Словен, и Чюдь, и Словене, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от Грек Великая Скуфь. И с сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000. И прииде к Царюграду, и Греци замкоша Суд, а град затвориша. И выиде Олег на брег, и воевати нача, и много убийства сотвори около града Греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленникы, овех посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа зла творяху Русь Греком, елико же ратнии творять.

И повеле Олег всем своим колеса изделати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну ветру, въяспеша парусы с поля, и идяше к граду. И видевше Греци и убояшася, и реша выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имем ея по дань, яко же хощеши»... И убояшася Греци, и реша: «Несть се Олег, но святый Дмитрей, послан на ны от бога». И заповеда Олег дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человек, а в корабли по 40 мужь.

... Олег же, мало отступив от града, нача мир творити со царьма грецкима, со Леоном и Александром, посла к нима в град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «Имите ми ся по дань». И реша Греци: «Чего хощеши, дамы ти». И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на рускыа грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы; по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще.

Повесть временных лет. Ч. I. М.-Л., 1950. С. 23–25.

984 г. – Из «Повести временных лет» о покорении радимичей великим киевским князем Владимиром Святославичем.

В лето 6492. Иде Володимер на Радимичи. Бе у него воевода Волчий Хвост, и посла и Володимер перед собою Волчья Хвоста; срете Радимичи на реце Пищане, и победи Радимиче Волчий Хвост. Темь и Русь корятся Радимичем, глаголюще: «Пищаньци волчья хвоста бегають». Быша же Радимичи от рода Ляхов; прешедше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне.

Повесть временных лет. Ч. I. М.-Л., 1950. С. 59.

1142 г. – Из «Ипатьевской летописи» – первое летописное упоминание Гомеля.

... И слышав [князь смоленский Ростислав Мстиславич.– О.М.] оже билися Ольговичи у Переяславля с стрыем его с Вячеславом, и с братом его Изяславом, и поиде на волость их, и взя около Гомия волость их всю.

ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб.312.

1158 г. – Летописное известие о бегстве в Гомий великого киевского князя Изяслава Давидовича.

Князь же великий киевский Изяслав Давидович, видев беду и напасть на себя, устрашися и вострепета зело, и восплакав, побеже скоро з братаничем своим со князем Святославом Владимиричем на Вышеград в Гомью, а по княгиню свою посла гонцев зело скоро в Киев. Она же бежа из Киева к зятю своему ко князю Глебу Юрьевичу сыну Долгорукаго во град Переяславль Русский, он же проводи ея до Гомья.

ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 498, 500.

Конец XIV в. – Из «Списка русских городов дальних и ближних», упоминающего Гомий.

А се Киевьскыи гроди:

Дверен, на Рши Корсунь. Треполь, на Днепре. Канев. Глинеск. Переяславль Русскыи. Юрьев. Пересечен. Василев на Стугне. Бельгород. На Рпене, Чернгород. Киев деревян на Днепре, а церкы святаа Богородиця Десятиннаа камена была о полутретьятцати версех, а святая Софиа о 12 версех. Вышегород. Мирославици. Тмуторокань. Остречьскыи, на Десне Чернигов. Омелники. Сновеск. Брянеск. Ростовець. Унеятин. Новгород Северьскыи. Трубческ. Путивль на Семи. Рылеск. Куреск на Тускоре. Коршов на Сосне. А на Суле Снепород. Скнятин. Грошин. Чемесов. Утешков. Синеч. Кляпечь. Ромен. Ковыла. Ворона. Сал. Песьи кости. Хотень. А на Псле

Ничян. Городище. Лошици. Бирин. Жолважь. На Ворскле Хотмышль. Чечереск. Тетерин. Попова Гора. Пропошеск. Дроков. Гомий. Речиця. Могилев. Быхов. Лучин. Рогачев. Стрешин. Любечь. Навоз. На Припете Чернобыль. Копыль. Мозырь. Переров. Смедин. Туров. На Метлици. Иванов. Вручии. Житомель. Коречь.

Цит. по: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 94–95.

1480 г. мая 5. – Грамота великого князя литовского Казимира Ягеллончика купцу Луке Терешковичу на беспошлинную торговлю в городах Великого княжества, в т. ч. и Гомеи.

Казимир божью милостью.

Князем нашим, и паном, и наместником, и тивуном, и всим заказником тот наш чоловек, мещанин менский Лука Терешкович торгуеть нашим дубасом бобруйским Троцкое половины, а нашими пенязьми; а от того нам прибытку дает. И вы бы от нашого дубаса и от его комяги мыта не брали бы. Есте в Глуску, в Погосте, в Чорторыску, у Куликовичох, в Чет, в Ертни, в Луцку, у Вострозе, в Степани, в Дубровицы, в Городку, у Турове, у Паустьи, в Пинску, в Берестьи, в Дорогичине, в Каменцы, в Слониме, в Ковне, в Новегородцы Литовском, в Менску, в Смоленску, в Орши, в Могилеве, в Рогачеве, в Лучине, в Стрешине, в Речицы, в Гомъи, в Чичерску, в Пропостку, в Кричове, в Мстисловле, в Дорогобужи, у Вязме, в Новегородцы Северском, в Радогоще, в Трубецку, в Браньску, в Стародубе, в Чернигове, у Вышгороде, в Киеве, в Путивли, в Черкасех, в Житомири, в Чуднове, во в Уручьем, в Чорнобыли, в Мозыри, в Новозе, в Любечи, в Грезску, по всим нашим мытом, и по князским, и по панским, и по боярским, сухим и водою. А которыи бы хотели через наш лист силу ему чинити, а мыто взяти от нашого дубаса и от его комяг, тот нам великую вину заплатить.

Писан у Вильни, мая 5 день, индикт 6.

ЦГАДА. Д. 389. Кн. 4. Л. 163–163об.

1483 г. апреля 17. – Декрет великого князя литовского Казимира Ягеллончика по поводу тяжбы пана Богдана Андреевича с Андреем и Семёном Можайскими из-за селений Гомейской волости Даниловичи, Дуровичи и Волосковичи.

Декрет межи князи Андреем а Семеном Ивановичами а межи маршалком земским, паном Богданом Андреевичом о три села у Гомейском повете, о Даниловичи, о Дуровичи и о Волосовичи, которие пану Богдану Андреевичу на вечность присужоно.

Казимир, Божью милостью.

Смотрели есьмо с паны радою нашою промежи князя Андрея а князя Семена Ивановичом з маршалком земским, наместником

полоцким, паном Богданом Андреевичом о село, на имя о Даниловичи, а о Дуровичи, а о Волосовичи у Гомейском повете, што дал отцу его пану Андрею Юковичу [Саковичу.– О.М.] князь Швитригайло.

И князи сами перед нами прызналися, же тое село Даниловичи а Друговичи [Дуровичи.–О.М.] а Волосовичи держал пан Андрей, отец пана Богданов, до своее смерти, а по смерти пана Андреевой взял отец их, князь Иван тое село Даниловичи а Дуровичи а Волосовичи.

И мы, о том досмотревшы, и присудили есьмо тое село Даниловичи а Дуровичи а Волосовичи пану Богдану Андреевичу вечно ему и его детем, и его ближним, со всим, што к тому селу издавна слушаеть, как держал отец его, пан Андрей.

Волен он тое село Даниловичи а Дуровичи а Волосовичи отдати, продати и заменити и к своему лепшому обернути, как сам лепей розумеючи.

А при том были панове рада наша: князь Андрей, бискуп виленский; воевода виленский пан Олехно Судимонтович, канцлер наш; а пан троцкий, наместник новгородский пан Михаило Монтовтович; а маршалок наш, наместник берестейский пан Якуб Немирович; а наместник витебский пан Ивашко Илинич; а маршалок наш, наместник лидский пан Петрашко Пашкович; а маршалок наш, наместник слонимский пан Солтан Александрович; а маршалок наш пан Станислав Михайлович.

А на твердость того казали есмо и печать нашу привесити к сему нашому листу.

Писан у Вильни в лето 6991, априль, 17 день, индикт 1.

Литовская метрика. Отдел I. Ч. I. Книга записей. Т. I // Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Т.27. С. 373–375. Цит. по: Памяць. Веткаўскі раён. У 2-х кнігах. Кн. 1. Мн., 1997. С. 46–47.

1488 г. не ранее января 1. – Из жалоб московского посла Михаила Еропкина королю Казимиру IV Ягеллончику на непомерные торговые пошлины в Гомее и грабежи купцов князем Семёном Ивановичем Можайским.

А в Гомье наперед того имали по два гроша с воза и со вьюка; а нынеча князь Семен княж Иванов сын Можайского прибавил в Гомье тридцатое...

А се список о гостех, что ся им сила чинила в Литовской земле... Шли великого князя гости Тишка Коврижкин да Гридя Лукин с товарищи шли из заморья через Литовскую землю, и как пришли в Гомей, да мыты и пошлины поплатили, и князю Семену княжу Иванову сыну Андреевича поминок несли камку бурьскую, и князь Семен поминка их у них не взял, а их велел пограбити, и пограбили их княж Семеновы люди, Ондрей Олександров сын Чертов да

Василий Тферитин с товарищи, а взяли у Тиши пять камок бурьских да камку червчату бурьскую, да две камки тяжелые добрые, да тафты шестьдесят локот, да пол-сема лохти ездьские; а всего на сорок рублев и на пол-четверта рубля. А у Гриди у Лукина да у его товарища у Онтона взяли две камки бурьские з золотом, тяжелые, да две литры червьчатого шолку, да четырнадцать брусов мыла грецкого да япанчю бурьскую, да два фунту перцу; а всего на дватцать рублев.

СИРИО. Т. XXXV. Ч.1. СПб., 1892. С. 10, 12

1496 г. июля 1. – Из грамоты великого князя литовского Александра Ягеллончика князю Семёну Ивановичу Можайскому на пожалование Черниговом и подтверждение права владеть Стародубом и Гомеем (по материалам рукописного архива И.И. Григоровича).

Сам Александр Божою милостью. Бил Нам чолом Князь Семен Иванович Можайский, и просил Нас абыхмо пожаловали каким именьем. И мы, з ласки Нашое, пожаловали его, и дали есмо ему город наш Чернигов со всим, што к нему слушает... А дали есмо ему Чернигов с слугами пушными и с людьми данными и тяглыми и со всеми платы и доходы, и з землями и з водами, што издавна к Чернигову слушаеть, вечно ему и его жоне, и их детем. Теж бил Нам чолом што Отец Наш, Король Его Милость подавал отцу его Князю Ивану город Стародуб и Гомей у вотчину, и Лист Отца Нашого перед Нами вказывал, и просил Нас, абыхмо ему тые городы, Стародуб и Гомей потвердили Нашим Листом. И мы ему тые городы, Стародуб и Гомей потверждаем Нашим Листом теж вечно. ему и его детем, подлу листу Отца Нашого. А на твердость того и печать нашу казали есмо приложить. Писан в Вильни.

ЦГАМЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 28–29.

1499 г. марта 26. – Грамота великого князя литовского Александра Ягеллончика князю Семёну Ивановичу Можайскому на Стародуб, Гомей, Чернигов и волости.

Сам Александр Божию милостию.

Чиним знаменито сим нашим листом, хто на него посмотрит, або чтучи его услышит, кому будет потреба того ведати:

Бил нам чолом Князь Семен Иванович Можайский и просил нас, абыхмо ему подтвердили нашим листом выслугу отца его Князя Ивановы замки, которыеж выслужил на отце нашом Короле его милости, на имя Стародуб и Гомель, и теж што он на нас выслужил, замок Чернигов и волости, на имя Карачев и Хотимль: ино мы упамятавши его ку отцу нашому, доброе памяти Королю его милости, и к нам верную службу, з ласки нашое, тыи вышей писа-

ныи замки, выслугу отца его, што выслужил на отце нашом Короле его милости, Стародуб и Гомель, и теж што он на нас выслужил, замок Чернигов и волости Карачов и Хотимль, потвержаем сим нашим листом вечно ему и его Княгини и их детям и потом будучим их чадком. Мает Князь Семен и его наследки держати город Стародуб а Гомей а замок Чернигов и волость Карачов а Хотимль со всими дворы и волостьми и з селы боярскими и з слугами пушными и з людми волостными и тяглыми и з слободичи и з данники и со всими их землями пашными и з бортными и з ловы и з сеножатми и с озеры и с реками и з бобровыми гоны и з ставы и з ставицы и з даньми грошовыми и медовыми и з мыты и со всими платы и доходы, што здавна к тем замком и волостем вышеписанным прислухало. Волен то он продати и отдати и заменити и к своему ужиточному обернути, как сам наилепей розумеючи; нижли которым Князем и бояром в тех поветех подавал будет именя и земли и люди отец наш Король его милость, або мы, и на што они будут мети права, листы отца нашого и наши, в то ся Князю Семену и его наследком ненадобе ся вступати. А притом были велебныи и вельможныи: Князь Войтех Бискуп Виленский а маршалок наш дворный наместник Мерецкий и Оникщенский пан Григорий Станкович Остикович, а маршалок наместник Мойшагольский и Дубиницкий пан Бартош Табарович и иныи. А на твердость того и печать нашу казали есьмо привесити к сему нашому листу. Писан в Вильни, в лето 7007 месяца Марта 26 день, Индикт 2-й.

Сборник Муханова. М., 1858. С.87–88. № 58.

1500 г. – Из «Волынской краткой летописи» о захвате Московским государством городов литовских, в т. ч. Гомея.

В лето 7008... Того же лета побра великии князь Иван Василевич московскии литовскии городы не сам, но люди свои посылаше, многыи силы, без вести, и взя гроды Мценеск, Любутеск, Брянеск, Трубческ, Новгородок Северьский, Радогощь, Почопов, Гомеи, Стародуб, Чернигов. С тыми трема гроды предасть князь Семен Иванович, изменив целование...

ПСРЛ. Т. XXXV. М., 1980. С. 125.

1503 г. – Из «перемирной» грамоты короля Александра I Ягеллончика и великого московского князя Ивана III Васильевича.

Мы Александр Божею милостию Король Польский и Великий Князь Литовский, Руский, Князь Прусский, Жомоитский и иных. Што посылали есьмо до тебе, брата и тестя нашого Иоана, Божею милостью Государя всея Руси и Великого Князя Володимерского

и Московского и Новгородского и Псковского и Тферского и Югорского и Пермского и Болгарского и иных, послов своих ... о миру и доброй смолве, и то ныне межи нас не сталося и послы наши говорили от нас тобе ... штобы ты с нами взял перемирие на шесть лет, на то, штобы нам в тые перемирные лета межи себе рати и войны не замысляти... тебе Иоану... наших земель... города Киева с волостьми, города Канева с волостьми, города Черкас с волостьми, города Житомира с волостьми, города Вручья с волостьми, волостей Мозыря, Пчича, Брагиня, Речичи, Горволя, Стрешина, Чечерска, Пропциска, Могилева, города Мстиславля с волостьми, города Кричева с волостьми, города Смоленска и волостей, Рославля, Иванкова, Прудов, Беликалени, Ратшина, Новоселя, Свадыта, Жереспера, Поречья, Нежоды, Руды, Мушкович, Ветлицы, Щучья, города Витебска и волостей, Бруса, Дречих, Лук, Усвята, Черищь, города Полоцка и волостей, Мошников, Дриссы, Овсея, Нещорды, Непоротович, Вербиловы слободы, Кубка, Вязьмы, Клина, Ситнян, Лисна, Себежа, Замошенья, – в тые перемирные лета, шесть лет, не воевати и не защепляти ни чим. А мне Александру... ваших земль, Московское земли, и Новагорода Великого и волостей Новгородских, и Новгородское земли всее, и Пскова и Псковское земли всее, и Тферское земли всее и Переславля Резанского и Резанское земли всее, и Пронска и Пронское земли всее, не воевати и не зачепати ни чим; также и тих ваших городов и волостей и земль, которыи за вашими слугами, за Князем Семеном Ивановичом Стародубским и за Князем Василем Ивановичом за Шемячичом, и за Князем Семеном Ивановичом за Бельским, и за Трубецкими Князьми, и за Масальскими и за иными вашими слугами за Князьми и за вашими наместники, и за волостели, и за вашими приказники, и за какими нибуди, города Чернигова с волостьми, города Стародуба с волостьми, города Путивля с волостьми, города Рыльска с волостьми, города Новгородска Северского с волостьми, города Гомля с волостьми, города Любеча с волостьми, города Почопа с волостьми, города Трубецка с волостьми, города Радогоща с волостьми, города Бранска с волостьми, да волостей: Карачова, Хотимля, Поповы горы, Мглина и Дрокова, и сел: Уваровичь, Телешевичь, Тереничь, Кошелева леса, Морозовичь, Липиничь, Скарбовичь, Залеся, Бабичь, Светиловичь, Холодна, Лапичь, Полешан и волостей: Сновска, Хоробора, Соловевичь Прикладней, Пацины, Федоровского, Особика, Покиниць, Сухора, Всеславля, Воронина, Жерыни, города Мценска с волостьми, Любуцка с волостьми, города Серпейска с волостьми, города Масальска с волостьми, Гороща Дмитровца и Личина, Недохадова, Бышковичь, Залидова, Опакова, Мощиня, Демины, Городечны, Ужепершы, Снопота, Ковыльны, Шуи, Лазорева, Городища, Ближевичь, Любуни, Даниловичь, Замося, Туха-

чова, Дечны, Хоминичь, Погостича, города Дорогобужа, и волостей: Погорелое, Негомля, Игуменовы слободы, Мстиславца, Лучина, Мошковы горы, Жулина, Ощитова, Кремяное, Селечны, Водосы, Некрасовы, Радсни, Ведроши, Рехты, Черища, Хомчичь, Василкова, Холма, Бятина, Хотомичь, Великого Поля, Лопатина, Прости, Заопя, Вышкова, Копыли, Сверковых Лук, и Белое с волостьми, и Верховья, и Болшова, и Шоптова, и Монивидовы слободки и иных волостей Вержавы, Буя города... и что к тым городам и волостем из старины потягло, земль и вод и всяких угодьев... А послати мне Александру... к вам послов своих... а приехати им к вам и отъехати добровольно безо всякое зачепки... А коли вы пошлете до нас своих послов о каких делех, и вашим послом по нашим землям к нам добровольно приехати и отъехати безо всяких зачепок; а вашим купцом изо всих ваших земель во вси мои земли приехати со всяким товаром и торговати на всякий товар...

... А в тыи перемирныи шесть лет какова учинится обида межи наших Князей и людей в землях и в водах и в инных каких обидных делех, и наши Князи и наместники и волостели украинныи съехався, да тем обидным делом всим управу учинят на обе стороне; а в каких обидных делех наши Князи и наместники и волостели не учинят управу, и нам о то сослати судей, и они съехався, да тим обидным делом всим управу учинят на обе стороне без хитрости; и татя, беглеца, холопа, робу, должника, по исправе выдати...

Сборник Муханова. М., 1856. С. 125–129. № 79.

1511–1514 гг. – Из московских «посольских» книг о жалобах короля Жигимонта I Старого на незаконные действия князя Можайского на литовско-московской границе.

Того же лета [1511] приезжал к великому князю Василью Ивановичю от Жидимонта короля дворянин его Богдан Довгердов з грамотою, а в грамоте своей король писал о обидных о порубежных делех, да о том, что Можайской забрал села его Речицкии Засуев, Гоботовичи (Чоботовичи.– О.М.), Калскевичи, Бацуни, Чорные, Агирево (Гирево.– О.М.), Заспа, Левошевичи, Кисловичи, Борки, и чинить себе рубеж по Днепр; и о том бы с обе стороны выслать государю бояр своих, а королю панов своих, и они, съехався, управу учинят и виноватых казнят, а пограничным местом рубежи покладут. А правил Богдан великому князю от короля поклон. И князь великий против того х королю писал, что его людем чинятца обиды и убытки великие, и он бы того велел сыскати; а что будет лихо учинилось его людем, и государь пошлет там на границы своих добрых людей и того велит сыскать, а сыскав, управу учинить, а виноватых сказнить, а в земли и в воды через перемирные грамоты

вступатца не велит; а бояр своих хочет послать; а како имене и о которые часы, и государь о том ведомо учинит.

СИРИО. Т. XXXV. Ч. 1. СПб., 1892. С. 495–496

1524 г. – Из материалов литовско-московских переговоров февраля – июня месяца, касающихся ситуации на границе близ Гомея.

[Из слов короля великому князю московскому, переданных королевским гонцом Станиславом Довгирдовым]: А к тому наместники твои стародубскии волость нашу Любечь к собе приворочают и наместников своих всылают. А волостей наших, Крычова, Пропостьска, Чичерска, Олучичь, Речицы, Стрешина, люди и земли и воды и всякии пожитки наместники твои у твою сторону забирают и поседают, а наши воеводы и наместники их в том обсылают, и они отказуют, иж от тебе брата нашего в том жадное науки не мають.

[Из слов московской стороны в ответ королю через гонца С. Довгирдова]: Великий государь Василей, Божьею милостию, государь всеа Руси и великий князь, велел тебе говорити: а что еси нам говорил от брата нашего Жигимонта короля, что будто наши наместники лутцкие вступаются в брата нашего в волость в Святцкую, а стародубский наш наместник вступается в Любич, а из Гомья наши наместники вступаются в волость в Речицу... и ныне часа того к своим наместником к лутцким, и в Стародуб, и в Гомей пошлем; да будут наши люди вступаются в те брата нашего волости, которые писаны в перемирную грамоту в его сторону, и мы им в те волости вступатись не велим; а которые будут обиды наши люди брата нашего людем учинили, и мы, обыскав, да в том велим управу учинити, а лихих велим показнити, чтоб вперед того не чинили, да и вперед бы брата нашего людем лиха никоторого не чинили.

СИРИО. Т. XXXV. Ч. 1. СПб., 1892. С. 684, 686.

1525 г. – Из материалов литовско-московских переговоров апреля – июля месяца, касающихся «пограничных обидных дел» в окрестностях Гомея.

[Из слов великого князя московского Василия Ивановича королю Жигимонту Казимировичу, переданных московским послом дворянином Федором Афанасьевым]: Великий государь Василей, Божьею милостию, государь всеа Руси и великий князь, велел тебе говорити: присылал к нам из Стародуба наместник наш, князь Олександр Иванович Оболенской, что твои люди из Пропойска и из Речицы, приказщики, Сенка Полозов, через перемирные грамоты вступаются в наши волости Стародубские и Гомейские; да неодинова приходя, в тех волостех людей иных до смерти побили, а иных головами к себе свели в Речицу и в Пропоеск з женами

и з детми, а животы их многие пограбили. И наш наместник, князь Олександр, о том посылал к твоим наместником украинным неодинова, чтоб в наши волости и села и в земли и в воды через перемирные грамоты не вступались и людем нашим обиды не чинили; а которых наших людей свели головами з женами и з детми, и они б тех людей отпустили; а которые грабежи нашим людем от твоих людей учинились, и они б в тех делех управу учинили. И твои наместники наших людей, которых поимали в тех волостех, и до сех мест держат у себя, а в обидных делех нашим людем с твоими людми управы ни в чем не учинят.

[Из памятки великого князя московского послу Ф. Афанасьеву]: А нечто взмолвят Федору про то, что из Гомиа приходили великого князя люди да в Литовском взяли за свое. И Федору говорити: того яз не слыхал, чтоб де государя нашего люди в Литовском что взяли; а то ведаю гораздо, что государь наш приказывает своим наместником украинным, чтоб в королевы земли и воды не вступались и обиды королевым людем не чинили.

[Из ответов королевских приближенных московскому послу]: Государь наш король и великий князь, его милость Жигимонт, велел тебе говорити: многокрот воеводы и наместники наши украинные, с Полотцка, з Витебска, с Орши, з Дубровны, со Мстиславля, с Кричова, с Пропойска и с Чичерска, з Речицы, з Горволя и из иншых многих городов наших и волостей украинных пишут к нам, иж от брата и свата нашого, великого князя Василья Ивановича, с пограничных его городов и волостей, з Лук Великих, со Ржевы, с Торопца, з Стародуба и з Гомья и из инших его городов и волостей украинных кривды и грабежи великии людем нашим делаютца: как жо наместники его стародубскии и гомейскии и иных и помещики тамошнии тое зимы прошлое, колкоснадцать сот людей у волости наши увослали и многии села Мозырскии и волость Стрешинскую и Горволскую звоевали, статки людей розграбили, людей помучили и иных посекли, а многих у полон повели; и к тому ещо люди, села и воды и земли Речицкии, и Горволскии, и Пропойскии, и Чичерскии, и иных городов и волостей наших позабирали, чего у перемирных грамотах великому князю не выписано. И врядники наши к его державцам посылают, абы в люди и воды наши не вступались, а держали рубеж с нами по перемирным грамотам, а суд и управу чинили и пленных повыпускали; и они тых людей и земль и вод не поступают, а суда и управы нашим людем не делают, еще день ото дня болшии кривды и шкоды чинят, как же мы тых часов о том посылали до великого князя посла нашего Богухвала Дмитреевича. Государь наш король и великий князь его милость велел тебе говорити: и ты бы своему государю, великому князю Василью Ивановичу, говорил, абы он, подле нашего с ним крестного целованья, тыи

волости и земли и воды, которыи у перемирной грамоте уписаны в нашу сторону, поступитись наместником и подданным нашим велел, а вперед бы не казал ся то ничим уступати. А о грабежох и кривдах управу людем нашим во всем вчинити казал, а тых людей пленных, которыи помещики его на волостех наших пленили и статки их забрали, зася поотдавати велел, а винных бы за то казал казнити. А мы в тыи волости и земли и воды, которыи стоят у перемирной грамоте брату и свату нашему великому князю у его сторону, также не кажем уступатись ничим, а тым всим обидным делом, которыи будут от наших людей его людем стались, кажем управу вчинити, а виноватых нашод, велим показнити, а бы вперед за то межи нами лиха никоторого не было.

СИРИО. Т. XXXV. Ч. 1. СПб., 1892. С. 693, 695, 697–698.

1525 г. – Из материалов посольства от короля Жигимонта I Старого к великому князю Василию III Ивановичу с паном Богухвалом Дмитриевичем 8 мая – 3 июня, касающихся порубежных споров в окрестностях Гомея.

Государь наш король и великий князь тебе, брату и свату своему велел говорити: што ты, брат наш, через послов наших перемирье с нами взял, мы брате, после того перемирья, приказали воеводам городов наших порубежных и всим врядником и бояром, ижбы, подле перемирное грамоты нашое, нигде никоторому человеку твоему кривда и зачепка ся не стала. Нашы воеводы и вси врядники, нашего деля приказанья, нигде никоторому человеку твоему кривды не вчинили, а где кому до кого дело было, тут везде управа дана. А твои воеводы и наместники нигде людем нашим управы не давали, и многии кривды и зачепки людем нашим от твоих людей после того перемирья сталися. О которых обидных делех вжо двакрот к тобе есмо посылали, и ты, брат наш, и нялся бы всим тым обидам управу дати, подле перемирных грамот наших, на чом еси нам присегал, ино и до сих часов управа людем нашим никоторая ся не стала, и еще болшии кривды и шкоды людем нашим становятца, и захоженья земли и воды, которыи в перемирных грамотах в нашу сторону выписаны. Того, брате, и посмотри, гораздо ль то межи нами ся чинить? Государь наш... велел говорити: тыми часы приходили до нас с жалобами державцы городов наших порубежных, пан Семен Полозович з Речицы, а пан Богдан Шолуха з Горволя а с Стрешина, поведаючи, иж воеводы и наместники ваши, гомейский и стародубский, не ведаем з вашим ли ведомом, наслали людей, войско не малое, на тые волости, и люди ваши шкоду великую волостем и людем нашим вчинили, села пожгли, людей в полон повели и статки вси побрали. Ино мы, брате, того ся не надевали,

ижбы за перемирными грамотами такие и лихие дела между нами становилися. И ты б, брат наш, воеводам и наместником своим приказал, абы тых всих людей пленных отпустили и вси статки их, што в них побрано, им поотдавали, подле перемирных грамот наших, и самих бы еси за то показнил.

СИРИО. Т. XXXV. Ч. 1. СПб., 1892. С. 700–701.

1527 г. – Из материалов посольства великого князя московского Василия III Ивановича к королю Жигимонту I Старому с окольничим И.В. Лятцким и дьяком Е. Цыплятевым 9 декабря 1526 – 27 апреля 1527 г., касающихся порубежных конфликтов близ Гомея и московско-литовского перемирия.

[Из указаний Е. Цыплятеву о том, что говорить при королевском дворе]: Государь наш велел тебе говорити: а к нам пишут наших украинных городов наши наместники и волостели и приказные люди, что от твоих людей нашим людем обиды велики чинятца татбами и разбои и грабежи великими, и в земли наши и воды вступаютца, и людей наших бьют и головами сводят и животы их грабят; и мы к тобе и неодинова о том посылали детей боарских, чтоб еси в земли наши и в воды вступатись не велел, а в обидных бы есе делех с своими людми велел управу учинити; и твои люди нашим людем в обидных делех управы не учинили.

[Из текста перемирной грамоты, направленной Василием Ивановичем Жигимонту I Старому]: А се грамота перемирная, великого князя слова, какова дана послом литовским. Мы великий государь Василей, Божиею милостию, государь всеа Руси и великий князь Володимерский, Московский, Ноугородцкий, Псковский, Рязанский, Тферский, Югорский, Пермский, Болгарский и иных. Что присылал до нас ты брат наш, великий государь Жигимонт, Божиею милостию, король Полский и великий князь Литовский, Руский и княже Пруский и Жемотцкий и Мазоветцкий и иных, послов своих... о миру и о доброй смолве, и то межи нас с тобою... ныне не осталось. И послы твои... говорили... чтобы мы взяли с тобою перемирье на шесть лет на то, чтоб нам в те перемирные лета межи себя рати и войны не замышляти... И мы с тобою... перемирье взяли на шесть лет, от Рождества Христова лета 7000 тридцать пятого [1527 года] до Рождества Христова лета 7000 четыредесять перваго [1533 года] на то, что тебе... в те перемирные лета... наших земль не воевати, ни зацепляти ничем: Московские земли и Новагорода Великого и волостей Новгородцких и Новгородцкие земли всее, и Пскова и Псковские земли всее, и Тферские земли всее, и Переславля Резанского и Рязанские земли всее, и Пронска и Пронские

земли всее не воевати, ни зацепляти ничем. Также тобе Жигимонту... и тех наших городов и волостей и земль не воевати и не зацепляти ничем в те перемирные лета: города Рылска с волостми, города Путивля с волостми, города Новагородка с волостми, города Гомьа с волостми, города Поповы Горы с волостми, города Карачева с волостми, и волостей: Хотимля, Сновска, Хороборя, Мглина. Дрокова, и сел: Уварович, Телсшович, Теренич, Кошелева Леса. Морозович, Липинич, Скарбович, Залесьа, Бабич, Светилович. Голодна, Лапич и Полешан... А мне великому государю... твоих... земль не воевати, ни зацепляти ничем в те перемирные лета: города Киева с волостми, города Канева с волостми, города Черкас с волостми, города Житомеря с волостми, города Вручья с волостми, города Любича с волостми, города Турова с волостми, города Мозыри с волостми, да волостей: Бчича, Брягиня, Речицы, Горволя. Стрешина, Чичерска, Пропойска, Могилева... Писан в Можайску. лета 7035, ноября.

[Из списка о порубежных землях и жалобах 30 марта 1527 года. привезенного в Москву из Кракова от послов гонцом Васюком Безобразовым]: А се список о порубежных землях и о жалобах... Во што ся не вступати великому князю по перемирным грамотам... Города Чичерска села: Онисимковичи, а Навилавка, а Волосовичи. Струмень, Лугиничи, Пукличи, а Орехвичи, половина Липинич. Оношковичи, Зеленово, Карповичи, а Выстриганов, великому князю не вступатись. А что перешло в сторону великого князя, по перемирной грамоте, села Чичерской волости: Скарбовичи, Залесье. Бабичи, Голодно, Светиловичи, Липиничи, Лапичи, Полешан, в те села великому королю не ступатися. А Стрешинской волости села: Еленци, Губичи, а Скепно, Пыреевичи, в те села великому князю не вступатися. А что отошло в сторону великого князя села Стрешинской волости, по перемирной грамоте: Тереничи, Телешевичи, Уваровичи, Морозовичи, в те села великому королю не вступатись. А Горволские волости села: Буцуничи, Чобот, Засовье, а Бокиниш, Корскевичи Чорные, в те села великому князю не вступатися. А что отошло в сторону великого князя, по перемирной грамоте, село Горволское волости Кошелев Лес, в то село великому королю не вступатись. Города Речицы села: Батковичи, Кисловичи, Левошевичи, а заходы Речисского места Михалково, Темни, Дровное, Олжин, Борхов, а Годыни, а Гирев, Попов Борок, а Кочановщина и иные заходы Речитцкие звечистые, во все те села и заходы Речитцкие великому князю не вступатись.

СИРИО. Т. XXXV. Ч. I. СПб., 1892. С. 734, 743–747, 751–752.

1535 г. июня 3. – Грамота короля Жигимонта I Старого пропойскому и чичерскому наместникам о посылке мастеров в замок Гомей.

Жикгимонт, Божьею милостью король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойтский, Мазовецкий и иных, наместников замков наших Пропойского и Чичерского, которыи тыи замки наши заведають от старосты Черкаского и Каневского, Пропойского и Чичерского пана Остафья Дашковича, и старцом и людем тых волостей наших. Тых часов отпустили есьмо от нас гетмана нашого великого, пана Юрья Миколаевича Радивила, и з иншими гетманы и з войски нашими великими, и з делы, в землю неприятеля нашого Московского, на Северу, и казали есьмо им, Бога вземши на помочь, замков наших отчизных Северских добывати. И естли б Бог милый допомог напервей замку Гомья достати, або огнем его спалити, приказуем вам: скоро гетман наш великий, пан Юрьи его милость листом вас обошлет, и вы бы тогож часу, одного дня не омешкаючи, обрали есте с тых волостей Пропойской и Чичерской двадцать человеков, с топоры, которыи бы мели тот замок Гомей зарубити, поки войски наши оттоль з земли не выйдут, штоб теж люди Московскии не впередили, а зася того замку Гомья не зарубили; и просто бы есте тых двадцать человеков с топоры выгнали и послали до того замку Гомья, або к тому местьцу, где пан гетман вам роскажет: конечно, а иначей бы есте того не вчинили. Писан у Вильни, под лета Божьего нарожденья 1535, месяца Июня 3 дня, индикта 8. Горностай, писарь.

АОИЗР. Т. II. СПб., 1848. С. 336–337. № 183.

1535 г. июля 22. – Из письма королевского писаря М.В. Свинюского великому гетману литовскому Ю.Н. Радзивиллу по случаю взятия Гомея.

Вельможный пане, господине и добродею мой, мне особливо ласкавый!.. Писал бых до твоей милости о здешнем положеньи господарском и о новинах: ино на тот час при господари его милости нет новин никоторых, одно тыи добрыи и вдячныи, о которых твоя милость тыми разы до господаря короля его милости и до мене, повольного норовника вашое милости писать рачил, поведаючи о великой ласце милого Бога и о счастливой фортуне (которую Бог сотворитель, за справою вашое милости, господарю его милости тых часов на початку посчастить рачил), иж ваша милость замок неприятельский моцный и обороною способеный Гомей к рукам господарским взяли, якож князь Дмитрей Оболенский, бачучи моцное облеженье вашое милости, сам с бояры тамошними з оного замку вышол и вашей милости его подал, и некоторыи бояре

и люди присягу вчинили, хотячи господарю нашому его милости верне служити; а то ся стало без великого накладу господарского и вашее милости. Как же тые новины от вашее милости к господарю его милости пришли (будучи его милости у Радуни): ино господарь король, и королевая ее милость, и король его милость молодый. слышачи тую ласку Божскую, и вашее милости верную и пожиточную послугу, вельми тому вдячни суть... И пане Боже дай, абы и вперед вашой милости во всем там фортунне а счастливе ся водило, водле воли и мысли вашее милости, ижьбы тот край панства господарьского зася к рукам господарским пришол, и так был захован, яко был за славное памяти короля его милости Казимера и предков вашее милости... Писан у Василишках, месяца Июля 22 дня. Слуга господарский и вашее милости Михайло Васильевичь низко чолом бьет.

АОИЗР. Т. II. СПб., 1848. С. 337. № 184.

1535 г. июля 23. – Письмо виленского воеводы О. Гаштолда к гетману Юрию Радзивиллу в ответ на донесение последнего о взятии Гомея.

Вельможный пане, господине и брате, мой милый добродею, особливе мне ласкавый! Дай Пан Бог здоровье, щастье вашей милости, и фортунное звитяжство и щастливое навроценье до нас, чого ж вашей милости правым сердцем зычу. Яко мне самому вчора на вечер приехал коморник вашей милости Садовский з листы, писанными до господора короля его милости и до нас, в которых рачиш ваша милость писати, иж ваша милость ласкою Бозскою и фортуною господарскою, а щастьем вашей милости того замку неприятельского Гомъя достал без жадного впадку людей господарьских, и тот замок ваша милость осадивши, рушился со всими моцами под замки иншии неприятельскии, Пане Боже дай то, абы вашое милости и тыи замки, под которым обернете также яко Гомей поклонилися. А также, господине, скором тот лист вашое милости, до мене писаный, вычотши, и шол есми до господаря короля его милости поспол с тым коморником вашое милости и оповедилом его господарю, и лист вашей милости подал, и словом поведилом тую ласку Бозскую и послугу вашей милости; а потом лист вашой милости был чтен, в котором описуете широце, яко ваша милость тот замок взяли. Господар его милость с пильностью и з великою радостью его слухал, праве, аж от радости ку плачу ся был склонити, як же и иншие дворяне господарьские, рыцерство, слухаючи той новины, от радости, праве, плакали; и дяковал господар его милость вашей милости за тую послугу сильно, и одкровался то вашей милости особливою ласкою своею пометати, нижли иншии, которыи звыкли послуги ваши иначей собе перекладыти, тыи и теперь около

того мемраны чинили, о чом же я, дасть Бог, сам устне повем. Пишеш теж ваша милость абы тот замок был спосилен порохи и кульми, и теж бы до войска вашей милости порохов и куль послали: яш о том господарю молвил, и его милость росказал пану Горностаю, подскарбему, абы так порохов як салетры и куль ку добыванью замку ку вашей милости послал. Пишеш теж ваша милость, иж Ляхове не допускают Литовчичом нашим до того замку Гомейского ходити: яш о том господарю мовил, и его милость поведил: не хай дей и сам пан гетман того стережет, иж кгды ся который замок подасть доброволне, тогды не ма быти жадное трапежство чинено; а так дей иж Литовчичом до замку не пускают для того, аж жадного трапежства не чинили. Рачил теж ваша милость до мене писати, абых просил господаря его милость, жебы тот замок Гомейский дан был в держанье сыну вашей милости пану Миколаю: яш о том господарю его милости мовил; его милость поведил: не будем ся дей уквапять отдавати того замку в держанье так борздо, але кгды дей, дасть Бог, зася тут до Литвы будем, а будет ли о то нас сам пан Виленский ждати, мы дей того не отмовяем...

Акты ЮЗР. Т. I. СПб., 1863. С. 198–199.

[В публикации 1863 г. документ ошибочно отнесён к 1576 г.]

1535 г. – Из «Евреиновской летописи» о взятии Гомея войсками гетмана Ю.Н. Радзивилла.

Лета божия нароження 1535-го. Король Жикгимонт Старыи и милодыи послали гетмана литовского пана Юрья Родивила с воиском литовским на московского, а с ним было поляков много ездных и пеших, наемных литовских на пенезях, а над ними был гетман пан Тарновскии и полскии. К тому земля Полская дала на помоч за свои пенези 2000 людеи, с ними был гетман пан познанскии. И тех всех ляхов railsписали в Берести и пошли к Речицы, там ся сьехали с литовским воиском, обнечовалися у Речицы и от Речицы пошли к Гомью, и Гомей город взяли и от Гомея пошли к Стародубу.

ПСРЛ. Т. XXXV. М., 1980. С. 236.

1535 г. – Из «Постниковского летописца» о сдаче Гомея войскам Великого княжества Литовского.

В лето 7043. ...Того же лета июля 20 литовскиа воеводы Гомью засели коромолою, а наместник был на Гомьи князь Дмитреи Щепин. А пришли под город июля 10 день, а город взяли июля 17 на память святого священномученика Анфиногена, а воеводу Гомейского и детей боярских отпустили, ограбив, на Москву. Того же месяца пришли литовские воеводы Торновской и иные многие воеводы

со многими людьми ис-под Гомья к Стародуби, да с ними великого князя изменник князь Семен Бельский.

Цит. по: Тихомиров М.Н. Русское летописание. 1979. С.175

1537 г. июня 18. – Письмо великого князя литовского Жигимонта Старого виленскому воеводе пану Гаштольту о притеснениях гомейских мещан и волощан со стороны гомейского державцы Василия Толочинского.

Жикгимонт, Божю милостью король и великий князь. Воеводе виленскому канцлерю нашому старосте белскому и мозырскому пану Олбрахту Мартиновичу Кгаштолту.

Што перво сего приходили до нас многии люди наши гомейские, жалуючи сами от себе и от всих мещан и людей волости Гомейское на державцу гомейского князя Василя Толочинского о том, што ж которыи листы наши подавали есмо им, вызволяючи их от даней грошовых и медовых, бобровых и куничных, подвод и серебщизн и всяких инших платов на десять год, а от робот замку Гомейского на год есмо их вызволили под тым обычаем, иж они не мели до году одного замку робити и ничого в нем оправовати, хиба естли бы которыи кгонты в замку спали або дощка ся где оторвала, то мели зася прибити и направити.

Ино деи князь Василей тии листы наши у них поотнимал и того ж году почал им кривды чинити: напервей, князь им с того там у Гомьи справовати а потом ез робити и моцне почал их ку тому приворочати и грабити, который жо де ез, наймуючи, они робили и выложили на то тридцать коп грошей, а острогу жадным обычаем за великими тяжкостями и знищеньем своим доконати не могли. И к тому деи он озера и берега бобровые, с чого они перед тым пожиток мевали, в них отнял и бобров битых сто в них взял. Потом деи он в некоторых людей тамошних земли их отчизныи бортныи поотнимал, и тыи деи люди для великих тяжкостей проч оттоль пошли. А коли деи князь Василей в объезде ездил и дань и тивуновщину з них брал и всих пенязей дванадцать коп грошей, а меду пресного за десять коп на них узял, тогды деи сем сел людей от того для великого обтяженья проч пошло. И теж деи казал он им сено на себе косити, чого они перед тым николи не знавали, и до того деи сена пятсот воз они ему укосили и незносную тяжкость в том приняли. Затым которые гости збожьем и з ыншими речми до Гомья приеждчають, он деи с тых гостей мыта великие береть и для оных люди торговыи с тыми живностями там зъездити перестають, а подданыи наши тамошнии великий недостаток в живностях мають. При том они жаловали нам, штож деи князь Василей казал им гридну собе в Гомьи робити, и они мусили наймом тую гридну

вробити, а пять рублей за то заплатили. А потом другим разом заставил их стайню на себе робити, за которую ж стайню дали они от роботы чотыри копы грошей. И не могучи они кривд и тяжкостей своих великих от него терпети, выправили было неколко людей с жалобою до нас господаря, и он деи оных людей казал на дорозе переняти и ографити и у вежу посажати, и пенязей готовых взял в них шестнадцать коп грошей и двадцать бобров а двесте грошей вины на всих их взял.

И плачливе били они нам чолом, абыхмо другого державцу им дали и водле первых листов наших вызволеных их заховали.

Где ж мы квапне того не чинячи, а хотячи певную справу в том мети, посылали там дворенина нашого Ивана Григорьевича и казали ему о тых всих кривдах и тяжкостях и грабежох их достаточне ся доведати и тых сел розгнаных осмотрети и оных теж людей битых, которых они первей з жалобами выправовали, а он их имал и был их у вязенье сажал, огледати и того ся теж справедливе доведати, што князь Василей будеть с них взял и которыми речми их обтяжал, – им то все отказати.

Яко ж оный дворянин наш там ездил и в князя Василья з листом нашим был, через который расказали были есмо ему вси тые речи, што колве з них будеть побрал, в целости перед тым дворенином нашим им поотдавати и листы наши вызволеныи им вернути. И он деи дворенина нашого ссоромотил и бити его хотел, а оных речей побраных и листов наших первших вызволеных тым людем гомейским поотдавати не хотел. И над то деи ещо жоны и дети их поимавши, до дворца послал, оли ж они в него их выручили у сту и двадцати копах грошей. И сам деи он з Гомья до имений своих поехал, а того ничого им не оправил, а жоны деи их и теперь у него за порукою суть. О чом жо и тых часов некоторые люди гомейские и повторе на князя Василья, от всих мещан и людей волостных тамошних жалуючи, приходили.

А и тот дворянин наш Иван Григорьевич, оттоль приехавши и всякие речи на реистр списавши, нам его дал, с которого ж есмо реистру взяли великое от него утиснене и обтяжливости подданым нашим тамошним и не вемы, в который он обычай так срогко к тым людем украинным заховал, а над волю и росказанье нашо через листы нашы вызволеныи таковыми незносными их обтяжал, што ж з великою невдячностью от него прыймуем.

И ач колве быхмо за таковою неслушною справою его и за великими обтяжливости тых людей наших гомейских, што ся перед нами оказало, мели тот замок наш з рук его взяти и иншого державцу, хто бы ся нам на то годный бы видел, там послати; леч маючи есмо узгляд на твою милость пана и раду преднейшую, иж на причину твоей милости замок князю Василью есмо дали, того

ещо потерпели, бо сам твоя милость добре тому сведом, иж тот замок за великим накладом к рукам нашим пришол, а он на реч нашу господарскую и земскую бачности не маеть и того ж часу почал собе с тых новых людей пожитки вымышляти и их убожити и земль их отнимати, и листы нашы в них отбирати, и к роботе замковой приворочати, а они до году не мели замку робити и оли ж бы рок вышол, тогды мели его оправовати водле слушного обычаю. Яко ж мы сами, им фолкгуючы, вси платы наши до десяти год отпустили, же бы ся они запомгли и иншыи люди, отчичи тамошнии абы за ся на отчизны свои пришли, а звлаще в теперешнии часы, як ся нам с князем московским перемирье стало, могли бы они безпечне отчизн своих уживати и запоможенье собе мети. А тепер того не бачим, же бы князь Василей за держанья своего людей што там присадил, але и тых, которые после войска нашого в той волости зоставали, немало оттоль пошло проч. За таковою справою его николи ся они поправити не могуть. Водже и сам он мог бы тому розумети, иж тот замок на украйне есть, а к людем украинным треба ся ласкаве заховати и не годиться им ни в чом обтяженья чинити, нижли коли бы ся они запомогли и добре там укгрунтовали, мог бы тым нам, господару, пожиток привлащыти и собе теж знаючи по часу пожиток з них мети. Для чого ж мы и теперь послали до него дворенина королевое нашое милости и великое княгини Боны Мартина Пацотковского.

А так бы твоя милость князя Толочинского напомянул и науку ему дал, же бы он уперод лепшую бачность на нас господара и на реч земскую мел и слушне а радне на том справовал и такового обтяженья людем тамошним украинным не делал и листы наши, даныи им от нас на вызволенье даней и платов наших, им отдал и в роботе замковой водле тых первших листов наших не заховал. А што колвек пенязей и бобров и медов пресных и вин будеть з них побрал, то бы все нехай им поотдавал и тыи пенязи, што на гридню и стайну его они будуть выложили, им заплатил и за то за все досыть им вчынил перед тым дворенином королевое ее милости. А естли бы он к чому ся знати не хотел, ино на што они довод слушный або присягу перед тым дворянином королевое ее милости учинять, то бы все нехай им без мешканья заплатил и жон их с порук вызволил и вин з них не брал и жадных хором на себе им робити и сен косити не казал, а земли их отчизные и озера, которые колвек будеть у них поотнимал, за ся им вернул перед тым же двоенином королевое ее милости. И так того смотрел, жебы подданые нашы тамошние таковых тяжкостей от него не приймовали и з отчизн своих проч ся не росходили.

А што ся дотычеть старца, хто бы мел старченство у той волости заведати, ино которого человека волость на старченьство

выбереть, тот нехай старцом у них будеть. А князь Василей бы того з жалобами до нас ся не втекали, бо мы, маючи причину твоее милости у себе приемную, за такими тяжкостями подданых наших с того держанья его не рушали и мамы за то, иж твоя милость так рачишь того осмотрети и науку ему дати, яко бы было з нашым господарским добрым земским пожиточным. А пак ли бы он пред ся в том небачным был и хотел якии пожитки с тых людей наших вымышляти и кривды и драпежства им чинити, а они бы для того мели проч оттоль ся розходити и (того Боже не дай), естли збытки, а неслушною справою его мел оный замок наш, который за немалым накладом нам ся достал, ку якой шкоде прийти, мы того всего хочем на твоей милости осмотрети.

Писан у Кракове под лет. Бож. нарож. 1537, м-ца июня, 18 день, индикт 10.

Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905. Прилож. № 14. Цит. по: Памяць. Веткаўскі раён. У 2-х кнігах. Кн. 1. Мн., 1997. С. 50–52.

1560 г. марта 21. – Привилей короля Жигимонта II Августа гомейским мещанам на право пользоваться городской печатью.

Жыгимонт Август, божью милостю король польский, великий князь литовский, руский, жомойтський, мазовецкий и иных.

Ознаймуем сим нашым листом.

Присылали до нас подданые нашы мещане места Гомейского, оповедаючы, што ж они печати местское, которое бы справы местьские печатовати мели, в себе не мають и для того дей великое затрудненье в тых справах и потребах местских им частокрот деется. И били нам чолом, абыхмо ласку нашу вчинили, а печать местскую мети им дозволившы, герб прыдали.

Ино мы з ласки нашое господарское и для чоломбитя их, злаща, абы омешканье и затрудненье таковым справам и потребам их местским не деялося, то есмо вчинили, печать местьскую з гербом крыжа им дали и мети дозволили и сим листом нашым дозволяем.

Мають вжо они от того часу тое печати и гербу помененого во всих справах и потребах, оному месту належачих, вживати и им печатоватися по тому, яко и у в ыншых местах нашых Великого князства Литовского обычай того заховывается.

И на то есмо им дали сесь наш лист з нашою печатю.

Писан у Вильни лета божого нароженя 1560 месяца марца 21 день.

Цит. по: Спірыдонаў М. Гербы гарадоў феадальнай Беларусі// Маладосць. 1990. № 12. С. 156–163.

1581 г. мая 6. – Запись в служебных книгах Гомельского замка о гибели грамот храма святого Спаса во время нападения на Гомель московских войск (из рукописного архива И.И. Григоровича).

Лета божия, от нарожения Сына божего, тысяча пятсот осмдесят первого месяца мая шостого дня. Приходил до ураду Господарского Гомелского од его милости Пана моего, Пана Богдана Сапеги, Каштеляна Берестейского, Старосты Гомелского, Свещеник Спаский замку Гомелского Сысой Ерефеевич, и поведал тыми словы: иж дей которые листы к твердости славное и святое памяти Королей Их милости, Зыгмунда и Августа, на отчизны церковные, на храм Святого Спаса належачые, небощику дей отцу моему Ерефею, Свещенику Спаскому, з давных часов наданые, то есть на отчизну церковную у селе Дятловичах на четвертую часть от моего села, а другую отчизну в селе Волковичах, прозываемую Жидоловскую, ведлуг стародавного, от всего села на семую часть, а бобровых гонов с тым селом Волковицким по половицы; а за рекою Сожем, у селе Азаричах на острове обрубный прозываемый Катариновский; а к тому дей теж на земли церковные пашенные, при месте Гомелском лежачые по розным мейсцах, то есть на первым мейсцу, на Милчи, по обоих сторонах речки, на другим мейсцу в Клониках, на третим мейсцу в Лещине, на четвертым мейсцу на Новиках, иж церковища Спаского на два огороды. И листы дей Панов Ревизоров, Пана Григория Воловича и Пана Миколая Нарушевича, которые дей Спаского... (здесь и далее троеточием обозначены пропуски в рукописи.– О.М.) Ерефея, отца моего, при тых всих отчизнах и пашнях вышпомененных церковных, ведлуг тых листов Господарских, по старому зоставили, и листы свои под печатми з подписом рук своих отцу моему на то подавали, што дей ширей и достаточней на оных листах Королей их милости... И листы Панов Ревизоров в дому моим в месте захованы в скрыни были; тогдыж дей вчерашнего дня, у Пятницу, месяца мая пятого дня, як неприятеле Господаря нашого милостивого, люде Московские... до замку неведоме ночью пришедша, на место ударили, и место огнем выпалили: а так дей в таким ночным ... безвестным наезду неприятельском и запаленю места оные скрыни с тыми правами церковными не моглисмы з собою до замку ратовати: бо дей есмы заледве сам з жоною и з детми своими до замку убег; тогды дей тая скрынечка з правами церковными и зо всею убогою маемостю моею в дому моем згорела. И просил мене Свещеник Спаский Сысой Ерефеевич иж бы тое оповедание его до книг замку Гомелского было записано; што дей за прозбами его записано, а которых книг сей выпис под печатю моею Сысой Ерефеевич собе взял.

Писан в Гомлю, под датою вышшою.
Михайло Харкович, замку Гомелского Писар.

[Ниже рукою И.И. Григоровича выполнена приписка следующего содержания: «Сей акт писан на бумажном листе; к нему при подписи приложена небольшая печать Писаря под кустодиею, но изображенее за ветхостию неприметно. Подлинник хранится в архиве Могилевской Духовной Консистории».]

ЦГАМЛИ. Ф.6. Оп. 1. Д.14. Л. 97–97об.

1584 г. февраля 11. – Жалованная грамота короля С. Батория священнику гомейской Николаевской церкви на подтверждение владельческих прав.

Стефан, Божьею милостью король Польский и великий князь Литовский, ознаймуем сим листом нашим. Приходил до нас богомолец наш, поп святого Николы замку нашого Гомейского, на имя Микита Панкович, и поведил перед нами, иж кгды дей в року прошлом осмдесят первом люди неприятеля нашого, князя великого Московского, пришедши без вести, место наше Гомейское все огнем выпалили, на тот же час и листы привилья продков наших, королей их милости Польских и великих князей Литовских, так теж и листы ревизорские, продком его на тую церковь и на вси добра церковные им наданые погорели; и бил нам чолом, абых мы того богомолца нашого Микиту Панковича при той церкви и при всих пожитках, до тое церкви здавна належачих, заховали. Мы господарь видечи быть тую его речь слушную, и за чоломбитьем того богомолца нашого Микиты Панковича, при той церкви и при всих пожитках и доходах и парафеи, до тое церкви здавна належачих, его зоставили есьмо и сим листом нашим зоставуем. Мает он тую церковь на себе держати, и вшеляких пожитков до нее належачих уживати, и службу Божью водлуг порядку Греческого в той церкви служити, и за нас Бога просити, аж до живота своего. И на то дали есьмо тому богомолцу нашому Миките Панковичу сесь наш лист, з нашою печатью и с подписом руки нашое господарской. Писан у Городне, року Божьего нароженья 1584, месяца Февраля 11 дня. Лев Сапега, писар.

АОИЗР. Т. II. СПб., 1848. С. 283–284. № 141.

[Грамота аналогичного содержания, данная 11 февраля 1584 года священнику церкви святого Спаса «в месте Гомейском» Сысою Ерофеевичу, опубликована в том же сборнике документов на с. 284.]

1648 г. – Из «Летописи Самовидца» о действиях казацких отрядов в районе Стародуба, Чернигова, Гомеля и Нежина.

[Казаки воевали], нещадячи а не жон и детей их [шляхты, евреев], маетности рабовали, костели палили, обвалиовали, ксионзов забияли, дворе зась и замки шляхетские и двори жидовские пустошили, не зоставляючи жадного целого. Редкий в той креве на тот час рук своих не умочил и того грабления тих добр не чинил. И на тот час туга великая людем всякого стану значним била и наругання от посполитих людей, а найболше от гултяйства, то есть от броварников, вынников, могилников, будников, наймитов, пастухов. же любо бы який человек значний и не хотел привязоватися до того козацкого войска... и тии мусели у войско приставати, до того козацтва. Где по городах по замках шляхту доставано, где колвек позачинялися были, то есть: в Нежине, Чернигове, Стародубе, Гомлю. Все тое подостававши вистинали, бо першей, устрашившися, шляхта жидов повидавали з маетностями, а напотом и самих подоставали и вистинали. И многие на тот час з жидов, боячися смерти, християнскую веру приняли, але зась знову, час углядевши, до Полщи поутекавши, жидами позоставали, аж редко который додержал веры християнской. И так на Украине жадного жида не зостало, а жони шляхецкие зостали жонами козацкими.

Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трёх малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Издана Киевскою Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1878. С.13.

1648 г. не ранее мая 26. – Из записки дьяка Кунакова царю Алексею Михайловичу о присоединении к казацким отрядам белорусских повстанцев и о взятии Богданом Хмельницким ряда городов Украины и Беларуси, в т. ч. Гомеля.

... А к Богдану де Хмелницкому собралися в полки многие люди своевольные и пашенные мужики, побив панов своих в их маетностях, а у панских жон у беременных брюха распарывали и многое ругательство делали.

А воевали де Богдан Хмельницкой и полковники ево и татаровя городы: Чернигов, Стародуб, Белую Церковь, Винницу, Броды, Речицу, Мозырь, Гомель, Бар, Бресть-Литовскую, Парцово и иные городы многие подолские и волынские и уезды, которые против их стояли, а ляхов и жидов побивали без милости.

Акты ЮЗР. Т. III. СПб., 1862. С. 283–284.

1648 г. не ранее июня. – Из летописи С. Величко о рассылке Б. Хмельницким универсалов к населению Украины и Беларуси с призывом к восстанию и о собирании им казацкого войска.

...Таких универсалов 60 Хмельницкий, при печати войсковой и при подписе руки своей, яко належить спорядивши, розослал их з под Белой Церкви пилними и справними козаками во вселенную Малоросийскую, по обоих сторонах р. Днепра зостаючую; сягнувши оними по единой стороне, т. е. от Белой Церкви аж до Полонного, до Львова и до Камянца Подолского; а по другой стороне Днепра, от Переяславля сягнувши онимиж до Чернигова, Стародуба, Гомля и за Днепр аж до Борисова и далей, до Бихова теж, Могилева и далей; якую виправу универсалов тих учинил он, Хмельницкий, чрез козаков, з тих же краев и городов при нем бывших, а з людми тамошними добре знаючихся, и послании своем осторожне и латво справитися могущих.

По розосланню теди тих универсалов стоял Хмельницкий неподвижно обозом своим под Белою Церквою недель 7 (т. е. от мая 9, як притягнул под Белую Церков до июня 26, як рушил з под Белой Церкви ку Пилаве), засмотриваючися пилно на обороти поляков, а немеючи болше при себе войска з ординским над 19000; но ожидаючи ку себе ж по розосланних универсалах зтягненняся войска украино-малоросийского, которого доброго и военного, через помещенное седмонедельное врямя, яко орлов до трупа, вновь прибралося к нему 18000, кроме запорожцов новоприбылих 2000 и орди толкож новоприсланной. И так всего того нового и старого козацкого и ординского войска стануло тогда при Хмельницком 41000 или 42000, а армат болших и менших 38, кроме 6 армат до Сечи Запорожской одосланих...

Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в., составленная Самоилом Величко, изданная Киевской Временной комиссией для разбора древних актов. Т. I. Ч. I. Киев, 1848. С. 90–92.

1648 г. августа 9. – Из анонимных сообщений о действиях восставших казаков в Чернигове, Новгород-Северском, Стародубе, а также Гомеле и других городах белорусского Поднепровья.

Из Чернигова. Захватив замок путем измены, перебили там казаки свыше 180 человек шляхты значительной. Некоторые шляхтичи имели при себе свыше 100 челядников. Урядников земских, ротмистров и отборных солдат до 30, всех их, а также жен и детей перебили. Посылаю список погибших. Из Чернигова и отовсюда переносят пушки в Новгород, а казну – в Гомель. [Повстанцы] удерживают за Днепром Гомель, Стародуб, Чичерск, Новгород, Чернигов,

штурмуют Кричев, а Пропойск не сможет устоять. А с этой стороны [повстанцы] осадили Любеч, Лоев, Халмеч, Речицу, Горволь. Стрешин, Слоним (Жлобин? – О.М.). Рогачев не сможет оборониться и не задержатся [повстанцы] в Новом Быхове...

Чернигову 1300 лет. Сборник документов и материалов. Киев: Наукова думка, 1990. С.36.

1649 г. апреля 28. – Из письма неизвестного лица, находящегося в войсках Речи Посполитой, о вступлении казацких отрядов М.Небабы в Гомель и о настроениях простолюдинов.

...В Речицу приведен Фесько, сотник брагинский, который на допросе показал, что в великую субботу полковник Небаба вступил в Гомель с 2500 казаков, что у него наиболее опытной пехоты... Тот же сотник говорил, что хотя Хмельницкий и хотел бы помириться, но не может, ибо чернь так разъярена, что решилась или уничтожить шляхту или погибнуть...

Белоруссия в эпоху феодализма. Т.II., Мн., 1960. С.38. № 13.

1649 г. I-я половина. – Из повествования французского писателя Шевальє о борьбе казацких отрядов и белорусского населения с войсками Януша Радзивилла.

...Бунты козаков и русских мужиков с начала сей вѣйны распространились в Литве по тому более, что народ того княжества довольно сходствен был нравами и верою малороссиянам.

Козаки, вступив в оное княжение из 2 сторон, сделали несколько нападений в Полесье, которая сторона наполнена лесами и болотами и принадлежит частию к воеводству Киевскому и Волынскому, и чрез измену полякам тамошних обывателей, кои в козацком походе согласны были, завладели было уже городами Стародубом и Гомлем; однако ж польского войска полковники Пац и Волович, а при том кн. Ян Радзивилл, генерал жмудский и хетман литовский, с шляхетством оршанским и гарнизоном быховским, т. к. и с другими несколькими полками, пресекли дальнейшее их нападение...

Белоруссия в эпоху феодализма. Т.II. Мн., 1960. С.42. № 17.

1649 г. января 3. – Отписка (сообщение) З. Леонтьева и И. Кобыльского царю Алексею Михайловичу о походе запорожских казаков под Быхов, Кричев, Гомей и о перемирии Б.Хмельницкого с Речью Посполитой.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, холопи твои Замятенко Леонтьев, Ивашка Кобылской челом бьют. В нынешнем, государь, в 157 году [1648], декабря в 14 день, по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайло-

вича всеа Руси указу, посылали мы холопи твои из Севска за рубеж в Полскую и в Литовскую землю, для проведованья вестей, севского пушкаря Понтелейка Мотосова, да комарицкого драгуна Ондрюшку Жукова. И декабря ж, государь, в 26 день, севской пушкарь Понтелейко Мотосов да комарицкий драгун Ондрюшка Жуков в Севеск из-за рубежа из Полские стороны приехали, а в роспросе холопем твоим сказали: были де, государь, они для проведыванья вестей в Полской стороне в Новегороде Северском, и при них де, государь, пошли было из Новагородка Северского полковник Богдан Щебоченка с козаки, триста человек, да из городка из Мены полковник же Шеболтаснай с козаки ж, шесть сот человек, а велено де было, государь, итти им под Литовские городы под Быхов, под Кричев, да под Гомей; и те де, государь, полковники с козаки воротились назад и пришли в Новгородок Северской декабря в 22 числе; а воротились де, государь, они потому, что присланы де от Зопороского гетмана Хмелницкого к ним листы: велено де, государь, им итти назад для того, что Хмелницкой с Поляки помирился до Велико дни, и им де полковником и козаком, которые были по городом, а пошли было под Литовские городы, велено опять быть по тем же городом. А гетман де Хмелницкой стоит в Замостье, и войска, которые с ним, не распускает, и татар де от себя не отпущает же. А которые де, государь, Поляки сидели в осаде в Замостье, и те де, государь, Поляки из осады выпущены. А на чом де, государь, Запороской гетман Хмелницкой с Поляки помирился, тогоде, государь, не ведомо. А с сею отпискою послали мы холопи твои к тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, к Москве, стародубца сына боярского Василья Лихинина и велели, государь, ему явитца и отписку подать в Розряд твоим государевым дьяком, думному Ивану Гавреневу да Григорью Ларионову.

Акты ЮЗР. Т. VIII. СПб., 1875. С. 283.

1651 г. июня 9. – Из письма гетмана Я. Радзивилла королю Речи Посполитой Яну Казимиру из военного лагеря.

Развернув во всех направлениях враждебные действия, неприятель подошел к Гомелю и окопался возле города. На следующий день с утра были слышны крики и стрельба. Штурм был отбит. Среди мещан обнаружилась измена. Семеро из них спустились со стены к неприятелю. Поэтому наши всех мещан вырезали. Небаба с Шумейком с 7 тысячами [войска] осаждают Гомель. Каждый день к ним приходит по несколько сот человек подкрепления. Из рассказов тех, которые прибывают из-под Гомеля, видно, что пехота там готова к сильной защите и у них на некоторое время есть необходимое количество пороха и продовольствия, но беда с конницей.

О сочувствии крестьян [казакам] свидетельствуют их заявления о том, что как только помощь покажется, они будут бить [шляхту] и во всем помогать казакам. Поэтому я послал п. Старосту мозырского с несколькими стами людей для помощи [осажденным] и доставки им продовольствия. Все это он с божьей помощью выполнит, если только ему не помешают плохие переправы, которые мешают выполнению всех наших военных планов, потому что куда бы мы не хотели двинуться из-за рек, лесов и болот встречаем большие трудности и опасности. О результатах оказания помощи [осажденным] не премину уведомить в. к. м.

Перевод с польского.
Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1965. С.457–458.

1651 г. июня (не ранее 16). – Из донесения (реляции) об осаде Гомеля казаками.

13 июня, то есть в воскресенье утром, в 8 часов, когда менялся караул, часовой заметил красную хоругвь с белым крестом и белой каймой, под которой казаки подступали к Гомелю. Когда хоругвь уже продвигалась около города среди садов, рядом с ней появилась и вторая красная хоругвь, с ней было три белых, две черных и две темно-желтых хоругви, а за ней двигалось 8 тыс. казацкой хорошей конницы и отборной пехоты. Там же из-под хоругви полковника Забелы выскочило около 40 всадников. Они устремились через рожь мимо панского гумна, вырываясь вперед из рядов конницы. Остальные все часа два стояли за огородами и садами в боевой готовности.

Вдруг один из них выскочил, гарцуя и крича по-татарски: «Ала, ала». Один из солдат подстрелил под ним коня.

Спустя полчаса, подошло 3 тыс. пехоты с полковниками Литвиненко и Поповичем, которая сразу кинулась наравне с другими со всех сторон рыть шанцы. Конные же рассыпались в разъезд по разным селам, а 400 казаков было разослано по всем дорогам на несколько миль в дозор.

Эти разъезды, совершив набег из Гомеля, жестоко замучили п. Ленского, которого застали врасплох, чем вечером сами хвастались и кричали, что при нем нашли 10 червоных.

Под вечер на барабанах выбивали сигнал «Басолука» или «Слусчин», после чего и у нас и у них до полуночи было тихо.

Утром лошадьми и волами отправили в Ерыловичи драгоценности, которые набрали у окрестной шляхты.

Пехота ночью на штурм идти не хотела, т. к. натрудила ноги. Рыла ночью шанцы и, роя весь день в понедельник, подошла под самый забор (здесь и далее под «забором» понимается оборонительная стена в виде вертикально поставленных брёвен.– О.М.).

С понедельника на вторник, около полуночи, на четвереньках подходили под забор, где находились драгуны, и выдолбленные в их укрытиях бойницы досками позатыкали, чтоб пехота не могла мушкеты высовывать, а если где-нибудь осталась бойница, то как только появлялся мушкет, ударяли обухом по концу ствола, сразу же выбивая его из рук.

В городе, где сторожили воины вместе с мещанами, там у башни, подрезав дубовые колья, казаки отбивали углы, чтобы им было легче в город ворваться и быстро вслепую лезли в эти отверстия, пока воины из хоругвей и отряда п. надворного хорунжего, устремившись вперед, начали давать им отпор. Схватившись врукопашную и рубя их саблями, они оттеснили их от забора, в чем мещане сильно помогли бердышами и, хотя и сами не обошлись без потерь, уложили многих неприятелей. Некоторые из них и несколько слуг было убито из ближних шанцев.

В этой схватке нескольким казакам удалось ворваться на стену и захватить опорный пункт. Они до того перемешались со слугами, что трудно было разобраться, где свои, а где чужие и только после того, как к пехоте был послан капитан Монтгомори, когда один из этих изменников ударом по голове обуха убил на глазах у всех шляхетского слугу, а другие стали в наших бросать палками, не давая подступить, наши начали по ним сильную стрельбу, а те не выдержав, бросились через забор к своим.

В этом штурме убили сотника п. Паца, который командовал пехотой, штурмовавшей неприятеля немецким способом.

Когда здесь происходило сражение, пришло сообщение о том, что на нас с еще большими силами наступает неприятель со стороны Пречистой [церкви] против е. м. п. капитана Монтгомори, ибо предатель гомельский мещанин провел их с той стороны, где забор был не крепкий, так как в нем подгнили колья.

Туда отовсюду устремилась на защиту вся пехота и дала им крепкий отпор. Мы потеряли двух солдат и двух хорунжих, но и врагов много уложили на площади. Выполняя приказание обязательно достать языка один из наших, увидев казака, взбиравшегося на забор, схватил его за ворот. Казаки в ответ на это стали стрелять из окопа по этому казаку, пытаясь не допустить, чтобы он живым попался нам в руки, но вместо него прострелили руку нашему солдату. Однако тот не отпустил казака, пока не прибежал второй солдат, и совместными усилиями они перебросили его через забор. Этому солдату прострелили верхнюю часть головы, но он еще живет, и, надеюсь, останется жить, ибо пуля, пройдя насквозь, не задела мозга. Десятник, сделав аркан, закинул его на казака, и наши потащили его наверх. Он был трижды ранен своими. Все же, когда его

притащили к нам, он сказал, что полковник Небаба отобрал 80 конных казаков и каждому полковнику отдал приказ идти в Гомель, оставив из своего состава по четыре человека при армии, и что полковник Подобайло людей послал, но сам не пошел.

Отправляя этих казаков, Небаба так их напутствовал: «Идите, молодцы, к своим родным и всех мещан-ляхов в Гомеле под корень рубите, ни одного в живых не оставляйте. Город сожгите, а потом в Быхов идите, его берите, но только могилевцам обиды не причиняйте. Если до трех раз Гомеля не возмете, тогда ко мне за оружием быстрее присылайте». Показания этого казака подтвердились, так как Забела во вторник после штурма послал за арматой к Небабе.

В тот же день, стремясь выманить наших из города, казаки учинили у себя крик и шум. Желая убедить нас в том, что к нам якобы пришла помощь, они прибегнули к следующей хитрости: собравшись у бора, они то наступали с хоругвями, то опять отступали по несколько раз в бор, открыв мушкетный огонь и выбивая марш немецкой пехоты.

Тут наши действительно хотели выскочить из города и ударить по ним с тыла, думая, что пришла помощь, однако капитан Монтгомори, догадавшись в чем дело, никого за ворота не пустил.

Итак, когда эта хитрость не удалась, они весь день и ночь воздерживались от штурма.

В среду [казаки] опять весь день к штурму готовились, соорудили 14 гуляй-городов и повтыкали в них зеленые ветки, а когда ночь наступила, сразу приставили 4 гуляй-города к Чечерским воротам, где на страже стоял капитан Монтгомори, а три к самому мосту притянули. Шли, подталкивая гуляй-города, молча, но когда в них начали стрелять, ложились наземь и кричали. Когда же по приказу капитана Монтгомори по ним открыли сильный огонь из пушек и мушкетов, сразу же выкурили их со всех гуляй-городов.

Литвитненко и Попович с Окшиным полком в Гомейке раз 15 на штурм ходили и каждый раз, когда пушкарь на старом замке из пушки или из гаковниц ударял по ним, сразу бросались врассыпную, оставляя гуляй-города. Так было до самого восхода солнца.

Когда же прекратили штурм (как рассказал взятый язык), 9 июня было передано письмо Забеле от Небабы с приказом днем и ночью возвращаться назад. Тогда все сразу же, не возвращаясь в окопы, бросились к переправе у двора п. Скоковского, причем, как конные, так и пешие вплавь. От этого на переправе поднялась такая сильная волна, что опрокинула паром с людьми, и много их потонуло, особенно тех, которые переправлялись на досках и бревнах.

В окопах было брошено продовольствие, сухари, копченое мясо, битый скот, мука, так что наши недели на три запаслись.

Другие после, промышляя по селам, скот в табор гнали, полагая, что Забела с людьми еще стоит под Гомелем.

Там во время вылазки товарищей и хоружего легло много казаков, а многих взяли живыми и они вскоре будут отосланы к е. м. князю...

Перевод с польского.
Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев, 1965. С. 518–520.

1654 г. – Из «Летописи Самовидца» о событиях первого года войны России с Речью Посполитой и о боевых действиях под Гомелем.

Того ж року, зараз на весну, его царское величество, обвестеши през своего царского величества послов королеве его милости о своих кривдах и о наступлению на православную веру, уводячи римскую, а наибарзий унеею стисненних християн, – озноймует, же войною идет на короля полского, и сам своею персоною царскою рушает з столици з многими войсками...

А гетман Хмелницкий висилает своего войска полк нежинский, чернеговский, при которих и охочих много козаков, и инних полков пошло не мало, з которих осмь полков стало, бо Ивану Золотаренкове наказное гетманство вручил, давши ему булаву и бунчук, и армат узял из собою немало, который просто ишол на Гомел, и там, под которим немалий час стоял, немогучи оных узяти. А его царское величество просто под Смоленск подступил и там оного доставал розными способами, где и козаков пришло немало з братом Золотаренковим до его царского величества под Смоленеск...

Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трёх малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Издана Киевскою Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1878. С.36–37.

1654 г. июня 29. – Письмо наказного гетмана Ивана Никифоровича Золотаренко к царю Алексею Михайловичу об осаде казацкими войсками Гомеля.

Божиею милостию, великому государю царю и вел. кн. Алексею Михайловичю... Иван Микифорович, гетман наказный и слуга в. ц. вел., со унижением челобитный мой поклон под ноги, в. ц. вел., яко верный и желательный смиренно отдаю со всем Войском Запорожским, при мне на сесь час будучем.

По отпуску посланцов наших из Новагородка, Тимофея Аникеева с товарыщи, до в. ц. вел. шли есмя прямо на Стародуб. Тогда неприятели веры нашей православной християнской и в. ц. вел.,

выпадши из Гомля загонами, села державы в. ц. вел. поиспустошали. Видя мы их такое воровство, а до того по сказке языков их выразумевши, что имели по отшествии нашем на услугу в. ц. вел. на Чернигов, на Стародуб и на всю сию Украину итти и в конец разорити; а как бы то учинили, до жен, детей и животов наших не имели б есмя назад спешити, усоветовав с собою пошли есмя под Гомль, и ныне табором стоим, осадили есмя, принудив его голодом и безводием, приступом, призвав бога на помочь, за счастием в. ц. вел. хощем его добывати. Писали есмя до бояр и воевод, до боярина и наместника казанского кн. Алексея Никитича Трубецкого, чтоб нам помочи дал; а естли не даст помочи, чтоб нам известно учинил, где с войском в. ц. вел. сам пребывает. На те 2 статьи ничего ведомо не учинил. А я с послуги в. ц. вел. медлю, чего сердцем моим желею и болю, рад бы душою моею прелетел на службу в. ц. вел.; однако смотреть на тех неприятелей и супостат наших, в Гомле обретающихся, оставих, которое есть всем местем граничным литовским головою. Надеятися надобно изнищенья государств в. ц. вел., Черниговскому и Стародубскому уу., а добываючи их, место велми оборонное, людей служилых не мало, снарядов и порохов много, 2 полковника, един кн. Жижемский, а другий Бобровницкий, с которыми именуется 2000 быти людей, приступом емлючи, надеятися надобно великого ущербу войска нашего. Нарочно тогда посылаем посланцов наших Петра Забелу с товарыщи и, бьючи челом в. ц. вел., как имеем себе поступать, где ведомости в. ц. вел. ожидать будем; а около того города промышляти всеми промыслы ратными не умедлим. А как господь бог нам пособит что доброво зделати, не умедлим в. ц. вел. дати знать, и сами вслед за теми посланцы на услугу в. ц. вел. поспешитися.

О отправу их посланцов наших скорою и немедленною, также и о указ до кн. Трубецкого, чтоб с нами во всем ссылался и о собе ведомо чинил, со унижением челом бьем.

По сем, дай, Христе, царю, чтоб есмя, в. ц. вел., в добром здравии государствующего, победителем над неприятели веры нашия, поспешеством спасителя нашего Иисуса Христа долголетно зрели.

Дан с табору под Гомлем месяца июня в 29 день лета 1654 от рождества христова. В. ц. вел. униженный слуга и верный подданной Иван Никифорович, гетман наказной, от е. м. пана Богдана Хмелницкого, гетмана Войска Запорожского, на услугу в. ц. вел. с Войском Запорожским посланый.

Акты ЮЗР. Т. XIV. СПб., 1889. С. 129–132.

1654 г. июля 15. – Письмо наказного гетмана Ивана Никифоровича Золотаренко к царю Алексею Михайловичу об осаде казацкими войсками Гомеля и боевых действиях в Речице, Жлобине, Стрешине, Рогачёве, Горволе.

Божиею милостию, великому государю царю и вел. кн. Алексею Михайловичю ... Иван Микифорович, гетман наказной от е. м. пана Богдана Хмелницкого, гетмана Войска Запорожского, и слуга в. ц. вел. со унижением челобитный мой поклон под ноги в. ц. вел. со всем Войском Запорожским, яко верный и желательный смиренно отдаюсь.

Нынешняго году 14 дня июля отдана нам есть грамота в. ц. вел. чрез гонца, подьячего Якова Портомоина, в которой объявляти в. ц. вел. изволил суть, что великому государю нашему, в. ц. вел., городы Дорогобуж, Невль, Белая, Полоцк, Рославль добили челом и веру в. ц. вел. шляхта служилые, и мещане, и уездные всякие люди на верное подданство, по святой евангельской заповеди, учинили; и в. ц. вел. пришодши под Смоленеск, с помощию бога всемогущего, около него промышляешь, и до Януша Радивила бояр и воевод в. ц. вел. со многими ратными людми, чтобы около него и около людей ратных, при нем будучих, промышляти, росказати изволил есть: за что мы желательные и верные поданные в. ц. вел., благодарим бога всемогущего, в троице святой единого, иже он за поклонением нашим, в. ц. вел. многих християн, в высокой своей милости, до узнания правды и до отдаяния челобитного поклону и подданства в. ц. вел. приводити и покаряти изволил.

Того ж бога всемогущего, в троице святой единого, усердно молим, чтобы короли, княжата местные силные и недобытые в. ц. вел., помазанику божию, вскоре прилучить, чтобы счастьем в. ц. вел. всякий народ нигде отстоятися не мог, приятно от сердца желаем и верне хотим. По росказанию в. ц. вел. шли есмя с Войском Запорожским, при мне будучем, на Гомель, в котором на заставе от ляхов стоит ратных людей не мало, как я чрез Петра Забелу до в. ц. вел. писал, в замку, велми оборонном, стрелбы и порохов и запасов немало имеючих; до которых писали есмя имянем в. ц. вел. и Богдана Хмелницкого, гетмана Войск Запорожских в. ц. вел. На что они гордо и сурово до нас отписали, которых листы в. ц. вел. отсылаем.

А мы, выразумевши из тех листов, что когда их тут оставим не добывши, всей Литве и войскам их сердца и смелости додадут.

Те ж неприятели, по отступлению нашему, выпадши из тое ямы разбойническия, с того голоду, как есмя их принудили и из пушек надбили, в наши краи впадши, жон и детей наших живых пускати не будут и места в. ц. вел. украинные испустошат. Стоячи под тем

Гомлем, посылали есмя в загоны, которые по той там стороне Днепра замки и места поимали, и под мечь непослушные; а городы. которые нам шкоды прежде чинили, попалити велели есмя, особный замок Речицкий, замок Злобин, замок Стрешин, замок Рогачев, замок Горволь позжено.

Волощаня, как речицкие, гомельские, такожде и селяне тех мест, которые по лесах крылися, счастьем в. ц. вел. поклонилися и от нас листы взяли, имеют в наши городы итти на житье. В том же листу в. ц. вел. указ нам итти с Тимофеем Ивановичем Спасителевым под Смоленеск, чего мы, яко желает елень на источники водные, так мы желаем в. ц. вел. служити; однако ж тех врагов наших, позадь нас будучих, есть дело велми не безстрашное оставить.

Имеем ожидати ведомости от в. ц. вел. через Петра Забелу, который, как скоро принесет, так того ж часа на услугу в. ц. вел. рушимся, и в дороге прямо идучи, нигде не замешкаем; а тем времянем около тех осадных, голодом принуженых и снарядом надгубленных, вземши господа бога на помощь, счастьем в. ц. вел. около их промышляти будем. Со унижением тогда в. ц. вел. челом бьем: не изволь, в. ц. вел., на нас имети зазле: понеже жены и дети наши оплакали бы нас, естли бы есмы тех неприятелей наших живых пустити имели. На останок, гонец в. ц. вел. Яков Портомоин присмотрелся, каков имеем около их промысел, то отдаст словесно и пространнее в. ц. вел. извещение; толко господь всемогущий во всем да поможет нам, счастьем в. ц. вел.

При том дай, Христе, царю, чтоб есмя в. ц. вел. в добром здоровье во всяких радостных потехах победителем над неприятелми, счастливе государствуючего, долголетне зрети могли.

Дан из табору под Гомлем июля 15 дня от рождества христова 1654.

В. ц. вел. наинижайший слуга и верный подданный Иван Микифорович, гетман наказный от Богдана Хмелницкого, гетмана Войск Запорожских в. ц. вел.

Акты ЮЗР. Т. XIV. СПб., 1889. С. 135–138.

1654 г. августа 4. – Письмо наказного гетмана Ивана Никифоровича Золотаренко к царю Алексею Михайловичу об осаде казацкими войсками Гомеля и направлении отряда под командованием нежинского полковника Василия Никифоровича Золотаренко в помощь российским войскам.

Божиею милостию, великому государю царю и вел.кн. Алексею Михайловичю... Бог свидетель сердец и душ наших есть, как Богдан Хмельницкий, гетман Войск Запорожских, в. ц. вел. с нами вместе и со всем народом Малыя Росии, земли Киевской, и Бряславской, и Черниговской, в. ц. вел. обещали и присягали верно

и приятно служити, за достоинство в. ц. вел. умирати, и непоколебимо в том предприятии нашем мы в предьбудущие времена сами и наследники наши пребывати должны, как мы веру учинили: тогда тотчас самым делом верного подданства нашего объявляем прямо и верно и желательно в. ц. вел. служим и служити хотим, а в прямь на самое повеление в. ц. вел. грамот, которые через розные гонцы до рук наших приходили, по которых сами мы с Войском Запорожским, при мне будучем, за высланием Богдана Хмельницкого, гетмана в. ц. вел. Малыя Росии, на услугу к боку в. ц. вел. единаго часа от сердца истиннаго прелетели бы есмя, яко желает елень на источники водныя, тако желает душа наша при боку в. ц. вел. службе быти; однако усоветовали есмя тех разорителей веры нашея православные християнские и в. ц. вел. недругов силу и упор, гордыню и злобу древнюю, что на Богдана Хмелницкого, верного в. ц. вел. слуги, и за наши листы исчерьненыя, чтоб ся поддали под высокую руку в. ц. вел., не только чтоб поизволяли, но яко злосливые песиими губами своими достоинство в. ц. вел. нарушали; за которое как при боку в. ц. вел., так и тут под Гомелем умирати, а жив будучи, докуды духа нашего в теле нашем ставитися будет, над телесами недругов в. ц. вел. мститися будем. Оставил бы есмь тут против указу в. ц. вел. людей, те люди силе их и выузданой злости одолети не могли б, было бы то с небезстрашием здоровья оставленых козаков, с небезстрашием мест черкаских в. ц. вел. и с неславою моею и всего Войска Запорожского в. ц. вел. С тех двух вин остался есмь сам с Войском Запорожским, а верными слугами в. ц. вел. под тем Гомлем для того, что и послушенство будет. Имею на бога надежду, что в кратком времени потехи недруги в. ц. вел. не восприимут.

А понеже за теми явными причинами ныне по указу в. ц. вел. со всем войском ставитись не могу, того сердечно душою моею жалею. Для того со слезами в. ц. вел. до лица земли со унижением и со смирением челом бью: не изволь, в. ц. вел., разумети за непослушного или неохочего на услугу в. ц. вел., чего боже сохрани; но вместе мое, оторвав утробу от сердца моего, брата родного Василья Никифоровича, полковника нежинского, Ивана Нестеренка, судью, Петра Забелу, сотника борзенского, а с ним 1000 казаков на сие время на услугу в. ц. вел. посылаю. А когда господь бог всемилостивый нам поможет и тех злодеев за их беззаконие выдаст нам в руки, того ж часа не омешюка пристойне итти на услугу в. ц. вел. и смело при боку в. ц. вел. умирати готов, не озираючися на небезстрашие жен и детей краев наших и в. ц. вел. государства. А чтоб есмь к угодию стал услужити престолу в. ц. вел., Иисуса Христа, откупителя нашего, о такую благодать усердно молити будем. При том дай, Христе, царю, чтоб есмы в. ц. вел., долголетне

государствующего над народом християнским, победителем над неприятелями видети могли.

Дан из табору под Гомлем, месяца августа 4 дня лета 1654 от рождества христова. В. ц. вел. верный подданный и нижайший слуга Иван Никифорович, гетман наказный Войска Запорожского.

Акты ЮЗР. Т. XIV. СПб., 1889. С. 139–144.

1654 г. сентября 12. – Из письма неизвестного автора из Вильно о поражении войск Речи Посполитой под Могилёвом, о сдаче Гомеля, осаде других белорусских городов и продвижении казацких войск на Беларусь.

...Е. с. кн. гетман находится еще в Минске, а разбитое в Смоленицах в 5 милях от Минска, войско собирается. Пишут, что его собралось там тысячи 3. Гомель также сдался. Знамена, которых было там десяток с лишком, и людей отослали к царю, там же поместили московский гарнизон...

Перевод с польского.
Белоруссия в эпоху феодализма. Т. II. Мн., 1960. С. 86–87. № 57.

1660 г. марта 31. – Жалованная грамота российского царя Алексея Михайловича нежинскому казацкому полковнику Василию Золотаренко на Гомель с волостью.

Божиею милостию мы великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец...

Пожаловали есмя подданных нашего царского величества войска Запорожского Нежинского полковника Василья Золотаренка, что в нынешнем во 168 [1660] году бил челом нам великому государю, нашему царскому величеству, он полковник Василей; как де войска Запорожского будучий гетман Ивашко Выговской нам великому государю изменил и учинил в Малой Росии в войске Запорожском междусобие и христианское невинное кроворазлитие, и он полковник, вспамятовав страх Божий и крестное свое целованье и нашу великого государя к себе и ко брату его к Ивану Золотаренку премногую милость, от того изменника и клятвопреступника от Ивашка Выговского отстал и с нашими великого государя бояры и воеводы; с ближним бояриным и наместником Казанским со князем Алексеем Никитичем Трубецким с товарыщи ссылался, радея о наших государских делех, и в городы и в места к полковником и сотником и к казакам писал, и Ляхов, которые в Нежине были, побил; а нам великому государю пожаловати б его, за его к нам

великому государю и брата его верные службы, городом Гомлем с волостью и с уездом, со всеми угодьи, и дати б ему нашу великого государя жаловалную грамоту. И мы великий государь царь великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, Нежинского полковника Василья Золотаренка, за его к нам великому государю и брата его верные службы, пожаловали городом Гомлем с волостью и с уездом и с землями и со всякими угодьи к нему належачими и доходы во владенье, и о том велели ему дать сю нашу царского величества жаловалную грамоту, за нашею государственною болшою печатью, потому: во 162 [1654] году, по нашему царского величества указу, тот город Гомль взял у Литовских людей брат его, наказной гетман Иван Золотаренко, и он Василей. И по нашей государской милости, Нежинскому полковнику Василью Золотаренку и его детем и наследником городом Гомлем с волостью и с уездом со всеми угодьи к нему належачими владети и доходы всякие имати, как наперед сего имывано; и ему полковнику Василью, видя к себе нашу государскую премногую милость и жалованье, нам великому государю и сыну нашего царского величества благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, служити и всякого добра хотети, а мы великий государь, наше царское величество, учнем его Василья держати в нашем государском милостивом жалованье и в призрении. Дана ся наша царского величества жаловалная грамота в нашем царствующем граде Москве, лета от создания миру 7168 [1660], марта 31 дня.

Акты ЮЗР. Т. V. СПб., 1867. С. 16–17.

1662 г. – Постановление чрезвычайного Варшавского сейма о закреплении за шляхтичем Г. Кершновским в наследственное владение деревни Тростин в Гомельской округе.

Желая вознаградить за верную и преданную службу в войсках Вел. кн. Лит. солдат наших, которые лишились своих владений и находятся в услужении нашем и Речи Посполитой, благородному Габриэлю Кершновскому, товарищу гусарской хоругви ясновельможного воеводы виленского, великого гетмана Вел. кн. Лит., владеющему пожизненно дер. Тростин в Речицком пов. в Гомельской округе, передаем таковую волею настоящего собрания в наследственное земское владение и грамоту нашу об этом подтверждаем.

Перевод с польского.
Белоруссия в эпоху феодализма. Т. II. Мн., 1960. С. 189. № 137.

1665 г. ноября 15. – Из письма к гетману Запорожского войска Ивану Мартыновичу Брюховецкому стародубского полковника Александра Острянина о положении дел в Малороссии во время отсутствия гетмана.

...Сие велможности вашей с должности моей служней извещаю чрез посланцы мои нарочно, и умыслих посетить писанием моим являюще истинну свою, яко сын отцу, когда сам не сподобился при велможности вашей быти; и смиренно молю, за такую нерозмысленную и горячую смелость, яко добродей, в докуку не поставь, когда ж меня никакая непристойная и строптивая похоть доселе не принудила извещати, толко подлинные явления сердца вашего, якоже есть подлинный прародитель правдивый и неложный не положенный ни во что велможность ваша в приохощении нам во всех службах к его царскому пресветлому величеству исполнил еси и победа над всеми неприятелми господствовала, и по се время явно чинится, за приходом моим в Север с половиною полка, ни откуда великие налоги не имеем и людей вновь не слышать; толко тот злохитренный Мурашка, подобный волку, из Гомля з давными и обитыми людми в волости наши докучает, откуду не надеемся, понеже нужда его к тому приволочит, яко не имеющаго покормления, за ним же скоро гонял и за Куршавичами ж, для неимения лошадей, могл возвратитися, паче ж в то время для злой дороги и толко для того проклятого остаток полку моего вкупе держаще, отвсюда надежную сторожу имею, егда ли б дал Бог и волка уловить.

Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 63.

1666 г. мая 27. – Из письма гетмана казацкого Запорожского войска Ивана Мартыновича Брюховецкого царю Алексею Михайловичу, в котором уведомляется о посылке под Гомель отрядов черниговского полковника Д. Игнатова.

...А и о том также вам великому государю... буда ведомо, что посылал я... дворянина вашего... Черниговского полковника Демка Игнатова сына, а именно под Гомель изменичий город со всем его Черниговским полком, к тому придав и те пехотные и конные с розных сторон сборные сотни, которых собралось было самоволством не мало и стояли на самом пограничи от Запорожа; и я... запобегаючи тому, чоб и сие самоволством собранные... казацкие в едину с Запорожскими казаками не согласилися б мысль и отвратиши б нас к ним, ради того самого тех всех сборных казаков в тот край послал; также и Дмитрашка Райчу, Браславского полковника,

со всеми при нем будучими королей Волоских товарством. А как... полковнику Черниговскому что доброго сделать над тем изменничьим городом Гомлем поблагославит, тогда не омешкаю я... о том вам великому государю... известно учинити наскоре.

Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 105–107.

1666 г. июня 19. – Из письма (отписки) гетмана казацкого Запорожского войска Ивана Мартыновича Брюховецкого царю Алексею Михайловичу о роспуске по домам царских ратных людей и казацких полков в связи с миром, заключённым с Речью Посполитой.

...Тож я со всем верным войском вашего царского пресветлого величества Запорожским... слышачи... что отеческим милосердным вашего царского пресветлого величества радением ныне на съезде чрез великих и полномочных ваших государевых послов с Ляцкими комисары о вечном покое договор учинился, о котором скоро толко я... уведомленным есть, также и о том, чтоб так ратные вашего царского пресветлого величества при мне будучие люди, также и казацкие полки, ныне в сборе будучие, все роспущены были и никаких бы ни малых зацепок с Ляхами не имели, то того ж часу, не мешкав... послал яко наскоро по всем полкам, которые где в сборе были под Гомлем и на иных потребных местех, имянно у Днепра, сберегаючи от неприятелей отчину вашего царского пресветлого величества, чтоб конечне все по домам своим розошлись.

Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 109–110.

1666 г. июня 22. – Из письма царя Алексея Михайловича гетману казацкого Запорожского войска Ивану Мартыновичу Брюховецкому с требованием прекратить боевые действия под Гомелем и Слуцком.

...Никаких великого государя ратных людей которые при тебе, и войска Запорожского на Полских и Литовских людей и на Заднепровских Черкас, и под городы, и под местечка, и в села и в деревни, которые ныне под королевскою рукою, войною не посылать и задоров и зацепок ни в чем чинить не велеть...

... А под Гомелем де стоят казаки обозом и шанцы под городом подвели; также и около Слуцка многие казаки ходят и воюют, и письмо их, нашего царского величества великих и полномочных послов, что они писали о задержании войны не послушали, и посылщиков послов наших и комисарских, которые посланы с их посылщики вместе, задержали у себя под Гомлем в обозе. И полковник де Мурашка высылал от Гомля в казацкой табор, для досмотру

и отобрания тех листов и посылных людей, дву товарыщев, Черняка, Норматовича, да с ними Гомельского протопопа, которых от колких дней с теми листами дождатца не может и по се время задержаны. А сказывают де ему из табару казаки, что их с теми посолскими и комисарскими листами послали к тебе боярину и гетману; а тем де времянем в болшую силу собираютца и от Гомля отступить не хотят. И говоря, дали им нашего царского величества великим и полномочным послом с Мурашкина листа список...

...И которые ратные люди стоят под Гомлем, велеть им от Гомля отступить и из Слуцких мест ратных людей велеть вывесть, и которые присланные у них нашего царского величества от послов и от Полских и от Литовских комисаров, отпустить всех безо всякого задержания и велеть проводить; чтоб им дойтить до Гомля в целости, и о том к нам великому государю... отписать, не замотчав. Писан в государствия нашего дворе, в царствующем великом граде Москве, лета от создания мира 7174, июня в 22 день.

Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 119–120.

1666 г. июля 17–22. – Из посланий (отписок) к царю Алексею Михайловичу гетмана Запорожского войска Ивана Мартыновича Брюховецкого об отводе казацких войск из-под Гомеля.

...Да вам же великому государю, вашему царскому пресветлому величеству, и о том ведомо чиню, что полк пехоты с Иваном Щербиною, а другий полк конницы Волоских корогвей при Дмитрашке Райче, полковнику верного войска вашего царского пресветлого величества Запорожского Брасловском, из под Гомля повернувшимся, не роспустил, потому что они такие казаки, ни один из них на сем боку Днепра домов не имеют, и чтоб никакие бунты в Запороге не пошли; и ради тое их службы указал я оным верный вашего царского пресветлого величества холоп становища поблизку Днепра, в Остре, в Козелце, в Бырышполе, в Воронкове, чтобы оттуду себе и корме имали, а неприятелей, естли которые на сю сторону Днепра итти имели, подстерегали и отпор давали...

И я о том известно вашему пресветлому царскому величеству чиню, что те все полки, которые были в краю Литовском и под самым Гомлем, по первому еще милосердому вашему государскому указу, который прислан был ко мне через Федора Демьянцова, сотника стрелецкого, оттуда сведены и единого в том краю ныне человека из войска казацкого нет; а когда отступили, то и языков Ляцких, яко то особно и попа Гомелского к ним без задержанья

отпустили; о чем я через посланников моих и преж сего вестно вашему царскому пресветлому величеству чинил, что ведушно тот ваш милосердый государев указ я... исполнил.

Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 136–137.

1681 г. октября. – Описание Гомельского замка из «Инвентаря староства Гомельского, составленного в году 1681 месяца октября, разными днями».

Замок Гомельский на горе высокой над рекой Сожем с одной стороны, а с другой от Места рвом обведен и палами дубовыми окружен с одиннадцатью избицами, около этого замка имеющимися. Идет к замку от Места мост на палах через ров. Брама деревянная с воротами и калиткой на бегунах, при ней клямка с пробоями и замок, а у самых ворот защепка для замыкания. В середине замка по правой стороне дом старый, драницами крытый, с крыльцом из дешевых бревнышек сделанным. При входе в сени дверь на бегунах. С правой стороны к избе белой дверь на завесах с крюками, клямкой, крючком и пробоями, окон стеклянных, вставленных в дерево, три с рамами на бегунах и пробоями, лавок три, стол один, полок три... печь из зеленого кафеля, при ней комин для освещения огнем, около этой печи две лавки. Из этой избы к коморе дверь на завесах, с крюками, с защепкой и пробоями, окно одно, вставленное в дерево, лавок две; из этой коморы к коморке дверь на бегунах с защепкой и пробоями; из этого помещения, выходя через сени напротив, к пекарне дверь на бегунах, в ней печь... лавок две. За этим домом кухня, сделанная из дерева, к ней двери на бегунах, верх драницами крыт; в сторону от этой кухни винный погреб из дерева сделанный, крытый драницами, к нему двое дверей, одна вверху драничная с защепкой и пробоями на бегунах, а другая внизу также с защепкой и пробоями, при ней ледник; на этом погребе свиранчик, крытый драницами, двери к нему на завесах с защепкой и пробоями, с ледником... за этим свиранчиком конюшня с возовней, сделанная из дерева, драницами крытая, ворот двое, пол досками вымощен. За этой конюшней конюшенка из тына приставлена, также с помостом, драницами крытая. Напротив этой конюшенки винокурня, драницами крытая, ворота к ней на бегунах. При винокурне баня, двери к ней на бегунах, печь... двое полов, там же лестница, позади погреб-ледник. На этом же месте вверху... сделанный из драниц, драницами крытый, к нему дверь на бегунах с защепкой, пробоями и замком висячим. За этим... церковь замковая Св. Николая

с колоколами и всякой принадлежностью. За этой церковью дом новый, драницами крытый, внизу два свирана, к ним две двери на завесах с крюками, защепками, пробоями и замками висячими; на этих свиранах вверху избы, к ним лестницы со двора, перед сенями крыльцо, к сеням дверь на завесах с крюками, между ними по правой стороне к избе двери на завесах с крюками, защепкой и пробоями, печь из кафеля зеленого, при ней комин для освещения огнем, окон, вставленных в дерево, четыре, стол один, лавки две... из этой избы к коморе двери на завесах с крюками, защепкой и пробоями, окон, вставленных в дерево, три, стол один, двое стульев... там же коморка, столбами подпертая. Двери к ней на завесах с крюками и защепкой, с этой коморы к сеням... двери на завесах с крюками, защепкой и пробоями, напротив... избы через сени, двери к избе большой на завесах с крюками, стол один, окон, вставленных в дерево, четыре, печи нет. Из этих же сеней к Сожу дверь на завесах, от которой узкое крыльцо, у которого по краям коморки, двери на бегунах с защепками и пробоями. Этот дом весь из дерева тесанного сделан, пол досками вымощен. За этим домом возле брамы тюрьма, сделанная из дерева, двери к ней на бегунах с защепкой и пробоями.

Само Место, пойдя от замка по правой стороне, вокруг палами дубовыми обставлено, двойными, с избицами, упирается вторым концом аж до реки Сожа. Около этого же Места ров копанный, брам три, сделанных из дерева, и воротами, пробоями, крюками и замками висячими.

Перевод с польского. НИА РБ. Ф. 694. Оп. 7. Л. 1–2.

1724 г. ноября 27. – Из записки российского посольства в Варшаве королю Августу II о религиозных притеснениях населения Польши, Литвы и Беларуси.

11. В Гомлю, Ксендз тамошняго прихода запрещает Церковь строить каменную, которая имела строиться, по данной привиллегии от Князей Нейбурских.

Сборник документов, уясняющих отношение латино-польской пропаганды к русской вере и народности (Из исторических материалов, помещенных в «Вестнике Западной России» и из других печатных источников). Вып. 2. Вильна, 1866. С. 162–170.

1739 г. сентября 7. – Из донесения Белорусского епископа Иосифа Волчанского российскому правительству о гонениях на православных в Речи Посполитой.

5) Что прошедшаго 1737 года, в Протопопии Гомельской, отнято четыре церкви: Радожская, Варфоломейская, Шерстинская и Новосельская.

6) Что 1738 года, в той же Протопопии, отнята церков Холчанская, а три церкви православныя сгорели в самом Гомлю, которых вновь строить воспрещают. А те вотчины Гомель со всем уездом суть вышеозначенаго Князя Чарторижскаго. От чего следует, что остановок той Епархии весь отойдет на Унию, и Епископа православнаго ни к чему и не чем будет здесь содержать в недолгом времени. Аще всемощнейшая Российская Держава здешнему Православию не поможет.

Сборник документов, уясняющих... С. 187–189.

1739 г. – Из представления иеромонаха Силивестра Коховского российскому министру-резиденту в Варшаве Голембевскому о преследованиях православных в Речи Посполитой.

(А) В Епархии Белорусской:

1. В разсуждении церкви Св. Николая в замке Гомельском на Унию (1727 года) отнятой, Анкута Бискуп Антепатрейский, Референдар Вел. Княж. Литовскаго, следствие в бытность с нашей стороны Коммисара чинил, и в том деле несколько лиц из духовнаго Шляхетства и гражданскаго чина засвидетельствовали, что оная Церковь не на Унию, но в Православие построена и к Православию привращена быть имела и оное следствие за печатью к Бискупу Виленскому отослано. Того ради просим, чтобы оная Церковь впредь по силе засвидетельствования к фундаменту Православия святаго привращена была.

2. В Старостве Гомельском, в день праздника Св. Петра, в 1737 году, четыре церкви насильно взяты на Унию, а именно: Шерецинская, Радозская, Бартоломеевская и Новосельская.

Сборник документов, уясняющих... С. 189–196.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронологическая таблица доистории и истории Гомеля с древнейших времён до конца XVIII в.

27–25 тыс. лет до н. э.	– первые стоянки человека на юго-востоке Беларуси
VIII–V тыс. до н. э.	– эпоха мезолита; широкое освоение охотниками и собирателями долины Сожа
IV–III тыс. до н. э.	– эпоха неолита; стоянки первобытного человека в Якубовке, Романовичах, Новобелице, Давыдовке
конец III–II тыс. до н. э.	– эпоха бронзы; первые долговременные поселения людей в историческом центре Гомеля; переход к земледелию и скотоводству
VIII–VII вв. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.	– эпоха железа, распространение чёрной металлургии
VII–III вв. до н. э.	– милоградская культура; первое городище в историческом центре Гомеля
III–II вв. до н. э. – I–II вв. н. э.	– зарубинецкая культура; тацитовы венеды
III – V вв. н. э.	– киевская культура
VII–VIII вв. н. э.	– возникновение прото-Гомия как общинно-племенного центра носителей колочинской культуры
VIII–X вв. н. э.	– «радимичская» эпоха
до 885 г.	– политическая зависимость радимичей от Хазарского каганата
885 г.	– освобождение радимичей от хазарской дани Олегом Вещим; наложение киевской дани

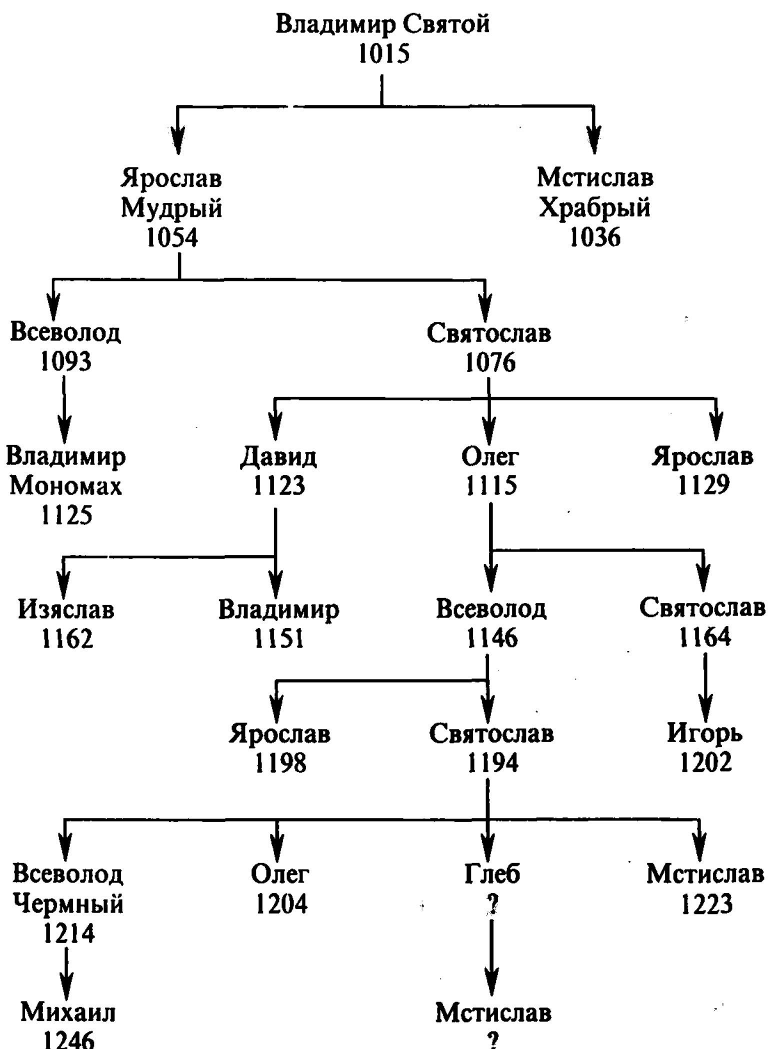
907 г.	–	участие радимичей в походе войск Олега Ве... ого на Константинополь
до 984 г.	–	Гомий – град радимичей; широкая колонизация земледельцами Нижнего Посожья
984 г.	–	разгром радимичей великим киевским князем Владимиром Святославичем на р. Песчане; включение земли радимичей в состав Киевской Руси
984–1026 гг.	–	Гомий в составе Киевской Руси; правление в городе великокняжеских наместников
1026–1036 гг.	–	Гомий в составе Черниговского княжества Мстислава Владимировича
1036–1054 гг.	–	город под управлением наместников Ярослава Владимировича Мудрого
1054–1239 гг.	–	Гомий в составе Черниговского княжества; превращение города в крупный военно-административный, торгово-экономический и культурный центр Нижнего Посожья
1078–1094 гг.	–	Гомий под властью Владимира Всеволодовича Мономаха
конец XI – начало XII вв.	–	время возникновения древнейших городских усадеб и улиц (по археологическим данным)
1097–1123 гг.	–	Гомий под властью Давида Святославича, строительство первого каменного храма
1142 г.	–	поход на Гомий смоленского князя Ростислава Мстиславича; первое летописное сообщение о Гомии
1151–1154, 1155–1157 гг.	–	правление в Чернигове Изяслава Давидовича
1158 г.	–	бегство Изяслава Давидовича из Киева в Гомий
XII – начало XIII вв.	–	расцвет Гомия, создание мощных замковых и городских фортификаций
1198–1202 гг.	–	правление в Чернигове героя «Слова о полку Игореве» князя Игоря Святославича

1223 г.	–	битва русичей и половцев с ордами Чингисхана; гибель на р. Калке гомийских ратников и черниговского князя Мстислава Святославича
1237–1241 гг.	–	монголо-татарское нашествие на земли Южной и Восточной Руси
около 1239 г.	–	разгром монголо-татарами черниговосеверских земель, разорение Гомия
1239 г. – середина XIV в.	–	Гомий под игом монголо-татар, упадок городской жизни
конец 1350-х – начало 1360-х гг.	–	включение Гомия в состав Великого княжества Литовского князем Ольгердом
1360-е? – около 1393? гг.	–	Гомей в составе владений Фёдора Кориатовича
1362 г.	–	сражение литовского войска с татарами при Синей Воде
около 1393?– 1406? гг.	–	Гомей в составе Стародубского удела князей Патрикия Наримантовича и Александра Патрикиевича
конец XIV в.	–	упоминание Гомея «Списком русских городов дальних и ближних»
1406? – 1408? гг.	–	Гомей под властью Свидригайло Ольгердовича
1432–1436 гг.	–	гражданская война в Великом княжестве Литовском
1446 – 1449 гг.	–	Гомей в составе удела Василия Ярославича боровского
начало 1450-х гг.	–	Гомей под управлением Свидригайло Ольгердовича
1454 – около 1518 гг.	–	Гомей в составе удела князей Можайских
1492–1494 гг.	–	война Московского государства с ВКЛ
конец XV в.	–	первые упоминания в документах о замковой соборной Николаевской церкви
1500–1503гг.	–	война Московского государства с ВКЛ
1500 г.	–	переход С.И. Можайского «на службу» к Москве вместе с Черниговом, Стародубом и Гомеем

1507–1508 гг.	–	война Московского государства с ВКЛ
1511 г.	–	захват В.С. Можайским речицких сёл
1512–1522 гг.	–	война Московского государства с ВКЛ
после 1518–1535 гг.	–	Гомей под управлением наместников великого князя московского
1534–1537 гг.	–	война Московского государства с ВКЛ
лето 1535 г.	–	взятие Гомея войсками Ю.Н. Радзивилла, возвращение города в состав ВКЛ
1535 г.	–	основание Гомейского староства
1560 г.	–	проведение аграрной реформы в Гомейской волости; «Реестр ревизии господарской Гомейской волости»
21 марта 1560 г.	–	грамота Жигимонта Августа гомейским мещанам на право городской печати
середина XVI в.	–	упоминания в документах гомельских церквей Пречистенской, Троицкой и Спасской
1561 г.	–	старейшие известия о городских (меских) укреплениях
1569 г.	–	Люблинская уния ВКЛ и Королевства Польского, создание Речи Посполитой
5 мая 1581 г.	–	нападение на Гомель московского войска
1596 г.	–	Брестская церковная уния, создание униатской церкви в Речи Посполитой
1609–1618 гг.	–	война Речи Посполитой с Россией
1632–1634 гг.	–	«Смоленская война» России и Речи Посполитой
1633 г.	–	попытка взятия Гомеля казацкими отрядами
1648–1651 гг.	–	гражданская война на Беларуси
1648 г.	–	взятие Гомеля казаками Б. Хмельницкого
1649 г.	–	захват Гомеля казацкими отрядами М. Небабы
1651 г.	–	осада Гомеля казаками Забелы и Окши
1654 г.	–	начало церковного раскола в России

1654–1667 гг.	–	война России с Речью Посполитой
лето 1654 г.	–	осада и взятие Гомеля казацкими войсками И. Золотаренко
март 1661 г.	–	пожалование Гомеля и волости казацкому полковнику В. Золотаренко царём Алексеем Михайловичем
1660-е гг.	–	Гомель под властью А. Мурашки
1670 г.	–	королевский привилей гомельским мещанам на свободную торговлю
октябрь 1681 г.	–	«Инвентарь староства Гомельского...»
конец XVII в.	–	начало переселения российских староверов в Гомельское староство
1685 г.	–	основание под Гомелем православного Терешковского монастыря
рубеж XVII–XVIII вв.	–	возникновение гомельской старообрядческой слободы Спасовки (Спасовой)
1717 г.	–	передача Николаевского собора униатской общине
2 сентября 1737 г.	–	пожар, уничтоживший большую часть Гомеля
1737 г.	–	строительство в Гомеле нового замка; возведение в Спасовой слободе Ильинской церкви
1738 г.	–	инвентарь Гомельского староства
XVIII в.	–	основание в окрестностях Гомеля первых старообрядческих монастырей
1765 г.	–	люстрация (инвентарь) Гомельского староства
1772 г.	–	вхождение Гомеля в состав России по условиям первого раздела Речи Посполитой

Генеалогическая таблица киевских и чернигово-северских князей, управлявших Гомием в конце X – первой трети XIII вв., с указанием дат смерти

Перечень черниговских князей – владельцев Гомия XI – первой трети XIII вв. – с указанием крестильных имён, отношений родства последующих князей к предыдущим и дат правления в Чернигове (по А.Р. Гущину)

1.	Мстислав Владимирович (Константин Васильевич) Храбрый	1026 – 1036 гг.
2.	Святослав Ярославич (Николай Георгиевич), племянник	1054 – 1073 гг.
3.	Всеволод Ярославич (Андрей Георгиевич), младший брат	1073 – 1078 гг.
4.	Борис Вячеславич (Борис Меркурьевич), младший племянник	1077 г.
5.	Олег Святославич (Михаил Николаевич) «Гориславич», старший племянник Всеволода Ярославича (первое правление)	1078 г.
6.	Владимир Всеволодович (Василий Андреевич) Мономах, старший сын Всеволода Ярославича	1078 – 1094 гг.
7.	Олег Святославич, старший двоюродный брат (второе правление)	1094 – 1096 гг.
8.	Давид Святославич (Давид Николаевич), старший брат	1097 – 1123 гг.
9.	Ярослав Святославич (Панкратий Николаевич), младший брат	1123 – 1127 гг.
10.	Всеволод Ольгович (Кирилл Михайлович), старший племянник	1127 – 1139 гг.
11.	Владимир Давидович, старший двоюродный брат	1139 – 1151 гг.
12.	Изяслав Давидович (Николай Давидович), младший брат (первое правление)	1151 – 1154 гг.
13.	Святослав Ольгович (Николай Михайлович), младший двоюродный брат (первое правление)	1154 – 1155 гг.
14.	Изяслав Давидович, старший двоюродный брат (второе правление)	1155 – 1157 гг.
15.	Святослав Ольгович, младший двоюродный брат (второе правление)	1157 – 1164 гг.
16.	Святослав Всеволодович (Михаил Кириллович), старший племянник	1164 – 1176 гг.
17.	Ярослав Всеволодович (Прокопий Кириллович), младший брат	1177 – 1198 гг.
18.	Игорь Святославич (Георгий Николаевич), младший двоюродный брат	1198 – 1202 гг.

19.	Олег Святославич (Феодосий Михайлович), старший двоюродный племянник	1202 – 1204? гг.
20.	Всеволод Святославич (Даниил Михайлович) Чермный, младший брат	1204? - 1211? гг.
21.	Рюрик Ростиславич (Василий Михайлович), пятиюродный брат	1211? - 1212? гг.
22.	Глеб Святославич (Пахомий Михайлович), младший брат Всеволода Чермного	1212 – 1214? гг.
23.	Мстислав Святославич (Пантелеймон Михайлович), младший брат	1214 - 1223 гг.
24.	Михаил Всеволодович (Михаил Даниилович) Святой, старший племянник	1223 – 1235 гг.
25.	Мстислав Глебович (Фёдор Пахомиевич), младший двоюродный брат	1235 - 1239 гг.

Перечень удельных владельцев Гомея XIV – начала XVI вв.

1.	Фёдор Кориатович	1360-е? – ок. 1393? гг.
2.	Патрикий Наримантович и Александр Патрикиевич	ок. 1393? – 1406? гг.
3.	Свидригайло Ольгердович	1406? – 1408 гг.
4.	Жигимонт Кейстутович	1408 – 1430 гг.
5.	Василий Ярославич Боровский	1446 – 1449 гг.
6.	Свидригайло Ольгердович	нач. 1450-х гг.
7.	Иван Андреевич Можайский	1454 – ок. 1483 гг.
8.	Семён Иванович Можайский	ок. 1483 – ок. 1505 гг.
9.	Василий Семёнович Можайский	ок. 1505 – ок. 1518 гг.

Перечень старост и державцев, управлявших Гомелем в XVI – конце XVIII вв.

1.	А.А. Каширский	1535 – 1536 гг.
2.	В.Ю. Толочинский	1536 - 1541 гг.
3.	Я. Дорошкевич	1541 - 1543 гг.
4.	Я. Хрщонович	1543 - 1547 гг.
5.	О. Горностай, К.В. Тышкевич	1547 - 1567 гг.
6.	М. Мышка-Варковский	после 1567 – конец 1560-х? гг.
7.	Сапеги	1570-е – 90-е гг.
8.	А. и З. Служки	1630-е – 1640-е гг.
9.	М.К. Радзивилл	с 1667 г.
10.	Красинские	нач. XVIII в.
11.	М.Ф. Чарторыйский	1730 – 1772 гг.

Перечень государей Великого княжества Литовского и Речи Посполитой с указанием дат правления

1.	Миндовг	1236? – 1263 гг.
2.	Войшелк	1264 – 1267 гг.
3.	Шварн	1267 – 1269 гг.
4.	Тройден	1270 – 1282 гг.
5.	Пукувер	1282 – 1293 гг.
6.	Витень	1293 – 1316 гг.
7.	Гедимин	1316 – 1341 гг.
8.	Ольгерд и Кейстут	1345 – 1377 гг.
9.	Ягайло	1377 – 1381 гг.
10.	Кейстут	1381 – 1382 гг.
11.	Ягайло (король польский Владислав II в 1386 – 1434)	1382 – 1386 гг.
12.	Ягайло и Скиргайло	1386 – 1392 гг.
13.	Витовт	1392 - 1430 гг.
14.	Свидригайло	1430 – 1432 гг.
15.	Жигимонт I Кейстутович	1432 – 1440 гг.
16.	Казимир Ягеллончик (король польский Казимир IV Ягеллончик в 1447 – 1492)	1440 – 1492 гг.
17.	Александр Ягеллончик (король польский Александр I Ягеллончик в 1501 – 1506)	1492 – 1506 гг.
18.	Жигимонт Старый (король польский Жигимонт I Старый в 1506 – 1548)	1506 – 1529 гг.
19.	Жигимонт Август (король польский Жигимонт II Август в1548 – 1572)	1529 - 1572 гг.
20.	Генрих Валуа	1573 – 1574 гг.
21.	Стефан Баторий	1576 – 1586 гг.
22.	Жигимонт III Ваза	1587 – 1632 гг.
23.	Владислав IV Ваза	1632 – 1648 гг.
24.	Ян II Казимир	1648 – 1668 гг.
25.	Михаил Корибут-Вишневецкий	1669 – 1673 гг.
26.	Ян III Собеский	1674 – 1696 гг.
27.	Август II Сильный	1697 – 1704 гг.
28.	Станислав Лещинский и Август II Сильный	1704 – 1709 гг.
29.	Август II Сильный	1709 – 1733 гг.
30.	Станислав Лещинский	1733 г.
31.	Август III	1733 – 1763 гг.
32.	Станислав Август Понятовский	1764 – 1795 гг.

Перечень государей Московского государства (с 1547 года – царства) и Российской империи (с 1721 года)

1.	Даниил Александрович	1276 – 1303 гг.
2.	Юрий Даниилович	1303 – 1325 гг.
3.	Иван I Даниилович Калита	1325 – 1340 гг.
4.	Симеон Иванович Гордый	1340 – 1353 гг.
5.	Иван II Иванович Красный	1353 – 1359 гг.
6.	Дмитрий Иванович Донской	1359 – 1389 гг.
7.	Василий I Дмитриевич	1389 – 1425 гг.
8.	Василий II Васильевич Тёмный	1425 – 1433 гг.
9.	Юрий Дмитриевич	1433 г.
10.	Василий II Васильевич Тёмный	1433 – 1434 гг.
11.	Юрий Дмитриевич	1434 г.
12.	Василий II Васильевич Тёмный	1434 – 1446 гг.
13.	Дмитрий Юрьевич Шемяка	1446 – 1447 гг.
14.	Василий II Васильевич Тёмный	1447 – 1462 гг.
15.	Иван III Васильевич	1462 – 1505 гг.
16.	Василий III Иванович	1505 – 1533 гг.
17.	Иван IV Васильевич Грозный	1533 – 1584 гг.
18.	Фёдор Иванович	1584 – 1598 гг.
19.	Борис Годунов	1598 – 1605 гг.
20.	Лжедмитрий I	1605 – 1606 гг.
21.	Василий IV Иванович Шуйский	1606 – 1610 гг.
22.	Михаил Фёдорович Романов	1613 – 1645 гг.
23.	Алексей Михайлович	1645 – 1676 гг.
24.	Фёдор Алексеевич	1676 – 1682 гг.
25.	Иван V Алексеевич и Пётр I Алексеевич	1682 г.
26.	Софья	1682 – 1689 гг.
27.	Пётр I Алексеевич	1689 – 1725 гг.
28.	Екатерина I	1725 – 1727 гг.
29.	Пётр II	1727 – 1730 гг.
30.	Анна Иоанновна	1730 – 1740 гг.
31.	Иван VI Антонович	1740 – 1741 гг.
32.	Елизавета Петровна	1741 – 1761 гг.
33.	Пётр III	1761 – 1762 гг.
34.	Екатерина II	1762 – 1798 гг.

Список крестьян-дво├ровладельцев в господарских гомельских сёлах по «Реестру ревизии господарской Гомейской волости» 1560 г.

1. Романовичи. Иван Ходолович; Илия и Халимон Марковичи; Иван, Овтюх и Стефан Ходоровичи; Курила Янковович; Кондрат Омелиянович; Илия Бобровник.

«Люди поповские»: Стефан Михайлович; Осип Данилович; Матфей Ерыга.

2. Добруша. Амелиан Василевич; Пронко и Иван Оли...; Яков Пилипович; ... Максимович; Васько ...; Семен Онанич.

3. Демияновичи и Бересцы. Радько Юшкович; Антон Микитич; Апанас Иванович; Грыцко Данилович; Омелиян Антонович; Нестер Терехович; Зозыко Михалевич; Иван Познякович; Игнат Михалевич; Радивон Шостакович; Илия Бобровник.

4. Тростынь. Иван Овдеевич; Сенко Яковлевич; ... Демидович; Иван Уласович; Борис Макарович; Лука Прокопович; Антон Пилипович; Сенько Оскамилович; Иван Гость.

5. Корма. Левон ...; Иван Михайлович; Дорох Василевич; Фтома Ничипорович; Стефан Богданович.

6. Головинцы. Матфей Ходотович; Устин Зарич; Тронько Зарич; Иван Губич.

7. Данилковичи. Леон и Лазар Евхимовичи; Трохим Иванович; Семен и Игнат Стефановичи; Лукиан и Ждан Антоновичи; Сава Миткович.

8. Антоновичи. Федько Сидорович; Васько Сквирович; Васько Борода; Матруна Кивулиная.

9. Лагуновичи. Вурец Рабцович; Селим Стефанович; Мартин Павлович; Михал Матвеевич; Тишко Тишкевич; Стефан Логвинович; Тимош Тишкович.

10. Прибытковичи. Илия Сидорович; Давид Матфеевич; Тишко Ходорович; Иван Кисель; Стефан Сидорович; Семен Левонович; Оксинья Федьковая; Супрон Яковович; Сенько Федькович.

11. Марковичи. Яков Плошкович; Антон Федорович; Свирид и Жидко Фурсовичи; Иван Андросович; Тишко Полуянович; Андрей, Василь и Левон Васильковичи.

12. Терешковичи. Ермак Стефанович; Косило Яковович; Тит Оксютыч; Кузьма Кучукович.

13. Дятловичи. Олешко Ходорович.
«Человек поповский» Михал Добринич.
«Человек боярский» Овдей.

14. Утье. Павел Копан; Пронко Терехович; Мишка и Мартин Павловичи; Овдей Максимович; Марко Иванович.

15. Носовичи. Терех Яковович; Семен Терехович.

16. Юрковичи (Старые). Мишко Павлович; Микула Максимович; Радко Максимович; Иван Гость; Павел Копан.

17. Озарчичи. Иев Степанович.

18. Бобовичи. Иван Кононович; Василь Лобкович; Иван Кобцович; Иван Лобкович; Федько Красич; Гаврило Болото.

19. Волковичи. Кузьма Павлович; Иван Тереневич; Опанас Василевич; Курило Федькович; Хотян Мехедович; Павел Миткович; Лев Чорнакович; Трохим Прокопович; Данило Матфеевич; Симон Андросович; Лаврин Ильин; Кузьма Грицкович.

20. Телеши. Панко Нестерович; Шунко Ходотович; Тарас Михалевич; Карп Сапонович; Зенко Иванович; Иван Лукьянович; Сава Степанович; Ничипор Неронович.

21. Тереничи. Гринь Малевич; Тит Корабич; Стефан Кисель.

22. Бацуны. Сак Ескович; Олисей Гапонович; Микита Беречич.

23. Губичи. Михал Максимович; Кузьма Остапкович; Оксюта Пилипович; Богдан Остапкович; Ониско Ермашевич; Павел Гапонович; Гришко Ярошкович; Степан Тишкович; Устин Кондратович; Иван Онискович; Сергей Яковович; Овдей Иванович; Федько Дробышевич; Семен Кокорич; Гришко Ходотович; Данило Артемович.

24. Морозовичи. Иван Юркович; Гаврило Яковович; Яков Кочанович; Микита Степанович; Демид Смольнянич.

25. Пиреевичи. Купрей Острохимович; Иван Иванович; Иван Ходорович; Лукьян Жирович; Совостей Натич; Василь Годич.

26. Кошелево. Опанас Старец; Осип Булизич; Хрол Хомич; Радко Колеником; Освей Наумович; Ничипор Иванович; Мишко Козакович; Гридко Данилович; Федько Голвинович; Амелиан Турчин; Мина Микитич; Янко Макавович.

27. Уваровичи. Сидор Петрович; Гришко Переятич; Данило и Дорошко Артемовичи; Гришко Грикович; Грин Малеевич; Андрей Малишевич; Гаврило Скородко; Митко Василевич; Иван Карпович; Игнат Кривец; Свирид и Сидор Ивановичи.

28. Даниловичи. Максим Былизич; Василь Тимофеевич; Максим Иванович; Яков Ходорович; Федько Пешкович; Лукьян Игнатович; Иван Карпович; Петруша Борысович.

29. Юрковичи. Кудин и Ермола Созоновичи; Ларко Микулич; Овтух Игнатович.

30. Новоселки. Охрем Иванович; Малофей Абакунович; Осип Андреевич; Совостиян Степанович; Пилип Климятич; Иван Попович.

«Человек поповский» Ларко.

31. Старое. Мойсей Игнатович; Яков Титович; Степан Петрович; Матфей Борисович; Петько Игнатович; Гридко Прокопович; Стома Яковович; Ходот Савич; Созон Дашкович; Никон Прокопович.

«Человек поповский» Яков Тишкович.

Список крестьян-дворовладельцев в королевских гомельских сёлах по «Инвентарю староства Гомельского...» 1681 г.

1. Волковичи. Гришко, Васько, Павел, Сава Климовичи; Опанас Семененок; Корней Сапоронок; Олекси Федоренок; Евхим Дидоженко; братья Уколонковы; Кондрат Бокученок; Иван Ничипоренок; Ходько Чеченок; Аврам Гечаянок; Кирило Хавронок; Иван Тубаба; Цихон Апонасенок; Роман Савич; Яхо Гапоненок; Андрей и Самон Ульяненки; Трухан, Данило и Левон Левоненки; Иван Микитич; Иван Борсук; Максим Петрушич; Ларко Гапоненок.

2. Староселье. Петр Горло; Гаврила Целепень; Евхим Шершеница; Веремей Целепень; Самон Яцинченок; Корней Складенок; Кирьян Яцинченок; Кондрат Меделанский.

3. Поколюбичи. Иван Дедов; Назар Кондратович; Процко Бураченок; Ярмола Голубь; Игнат Миронович; Яцко Борейко; Апанас Маланка; Сидор Рабый; Панцялей Коваленок; Васька Борсук; Ивко Маланченок; Самуйло Коновал.

4. Бобовичи. Евдоким Окуленок; Федор Бураченок; Яков Иванович; Борис Орешкович; Евхим Олешкович; Кондрат Овдеенок; Мехвед Наливайко; Евмен Корнеенок; Самон Андреевич; Ничипор Розлаченок; Иван Жукла; Ничипор Антонович; Осип и Веремей; Гришко Андреев бобровник.

5. Костюковка. Федор ...; Погребенник; Иван Кубрак; Цимош Бал...; Иван Гулай; Филип Ворона; Лукьян Жихарь; Иван Крына;

Федор и Андрей Прихорые; Иван Коваленок; Иван Кордаш; Исай ...; Моисей Демьянович; Мехвед Штучка; Гарасим Дудка; Ларко Коваленок.

6. Маркевичи. Андрей Пещенок; Гурко Кашуба; Цимох Акуток; Цимох и Миско Кравченки; Яско Крамченок; Кузьма Бочеенок; Ониско Отрохов; Яхо Кузьменок; Семен Рудый; Яско Пласиченок; Павел Лапци; Федько Пещенок; Микита Харитонов; Марко Божко; Евхим Вощенок; Сидор Пилипов; Гришко Вощенко; Иона Пилипов; Усцин Потапенок; Гаврило Белый; Алексей Маченок; Степан Шлонок; Антон Бабаренок; Яхо Цвиченок; Марцин Середенок; Сидор Яхов; Семен Зайчик; Антон Мищенок.

7. Корма. Семен Огеев; Федор Акупенок; Миско Максименок; Андрей Усаков; Яско Евмененок; Павел Максимов; Микита Борисенок; Макар и Васько Иванченки; Матвей Кисель; Васько Максименок; Максим Ходченок; Павел Максименок; Иван Иваненок; Семен Кисель бобровник; Сапрон Церешченок; Петр Старченок; Яхо Киселенок; Семен Киселенок; Мацвей Борисенок; Пархом Стороженок; Корней Максименок.

8. Старые Юрковичи. Потап Целушка; Кондрат Навменок; Иван Мормоль; Яхо, Иван и Клим Попошенки; Федор Семененок; Петр Костыренок; Иван Буза; Сцепан Коропец; Иван Барсоба; Цимох, Роман и Федор Третьяченки; Конон Гоморский; Сцепан Рублик; вдова Пархомича; Максим Боднарь; Яков Климов; Матвей Базар; Карп Матвеев; Опанас Суромци; Гришко Симоненок; Веремей Лацук; Сидор; Омелко Ячненок; Иван Циценок; Януш Сунященок; Иван ...; Алексей Кириленок.

9. Слобода Юрковичская. Иван Авошко; Антон Марциненко; Яско Романенко; Федор Мамон; Федор Дегтяренко; Степан Пристав; Процко Скороходенок; Сцепан Писанко; Кондрат Рыковеч; Лазарь Миколаенок; Филон Яковенко; Евмен Левоненок; Аврам Агняненко; Алуфер Коваль; Денис; Федор Москаль; Яцко Плешивый; Сцепан Ярков; Михно Будневин; Остап535 Бересцень; Карпик Левоненко; Панкрат Огняненко; Федор Москалик; Семен Лешок; Лазорь Коненок; Иван Мягкий; Семен Цеценок; Васько Ничипоренок; Пархом Кононенко; Радько Рубашный; Федор Скиненок; Андрей Малажавый; Иван Чиченко; Яков Рудкий; ...Осипович; Гришко Осипенок; Федор Кубаровец; Иван Белоусенко; Потап Гуманенко; Гаврило Борисенко; Омельян и Цимох Самонки; Гришко Браковый; Марко и Лукьян Кубаровичи; Милюта Павлюкович.

10. Добруша. Гришко Ещенок; Кузьма Убарщенок; Матвиций Явланенок; Яцко Явланенок; Ларко Усов; Кирило Аксиненок; Федор Гутор; Сяменок Гутор; Иван и Ярош Гуторенки; Петр Престроненок; Федор Апанасенок; Арцюх Плещеенок; Аксен и Остап Вакуленок; Евхим Черчен; Алексей Гарасимов; Богдан Семенович; Игнат и Васько Шавидченок; Федор Бора; Гришко Даниленок; Иван Новик.

11. Романовичи. Ярмола Труханович; Мануйло; Андрей Траханович; Ониско Цурпенок; Семен ...; Васько Шеронов; Яков Пущенок; Андрей Цинков; Яцко Цекун; Илья Белый; Цишко и Миско Ялоненки; Мануйло; Иван Макаров; Павел Тубаба; Андрей Щерба; Мацей Белый.

12. Манкевичи. Иван Бракун; Иван Фурсей; Миско Макеенок; Петр Гапонов; Халимон Мишкаленок; Игнат Оникеенок; Цимох Михаленок; Отрош Васцинченок; Федор Сидоренок; Данило Самунович; Михал Потапенков; Иван Бурый.

13. Утье. Степан Микеенок; Гришко Макеенок; Иван Макеенок; Иван Усенок; Сава, Ярош и Ян Дзмитренки; Хома Ярмоленок; Федор, Осип и Цишко Гапоненки; Миско...; Миско Дрокон; Фурсей.

14. Демиановичи. Гришко Пральник; Павел Иванович; Иван Жордак; Цимох Максименок; Гришко Рябый; Федор Иванченок; Гришко Гайко; Марко Косой; Остап Дмитренок; Цивун Гавриленок; Осип Кириленок; вдова Олихнерова; Федор Федькович; Купрей и Филон Жуки.

15. Бересцы. Яско Рыдько; Иван Буличенок; Иван Кашуба; Кирило Микиченок; Яско Кукаль; Васько Матвеенок; Дмитрок Романов; Гришко Сворень; Олисей Чорсулай.

16. Логуны. Цимош Ситнеченок; Яцко, Андрей и Иван Хлопченки; Иван, Федор Семко; Самон, Семен, Цимош и Овсей Сенко; Нечай, Петр и Назар Шорсткие; Гапон Сенков.

17. Прибытковичи. Кирило ...; Андрей Иванов; Конон и Сидор Гришковы; Опанас Цимошев; Опанас Сидоренок; Евхим Тарасенок; Иван Абакунов; Гришко Кондратов; Гаврило Якович.

18. Озарчицы. Сава Карпов; Савоста Косой; Гришко Опанасенок.

19. Слобода Крупецкая. Игнат Турок; Наум Трубка; Тарас Грецкий; Оношко Максимович; Корней Чередух; Павел Миколаев; Василь Прихожий; Якуб Худой; Семен Москаль; Кондрат Корбут; Ониско Середа; Якуб Богатый; Иван Козорезенко; Данило Криво-

пуст; Павел Кривой; Авдаким Березец; Калленник Межинец; Иван Мельник; Павел Малый.

20. Белица. Симон Савицкий; Мацей Плембоцкий; Станислав Янковский; Микита Немкович; Александр Шумский; Яцко Гацицкий; Павел Сухинич; Кондрат Гаврилович; Яцко Ромашкевич; Ян Короп; Влас; Семен Петрас; Степан Иванович; Тарас Новик.

Перечень дворовладельцев в Гомеле по «Инвентарю староства Гомельского...» 1681 г.

1. Улица Чечерская. Василь Свирид; корчма; Иуда Кальманович; Иван Гейн; Абакун Резник; Илья Рудак; Пархом Беднар; Яков Цесла; больница; Игнат Кутченок; Иван Филонович; Евхим Керной; Роман Гумничин; Кальман Жид; Дмирт Шпак; Яхим Швец.

2. Улица Троицкая. Цимох Кричевец; Федор Лащило; Яско Моисенок; Филон Халхун; Левон Янченок; Андрей Спитка; Гаврило Воропай; Иван Кревножицкий; Федор Свириденок; Павел Слотарь; Аврам Янченок; Ян Селецкий; Иван Козелко; Янко Коваль; Павел Лысый; Церковь св. Троицы; Яцко Витунский; пан Михал Кицложевский.

3. Улица Спасская. Костел; пан Красовский; Корней Кричовец; священник Троицкий; Иван Лысый; Ничипор Дубина; Яско Гавриченок; коваль Дрозд; Ничипор Дубина; Можко Дубина; пан Красовский; Кондрат Кушнер; Левон Парокузенок; Иван Кроль; Матужелова вдова; церковь св. Спаса; священник Спасской Церкви; Семен Кричевец.

4. Улица Корниловская. Остап Кулбока; Яско Жихар; пан Михенкевич; пан Левонович; пан Рафал Левонович; пан Федор Плесский; пан Руцкой; Федор Витало; Цимох Левоненок; Кузьма Цит; Васько Яхненок; Левон Янченок; Дубина; Левон Янченок; Павел Лысенок; Дубиновский; Радько Снитка; Кузьма Журавленок; Степан Высоцкий; Гришко Жихаренок; Осип Лесна; мельник Тарасенок; пан Руцкой; Богдан Сорколет; Иван Кусан; Левон Бравко; Кузьма Скрипек; Левон Рыбалко; Ониско Кричевец; Гарасим Дзебанович; Андрей Ярченок.

5. Улица Речицкая. Матвей Радченок; Пилкова вдова; Ярмола Жихарь; Филип Савицкий; Ян Редька; Федор Сосека; Максим Котляр; Иван Дьяк; Семен Сидоренок; Ничипор Пушкарь; Яско Коваль; Андрей Свириденок; Алексей Цеценок; Юрко Донец; Федор Борисенок; Цихон Седненок; Ларкова вдова; Гаврило Дубина;

Микита Матюша; Филип Коваленок; Мокей Мельник; Федор Кордаш; Цихон Ледненок; вдова Усова; Васько Кричевец; Процко Таратута; Гришко Турченок; Петр Цимбалистый; Иван Дубина; Сергей Старун; Халимон Крапива; Андрей Гнида; пан Самуэл Усцинович; Андрей Радченок; протопоп Никольский; пан Яхим Усцинович; Кирьян Балбос; пан Казимеж Пашковский; Демко Млынарь; пан Лаврин Усцинович.

6. «Дымы около острога». Михал Турченок; пани Борейшина-Речицкая; Охромей Дайнека; пан Федор Плеский; Марко Чечерница; вдова Гася; Абакун Вереценник; Иван Карниленок; Аврам Жихарь; Кирьян Фес Стасенко; Осип Лепуненок; Федор Коновал; Сава Речиченица; Максим Жихарев; Сава Речиченица; вдова Яцкова; Аврам Жихарев; казак Гришко; Ходько Гапоненок; Дахно Коваль; Яско Моисенок; Моисей Жилко; Исак Козел; Костюк Гришков; Иван Воропай; Иван Михалович; Яско Михалович; Кузьма Цюхцей; Аврам Канища; Семен Семенович; Иван Керножицкий; Федор Хутко; Цимох Кричевец; священник церкви Пресвятой Богородицы Алексей; Гришко Вареница; Федор Процко; Ярох Рак; Федор Процко.

7. «Дымы во рву под замком». Конон Кудра; Левон Креска; Марцин Копаненок; Левон Казачек.

8. «Дымы за острогом над Сожем под горой». Шенчило Швец; Максим Ананенок; Максим Снитка; Иван Лысый; вдова Регина; Левко Чрековец; Костюк Микитенок; вдова Мишова.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Армата – пушка

Бочка – старинная насыпная мера; в Великом княжестве Литовском использовались бочки по 6, 12, 24 и 32 пуда

Вина – штраф

Волока – мера поверхности в Великом княжестве Литовском, равная 30 моргам или 21,36–21,37 га

Волостель – волостной управитель

Гарц (гарнец) – старинная мера объёма жидкостей и сыпучих припасов; польский (коронный гарц) в XIII–XIX вв. соответствовал 4 квартам или 3,77 литра. В Беларуси вытесняется из употребления в конце XVIII в.

Городня – прямоугольный сруб, тип оборонительного сооружения до XVIII в.; строились 1-ярусными (высотой 3–4 м) и 2–3 ярусными

Грош – денежная единица в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой, равная 10 пенязям (денариям)

Дело – пушка

Дубас – средневековый большегрузный дубовый речной чёлн грузоподъёмностью около 300 пудов

Дым – крестьянское, мещанское дворовладение

Ез (еза) – специальная ловушка для рыбы

Ездный – конный

Елень – олень

Живот – жизнь

Животы – скот

Зарубить – срубить, построить

Захоженье – вторжение

Зачепка – препятствие

Злотый (золотой) – денежная единица в Польше и Речи Посполитой, равная 30 польским грошам или 24 литовским грошам

Избица – элемент оборонительной стены в виде деревянного сруба

Казнить – карать

Камень – старинная мера массы, содержавшая от 32 до 40 фунтов (в фунте – 372–406,7 г)

Каштелян – комендант, начальник замка в Великом княжестве Литовском

Кесарь – царь, император

Клада – куча дров; погребальный костёр

Ключь – уключина для весла в судне

Комяга – средневековое большегрузное речное судно грузоподъёмностью 5–7 тонн

Копа – денежная единица Великого княжества Литовского, равная 60 литовским грошам

Лист – письмо, грамота

Людвисарня – пушечный литейный двор

Маетность – собственность

Маршалок – управитель дворцового хозяйства; председатель

Муниция – военное снаряжение, оружие

Морг – старинная мера поверхности в Великом княжестве Литовском, равная примерно 0,7 га

Мыто – пошлина; таможня

Наезд – нападение

Наследок – наследник

Наука – распоряжение, указание

Отчизна – наследственное земельное владение

Пал – оборонительная стена в виде вертикально вкопанных брёвен

Пенязь (пенезь) – денарий, мелкая монета Великого княжества Литовского

Повет – административно-территориальная единица Речи Посполитой, составная часть воеводства

Повоз – вид повинности

Подачка – подношение

Поминок – подношение

Поседать – занимать, захватывать

Поступиться – уступить

Посылать – писать

Поять – взять

Править – передавать

Приказчик – чиновник

Ратний – воин

Сказка – допрос

Столп – деревянный погребальный помост

Стрелба – ружьё
Судина – сосуд
Сыскать (обыскать) – расследовать
Тать – разбойник
Толковин – переводчик
Тридцатое – вид пошлины
Тризна – вид поминального обряда
Уклад – вид дани
Украинный – окраинный, приграничный
Хоругвь – подразделение казацкого войска, примерно соответствовавшее роте
Целование – клятвенное обязательство
Частокрот – часто
Чинить – вершить, совершать
Щъляг (шеляг) – серебряная монета
Язык – пленный

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ СТАРОГО ГОМЕЛЯ

1. Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Т. XIII. Вильна, 1886.

2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1862; Т. V. СПб., 1867; Т. VIII. СПб., 1875; Т. XIV. СПб., 1889.

3. Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М., 1900.

4. Гомель. Энциклопедический справочник. Мн., 1991.

5. Жудро Ф.А., Сербов И.А., Довгялло Д.И. Город Гомель. Географическо-статистический очерк// Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского Географического общества. Кн.2. Вильна, 1911.

6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. Мн., 1985.

7. Лебедев С.М. Гомель: Краткий историко-экономический очерк. Мн., 1957.

8. Літвінаў Ул., Макушнікаў А. Старажытны Гомель // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1984. № 4.

9. Макушников О.А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

10. Макушников О.А. В поисках древнего Гомия. Гомель,1994.

11. Нарысы гісторыі Беларусі. Ч.І. Мн., 1994.

12. Памяць. Гомель. У 2-х кнігах. Кн. 1. Мн., 1998.

13. Повесть временных лет. Ч.І. М.-Л., 1950.

14. Полное собрание русских летописей. Т.І. М., 1862; Т.ІІ. СПб., 1908; Т.XXXV. М., 1980.

15. Рогалев А.Ф. От Гомеюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах. Гомель,1993.

16. Романов Е.Р. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. І. Вильна, 1910.

17. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.XXXV. Ч.І. СПб., 1892.

18. Сборник Муханова. М., 1856.

19. Спиридонов М.Ф. Гомельская волость в 1560 г. // Тез. докл. І-ой Гомельской обл. научн. конф. по историческому краеведению. Гомель, 1989.

20. Ткачёв М.А. Замки Белоруссии. Мн., 1987.

21. Энцыклапедыя археалогіі і нумізматыкі Беларусі. Мн., 1993.

22. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. Мн., 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

МАКУШНИКОВ Олег Анатольевич

Гомель с древнейших времён до конца XVIII века

Историко-краеведческий очерк

Печатается в авторской редакции.

Ответственная за выпуск **Березовская М.А.**

Компьютерный набор и вёрстка **Котовой Е.Ф.**

На обложке – «Гомель в XII веке».
Реконструкция автора, рисунок **Ю.М. Лупиненко.**

Республиканское унитарное предприятие
«Центр научно-технической и деловой информации»

Лицензия ЛВ № 308 от 26.09.2000 г.
246050, г. Гомель, пр. Ленина, 3

Подписано в печать 3.04.03 г. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 13,43. Доп. тираж 600. Заказ № 3044.

Отпечатано в типографии
РУП «Центр научно-технической и деловой информации»

Лицензия ЛП № 115 от 29.12.2002 г.
246050, г. Гомель, пр. Ленина, 3

ISBN 985-6522-23-4

